

•
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.Н. КИРПИЧНИКОВ

**ВОЕННОЕ ДЕЛО
НА РУСИ
В XIII-XV ВВ.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1966

ВВЕДЕНИЕ

Период феодальной раздробленности, продолжавшийся на Руси с XII по XV в., был осложнен монгольским нашествием 1237—1240 гг. Это трагическое событие не привело к изменению формации, хотя и открыло особый период русской истории. Наше внимание привлекают 1240-1500 гг.—время перехода от феодальной раздробленности к созданию единого государства, что сопровождалось напряженной героической борьбой русского народа за независимость. Военные факторы выступают на данном отрезке отечественной истории с особой силой и слитностью.

Исследование вооружения раннефеодальной монархии и удельного периода вплотную подвело нас к этим «темным векам» в жизни средневековой Руси. Затрудняла исследование бедность находок. В культурных слоях городов, продолжавших свое существование в XIII-XV вв., «воинские вещи» довольно редки, немногочисленны, разрозненны и случайны. Кроме того, обильное по количеству вооружение раннего средневековья и привлекающее своей сохранностью и нарядностью — позднего в известной мере затмевает образцы промежуточного времени. О вооружении периода монгольского ига часто судили по поздним ярким и богатым образцам или летописным свидетельствам.

В результате раскопок последних лет удается преодолеть фрагментарность материала. В таких городах, как Новгород, Псков, Орешек, Москва и др., обнаружены целые коллекции воинских изделий периода зрелого средневековья. Настоящая работа базируется на изучении примерно 1000 предметов вооружения, или относящихся к 1250—1525 гг., или ретроспективно связанных с этим периодом.

Исследование предметов боевой техники мы вели приемами, принятыми в предшествующих работах. На настоящем уровне сбора материала оказалось возможным каталог находок заменить краткими перечнями, Возрастающее значение для оружейведческих штудий периода XIII—XV вв. приобретают отечественные² и иностранные (частью заново переведенные) письменные и изобразительные источники. Последние, особенно образки и миниатюры, оказались наиболее интересными при изучении воинского убора, построения войск, способов владения и ношения оружия. Поразительны по своему почти фотографическому реализму, в частности, рисунки Симоновско-Хлудовской псалтыри, исполненной в 1270-х годах по заказу инок новгородского Юрьева монастыря Симона.³ Религиозная символика источника до сих пор, очевидно, отталкивала от него медиевистов, занимающихся реалиями русской истории. Между тем симоновские изображения блестяще запечатлели множество, казалось, навсегда исчезнувших черт костюма и воинского быта, которые нельзя объяснить копированием предшествующих образцов или заимствованием из другой рукописи. В отличие от известных радзивилловских и сильвестровских, упомянутые рисунки, по-видимому, оригинальны, что создает редкие возможности для характеристики доспеха и оружия, типичных для своей эпохи (в данном случае XIII в.).

¹ См.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. М.—Л., 1966, с. 9—17. — В наших подписях к иллюстрациям место хранения предметов указывается (если оно установлено) в тех случаях, когда это не отмечено в тексте.

² Далее ссылки на летописные источники даны по ПСРЛ. Исключение — издания вне этой серии: Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902; Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2. М., 1955; Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.—Л., 1950; Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950; Иоасафовская летопись. М., 1957; Казанская история. М.—Л., 1954.

³ ГИМ, Архив письменных источников, Хлудовская 3. —127 миниатюр рукописи заслуживают специального издания (ср. табл. XIII, XIV).

В Народном музее в Варшаве находится картина неизвестного художника, запечатлевшего (около 1520 г.) битву, разыгравшуюся между поляками, литовцами и русскими под Оршей в 1514 г. Повод для написания картины с военной точки зрения малозначителен. Русские в этом бою потерпели поражение, что, однако, никак не повлияло на ход всей кампании, увенчавшейся, как известно, освобождением Смоленска. При всей второстепенности оршинской битвы, она передана живописцем (как полагают, школы Луки Кранаха-старшего) с блестящей батальной протокольной точностью. На картине с беспрецедентной точностью представлено несколько сотен русских воинов во главе со своими командирами. Образы последних, по-видимому, даже портретны. Мы видим поотрядно построенную сражающуюся средневековую русскую конницу, снабженную традиционным холодным оружием (табл. XXII, XXIII). Наша воинская иконография не знает столь выразительного документа. Его привлечение было облегчено натурным обследованием и фотографиями, которые любезно присланы польскими музейными работниками. Перечень использованных изобразительных источников можно было бы продолжить, но сказанного достаточно, чтобы судить о неожиданных возможностях, которые они предоставляют.

Военная археология зрелого русского средневековья только создается, а поэтому учитывается еще недостаточно. Военные историки ограничиваются бледным иллюстративным перечислением снаряжения русской рати XIV—XV вв., якобы использовавшей некие крестьянские самодельные дощатые брони или кольчуги «из крепких веревок».⁴

Пути изучения военного дела XIII—XV вв. на современном этапе научных знаний проложили Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, М. Г. Рабинович, А. Ф. Медведев, П. А. Раппопорт, В. В. Косточкин.⁵ Ими изложены общие проблемы военного искусства, осуществлена публикация новых находок, сделан обзор оружия, всесторонне рассмотрено военно-инженерное дело. Нашу работу мы ведем в продолжение усилий упомянутых авторов, что вызвано также и притоком новых сведений.

В предлагаемой книге дается обзор общих явлений военного дела, включая приемы и методы ведения боя, состав и комплектование войск, рассматриваются предметы холодного, защитного вооружения, а также укрепления, метательная осадная техника и огнестрельное оружие.⁶ Стратегия, некоторые изделия всаднического снаряжения, лук и стрелы в работе специально не обсуждаются - в связи с тем, что эти сюжеты или достаточно изучены, или еще не обеспечены материалом.

⁴ Строков А. А. История военного искусства. Т. I. М., 1955, с. 275.

⁵ Работы этих авторов указаны в дальнейшем изложении. Отметим главы о военном искусстве, оружии, военно-оборонительных сооружениях, написанные Б. А. Рыбаковым, А. В. Арциховским, В. В. Косточкиным, в книге «Очерки русской культуры XIII-XV вв.» (Ч. I. М., 1969).

⁶ Выражаю искреннюю признательность А. Г. Векслеру, Б. А. Колчину, Л. К. Маковской, Л. И. Петровой, М. А. Реформатской, А. З. Таугавичусу, М. В. Фехнер, Е. В. Черненко, Н. С. Шеляпиной, В. Л. Янину, своими советами и предоставлением нередко неопубликованного материала способствовавшим написанию этой книги. К этому же ряду мне приятно причислить зарубежных коллег из Польши д-ра А. Червинского, проф. К. Михаловского и особенно проф. А. Надольского - инициатора международных симпозиумов по изучению вооружения славян в эпоху средневековья. Выполнением иллюстраций этой книги я обязан художнице Т. Е. Трошкиной и фотографам М. Г. Агаронян и М. В. Казанковой. Настоящее исследование при щедрой поддержке товарищей по работе создавалось в Секторе славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР.

ОБЗОР ОБЩИХ ЯВЛЕНИЙ ВОЕННОГО ДЕЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—XV В.

В 1237 г. монголы вторглись на территорию Рязанской земли. Спустя три года северо-восточная и южная части страны лежали в развалинах. Войско противника продвигалось по богатым русским княжествам со множеством укрепленных городов и боеспособными вооруженными силами, которые в техническом и тактическом отношении были не ниже, а скорее выше его. Да и сами завоеватели, находившиеся на весьма низкой ступени общественного и хозяйственного развития, не совершили переворота в военном деле и не изобрели новых боевых средств. Их преимущества в наступлении объясняются другими причинами. Не приходится отрицать высокого воинского умения монголов — прекрасных стрелков из лука, опасных и ловких в наступлении и обороне. Исполненный патриархальной дисциплины выносливый монгольский всадник был хорошо подготовлен к далеким походам и упорным боям. Широко использовалась китайская и среднеазиатская осадная техника.

Армия завоевателей во время европейских походов насчитывала 100000-150000 человек.¹ Монголы не знали феодальной неразберихи и могли сосредоточить в каждом отдельном месте мощный кулак сил. Русские князья, не верившие «о множестве войск татарских», неожиданно увидели «такое великое множество покрывавших все поле татар, которых и око не могло обозреть».² Можно предположить, что в сражении с войсками русских княжеств и в операциях по захвату городов они обладали 10-30-кратным численным перевесом. Даже объединенное войско нескольких земель не могло противостоять такой армии, хотя и неоднократно завязывало с ней бой.

Отсутствие единства среди князей-полководцев, не проявивших инициативы в сборе общерусского войска, разумеется, облегчило продвижение татар. Было ли это у оборонявшихся пороком их системы? Скорее мы имеем дело с типичными феодальными порядками, когда владельцы занимались привычной для них войной с «ограниченными целями», где главное — не окончательное сокрушение противника, а выигрыш, может быть, одной битвы, захват политической власти, грабеж, месть.

Феодальные столкновения сопровождались нередко серьезными опустошениями и бедствиями, тормозили развитие общества, но не настолько, чтобы вызвать его регресс. Монгольские полчища впервые за несколько столетий принесли миру новую войну, основанную на тотальном уничтожении целых народов и их культуры. В этом отношении монгольское нашествие далеко позади себя оставило все, что было известно по междукняжеским распрям и половецким набегам.

В умах современников монгольский погром вызвал шок. Человек XIII в. поначалу не мог осмыслить масштабов катастрофы и беспричинной гибели родной страны и ее городов. Режим порабощения и даней захватчики установили в обезлюдевшей и обескровленной Восточной Европе позже. В период же Батыевых походов они ради сиюминутной мести и грабежа бессмысленно уничтожали производительные силы целых областей. Победители не отличались в тот момент политической мудростью и лишали себя многих результатов своей победы. Такова была примитивная, основанная на жестоком насилии, военная доктрина монгольской знати, фактически не воспользовавшаяся достижениями культуры оседлых народов и паразитически расхитившей плоды сложившейся цивилизации. Хищнические методы ограбления покоренных стран обрекли монгольский «кочевой феодализм» на постепенное разложение и последующий упадок (среди причин ослабления Золотой Орды

¹ Ср.: Рашид эд-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, с. 226—281.

² Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М.—Л., 1964, с. 216—217. — Речь идет о битве на Калке.

необходимо, конечно, назвать феодальное разложение внутри ее и сложение на ее территории экономически самодовлеющих провинций). Военный перевес также оказался временным. Всемирно прогрессивное значение имела освободительная борьба русского народа. Наступательный натиск завоевателей иссяк на русских полях, после чего стены некоторых западнорусских и центральноевропейских городов оказались для них непреодолимой преградой. «Русь сделала то, чего не смогли сделать ни Китай, ни держава хорезмшахов, ни Грузия, ни половцы — Русь остановила Батыя на пороге Европы и невольно спасла европейскую цивилизацию».³ Эта миссия досталась нашему отечеству кровавой ценой.

Монгольское нашествие испепелило целые районы Руси, сопровождалось неисчислимыми жертвами, придавило существование всего народа. Летописцы в точном соответствии с истинным положением дел описывали массовое запустение городов, «и ныне лесом заростоша».⁴ Почти вся Южная и часть Северо-Восточной Руси фактически стали пустыней. Масштабы этой катастрофы выясняются археологами, и подтвердилось, что летописец вовсе не преувеличивал, когда писал, например, следующие горестные слова: «Осироте бо тогда и обнища великая наша Русская земля, и отъяся слава и честь ея, но не веки, и поработися богомерску царю ... от Батыива времени».⁵ Зловещая тень монгольского порабощения прошла по всей Руси и, казалось, укрыла целую страну от глаз просвещенного мира.

Монгольское вторжение «явилось печальным рубежом в истории русской культуры, задержало ее развитие на 150—200 лет именно в тот момент, когда передовые страны Западной Европы начали быстро развиваться».⁶

Важно определить, насколько губительным оказался монгольский погром для отечественного военного дела. Что сохранилось тогда от времен «светлых» киевских князей, что было утрачено, что в трудных условиях разрухи городов, упадка ремесел и непрерывного давления со стороны военных противников возникло заново? Вооружение, да и все военное дело справедливо считаются показателями жизнестойкости народа. Каким был и чем может быть измерен этот показатель в самое глухое и одновременно «горячее» время русской истории?

О роли войны в жизни страны можно судить по следующим приблизительным подсчетам, выполненным С. М. Соловьевым.⁷ В 1228—1462 гг., т. е. за 234 года, источники сообщают не менее чем о 302 войнах и различных походах, увенчавшихся 85 битвами; 200 военных предприятий касались борьбы с внешним противником — татарами, литовцами, ливонцами, шведами и др. (60 битв). Если к этому добавить примерно 158 эпизодов, связанных с осадой и обороной крепостей (81 случай касался взятия русских городов), то вполне отчетливо выявляется изнурительный характер крупных и мелких войн, фактически не оставивших мирных дней и подтачивавших и тормозивших развитие общества. Надо обладать поистине нечеловеческой стойкостью, чтобы в таких условиях сохранить культуру и отстоять независимость. Понятия о свободе и борьбе приобрели новую ценность. Народ укреплял себя воспоминаниями о цветущих временах Киевской державы, которые представлялись «золотым веком» русской истории. Связь поколений сохранилась, но жестокие события наложили свой отпечаток на складывающийся национальный характер народа.

³ Рыбаков Б. А. Военное искусство. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. I. М., 1959, с. 349.

⁴ Тверская летопись под 1246 г.

⁶ Казанская история. М.—Л., 1954, с. 45.

⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1949, с. 695.

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. IV. СПб., 1871, с. 207—208.

Военное дело в середине и второй половине XIII в. развивается на Руси с поразительной для обескровленной и разрезанной на части страны интенсивностью. Его черты можно проследить, опираясь преимущественно на письменные источники, в двух больших областях - в северной и юго-западной.

Галицко-Волынская Русь в середине XIII в. переживает явный военный расцвет, что отразилось на составе армии, полководении и вооружении. Начиная с 40-х годов XIII в. летопись подчеркивает возвышение роли пехоты, которая участвует в бою на равных правах с конницей, а иногда и предопределяет исход сражения.⁸ Показательно, что активизация пехотинцев произошла примерно на 50 лет раньше того времени, когда их собратья по классу - пешие ткачи, кузнецы и кожевники бельгийских городов и крестьяне швейцарских кантонов — впервые нанесли сокрушающие поражения рыцарской коннице.

В южнорусское войско был открыт доступ разным социальным слоям. В полки входили бояре и «простые люди», горожане и смерды. В связи с этим на место старой дружинной терминологии все настойчивее выдвигается профессиональная (конники-снужники и пешцы) или общевоинская (вои). В боевых операциях применяются самые неожиданные и неизвестные ранее комбинации: пехота сталкивается с конницей,⁹ конница спешивается, не теряя своих наступательных качеств,¹⁰ лучники вступают в бой даже тогда, когда «оружников не бывшем с ними», а снужники обращают в бегство противника, не дожидаясь помощи стрельцов.¹¹

Полевой бой по-прежнему остается главным проявлением военной активности. В 1251 г. во время похода на ятвягов князь Даниил Романович напомнил своим мужам, что их крепость — открытое поле, сила же поганых за окопом.¹² При всем том в полководении происходят изменения.

Характерная для XII в. скоротечность боя уже не является неперменной. Одно из наиболее подробных описаний битвы XIII в. (под Ярославом в 1245 г.) показывает ее многоактной и с полной, почти игровой свободой маневра.¹³ В ходе столкновения Даниила Галицкого и его соперника князя Ростислава, опиравшегося на угров и поляков, отряды смело выдвигаются на переднюю линию, в противоречии с первоначальным замыслом наносят неожиданные фланговые удары, глубоко проникают в ряды «до заднего полка». Бой под Ярославом — не только пример высокого воинского умения воинов Даниила Галицкого, но и показатель новых приемов борьбы, связанных с ростом оперативной самостоятельности тактической единицы — полка. Дневной переход войска Даниила составил, по подсчетам Б. А. Рыбакова, 68—78 км,¹⁴ а однажды нагруженные осадными орудиями воины этого князя прошли за один день 60-километровый путь от Холма до Люблина. Такие глубокие и внезапные рейды совершались в эпоху, когда уже без осадной техники не мыслили штурма городов. В 40-х годах XIII в. наблюдается массовое распространение появившихся в домонгольский период самострелов и камнеметов. Именно последние стали орудием активного штурма городов - «ими же прииметь град»¹⁵ - и способствовали существенным изменениям тактики крепостной войны. В войске появляются отряды арбалетчиков и артиллеристов, способных транспортировать или строить камнеметные пращи прямо под стенами осажденных городов. И метательные машины, и самострелы для второй половины XIII в. не были новостью, но только в это время их употребление стало регулярным и

⁸ Имеются в виду боевые действия, описанные в Ипатьевской летописи под 1249, 1251, 1253 гг.

⁹ Бой на р. Сечнице (см.: Ипатьевская летопись под 1245 г.).

¹⁰ Ипатьевская летопись под 1251 г. Там же, под 1256 и 1258 гг.

¹² Там же, под 1251 г.

³ Там же, под 1249 г.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Военное искусство, с. 354.

¹⁵ Ипатьевская летопись под 1249 г.

повлекло заметное изменение военной архитектуры. Первоначально в Юго-Западной, а затем и в Северной Руси наряду с деревянными появились многоярусные каменные боевые башни - узлы эффективной высотной обороны.

Даниил Галицкий вводит в коннице так называемое татарское вооружение: для воинов - ярыки, для их коней - личины и кожаные кояры. При помощи подробного описания Плано Карпини¹⁶ те и другие можно считать боевым прикрытием, изготовлявшимся из кусков твердой кожи или металлических пластинок, связывавшихся между собой ремешками. Татарское или, точнее, азиатское вооружение не было для русских совершенно новым. Панцири «ременного скрепления» появились у нас, судя по находкам, в IX—X вв., а конские личины — вскоре после 1200 г.¹⁷ Необходимость защиты от монгольских лучников, наводивших страх силой и кучностью своей стрельбы, ускорила бронирование коней.

Привнесенные от монголов тюркские наименования боевых прикрытий не прижились. Существование же защитных средств, покончивших с монополией кольчуги, подтверждается особой, на этот раз русской терминологией. Под 1261 и 1277 гг. галицкий летописец называет убор воина доспехом.¹⁸ Само это понятие, обозначавшее металлическую боевую одежду, появилось в источниках в последней четверти XII в., а в следующем столетии оно почти совершенно вытесняет такое давнее слово, как броня. За сменой терминологии угадываются технические нововведения. Собирательный смысл слова «доспех» не затемняет того, что в узком смысле оно обозначало не кольчатую, а пластинчатую защиту корпуса тела. На одной миниатюре Лицевого свода XVI в. изображена редкая сцена надевания защитной одежды перед битвой (табл. XIV, 3). Видно, как воины облачаются в пластинчатые подолы и спешат чем-то прикрыть матерчатую рубашку. Сопровождающий текст гласит: «Въскладше на себя доспехи».¹⁹ Этим термином обозначали всякую некольчужную одежду вплоть до конца XVI в.²⁰ Первоначально же такой вид индивидуальной защиты именовался «бронью дощатой».²¹ Вытеснение кольчуги иными, иногда комбинированными формами боевого прикрытия подтверждается также археологически новгородскими и другими находками.²²

В результате ряда военных преобразований и гибкого сочетания обороны и наступления войска Юго-Западной Руси одержали ряд блестящих побед над поляками, уграми, ятвягами, литвой. В 1257 г. Даниил Галицкий впервые после «лет поражений» решился выступить против татар. Двумя годами позже брат Даниила Василько «татар биша и колодники имашя», а горожане - пешцы - отразили под стенами Владимира-Волынского рать Куремсы. Сменивший последнего воевода Бурундай не решился в 1261 г.²³ штурмовать столичный Холм.

С годами татары уже не отваживались на сплошные погромные операции (как это было во времена Батыя), предпочитая угрозы, дипломатический нажим, осторожный маневр. Однако силы Галицко-Волынской Руси подтачивались постоянными внешними и внутренними войнами. «Рать татарьская не перестает зле живущи с нами», - сетовал в 1255 г. князь Даниил одному западному епископу.²⁴ Подчиняясь татарскому давлению, военные вожди княжества разрушают городские укрепления и осуществляют бесполезные

¹⁶ Плано Карпини И. История монголов. СПб., 1911, с. 27—29.

¹⁷ Кирпичников А. Н., Черненко Е. В. Конское наголовье первой половины XIII в. из южной Киевщины. - В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 62—65.

¹⁸ Ипатьевская летопись под 1261 и 1277 гг.

¹⁹ ГПБ, Рукописи, отд., Голицынский, F.IV.222, л. 647 об.

²⁰ Судя по документам XVI в., кольчуга (панцирь), шлем, наручи, наступательное оружие в понятие «доспех» не входили и указывались отдельно.

²¹ Ипатьевская летопись под 1286 г.

²² Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. — СА, 1959 № 2, с. 119 сл.

²³ Ипатьевская летопись под 1261 г.

грабительские походы. Можно удивляться, как в условиях изнурительной борьбы воины и мастера Галицко-Волынской Руси в последний век ее самостоятельного существования сумели преобразовать вооружение, реформировать полковождение, ввести метательную артиллерию, перейти к каменному строительству укреплений. Взлет военного дела опирался на преемственность традиций. Недаром польские, венгерские и немецкие предводители ценили в галицких отрядах «обычай русский отцов своих», «любящу руский бой».²⁵

Историческим достижением Галицко-Волынского княжества было выступление против самого беспощадного врага - татар - и создание нового воинского психологического климата, положившего конец гипнозу непобедимости «псов, вскормленных человеческим мясом» (как называли наследников Чингисхана).²⁶

Похоже, что военные новшества внедрялись в Юго-Западной Руси более быстрыми темпами, чем на севере страны. Важно, однако, отметить в рамках XIII в. параллелизм ряда интересующих нас явлений. Речь идет, например, о равноправном значении в новгородском войске пехоты и конницы. Как и на юго-западе, в составе «верховских» полков было много «черных людей». Большой самостоятельностью отличались северные лучники, рекрутировавшиеся из пехотной «молоди». По сообщению немецкой рифмованной хроники, во время Ледового побоища лучники, находясь перед главными силами, первыми приняли натиск. «Видно было, как отряд братьев-рыцарей прорвался сквозь (ряды) стрелков» и началась рукопашная схватка, в ходе которой «те, кто находились в войске братьев-рыцарей, были окружены».²⁷ Русские стрелки хотя и не могли в одиночку справиться с «великой железной свиньей», но, видимо, очень досаждали крестоносцам. Так, в 1260 г. русские — союзники литовского князя Торейды — в бою с немцами «ранили многих своими луками». Как и на юго-западе, на севере легко меняли установившиеся в XII в. каноны классического конного боя, особенно если обстановка подсказывала иные решения. Так, касаясь битвы со шведами на р. Неве в 1240 г., источник вместо привычного для XII в. регламентированного боевого порядка описывает динамичные действия отдельных удальцов-единоборцев²⁸ как «от бояр», так и «от убогих».

В борьбе с немцами русские прибегли к новому тактическому приему - окружению немецкого «железного полка», обладавшего сокрушающей ударной силой, но слабого в отношении маневра. Такой прием успешно был использован во время Ледового побоища. Тогда немецкий рыцарский клин врезался в гущу русского полка.²⁹ При такой ситуации нарушалась слитность построения тактической единицы, что грозило прекращением организованного сопротивления. В данном случае этого, однако, не произошло, а нападающие сами попали в «мешок». Объяснить данное обстоятельство можно только тем, что в состав полка входили более мелкие тактические единицы, очевидно стяги, сохранившие порядок и самостоятельно осуществившие фланговый маневр на окружение противника. Членение боевых построений на стяги замечается в событиях XII в., а в начале следующего столетия по таким отрядам велся счет всего войска³⁰ В битвах 40-х годов XIII в. отчетливо выступает оперативная самостоятельность таких подразделений. Опыт Ледового побоища был использован в 1268 г. в битве под Раковором.³¹ В этом сражении правый фланг русского

²⁴ Там же, под 1255 г.

²⁵ Там же, под 1252 и 1229 гг.

²⁶ Рыбаков Б. А. Военное искусство, с. 348.

²⁷ Ледовое побоище 1242 г. М.—Л., 1966, с. 213.

²⁸ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 113—114.

²⁹ Обоснованная трактовка битвы 1242 г. предложена Г. Н. Караевым (см.: Ледовое побоище., с. 145 сл.).

³⁰ Рабинович М. Г. Древнерусские знамена X-XV вв. по изображениям на миниатюрах. - В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 175.

³¹ Новгородская 1-я летопись под 1268-1269 гг.

войска был усилен еще одним несколько выдвинутым вперед полком, что, видимо, обеспечило возможность охватывающего флангового удара и разгрома «великой железной свиньи» немцев.

Победа под Раковором, вынудившая крестоносцев надолго отказаться от крупных операций в пределах Руси, примечательна еще в одном отношении. Перед раковорским походом на дворе новгородского владыки были изготовлены камнеметы-пороки. Уже это довольно раннее известие представляет пороки государственной собственностью, в случае нужды использовавшейся в качестве принадлежности полевого войска. Распространение камнеметов, естественно, повлияло на активизацию штурмов. Так, в 1301 г. укрепленная «несказанной твердостью» и пороками шведская Ландскрона была взята новгородцами, как утверждал Н. М. Карамзин, с помощью пращей³² «А град запалиша и разгребоша».³³ Современник-иностранец отметил, что у русских, пришедших под Ландскрону, было много светлых доспехов и блестящих шлемов. «Полагаю, - писал он, - что они шли в поход на русский лад».³⁴

Впервые на севере после каменной Ладого, возведенной в 1114 г., в 1280 г. великий князь Дмитрий и новгородцы соорудили каменное Копорье. С этого времени возобновляется строительство пограничных и иных крепостей, без которых невозможно было освоить и защитить землю. В конце XIII—начале XIV в. отстраиваются в камне укрепления Новгорода и Пскова. В дальнейшем в Орешке (1323 г.) и Кореле (1364 г.), возможно, по примеру юга строятся первые каменные боевые костры.

Примерно в одно время с Галицкой летописью источники в качестве боевой одежды упоминают доспех у новгородцев, видимо отличающийся ют прежней кольчуги.³⁵ Подобно южным районам, Новгородская Русь одерживает ряд решительных побед и ведет успешные наступательные операции в 1240 и 1242 гг. против шведов и немцев, в 1243 г. против литвы.³⁶ В 1256 г. состоялся поражающий своим размахом (реконструированный Б. А. Рыбаковым) поход на север Финляндии³⁷ Победа при Раковоре была дополнена разгромом немцев в 1272 г. под Псковом³⁸ князем Довмонтом. В результате всех этих действий была остановлена волна шведско-немецкого нашествия, наиболее опасного с момента возникновения Русского государства. А в 1285 г. великий князь Дмитрий Александрович заставил отступить татар, грабивших Новгородчину, — «беже царевич в Орду».³⁹ «Это было первое большое сражение, закончившееся изгнанием отряда завоевателей».⁴⁰

Итак, при сравнении двух русских областей, избежавших прямого Батыева погрома, обнаруживается много общего в социальном составе армий, в роли пехоты и лучников, разнообразии приемов боя, видоизменении боевой одежды, использовании осадной техники, переходе к каменным укреплениям и, наконец, во времени оказания открытого отпора татарам. Татарское нашествие, таким образом, не вызвало упадка русского военного дела — как на севере, так и на юге страны оно развивалось, пожалуй, с большей активностью, чем раньше.

³² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. СПб., 1842, с. 102.

³³ Новгородская первая летопись под 1301 г.

³⁴ Рыдзевская Е. А. Хроника Эрика, или древнейшая рифмованная хроника. - Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. II, № 78, л. 18.

³⁵ Никоновская летопись под 1270 и 1290 гг.

³⁶ Там же, под 1243 г.

³⁷ Рыбаков Б. А. Военное искусство, с. 364—366.

³⁸ Софийская 1-я летопись под 1272 г.

³⁹ Никоновская летопись под 1285 г.

⁴⁰ Каргалов В. В. Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига. - ВИ, 1969, № 1, с. 128. - Первая попытка вооруженного сопротивления в послебатыево время была оказана в 1252 г. князем Андреем Ярославичем в бою под Переславлем-Залесским (там же, с. 127).

Несомненно, что XIII в. принес усиление военно-технических контактов с восточными и западными соседями Руси. С 1277 г. русские участвуют в карательных экспедициях татар на Кавказ, Литву и Польшу, а с 1269 г. приглашают к себе на помощь отряды ордынцев.⁴¹ Однако из этого не следует, что в вооружении страны наступил период сплошных заимствований. Азиатское влияние, в частности, в это время носило эпизодический характер, например использование кожаной боевой одежды. Весь строй войска и его основные тактические и технические приемы были унаследованы от домонгольского периода. Существовало хорошо заметное иностранцу почти, национальное своеобразие боевых приемов и вооружения, названное венграми, поляками и шведами «русским боем», «русским обычаем», «русским ладом». Международные по выбору боевые средства позволяли русским захватывать инициативу и успешно действовать на разных фронтах — немцев удивлять татарским оружием, самострелами и каменными замками останавливать татар, обессиливать быстротечным лучным боем прибалтийских крестоносцев.

XIV-первая половина XV в. были для Руси периодом возрождения ее хозяйства, культуры и техники, что подготовило создание единого государства. Этот процесс сопровождался подъемом городов и усилением и обновлением военного потенциала земель. Военные факторы, завещанные XII в. и заключавшиеся в борьбе на несколько фронтов, сохранились и были приумножены в тяжелых условиях монгольского ига. После отпадения от некогда великой Киевской державы в середине XIV в. западнорусских земель сохранились ее северо-восточная и северо-западная части. Фактически же военные события охватывали территорию от Черной Руси на западе до Казанского Поволжья на востоке. Ниже мы коснемся некоторых общих процессов развития вооружения и военного «строительства», уловимых по письменным и вещественным источникам. Военно-технический взлет Руси в XII—XIII вв. был настолько мощным и многообразным, что оказал заметное воздействие на все последующее развитие боевой техники. Относится это и к организации военного ремесла, и к ассортименту изготавливавшегося оружия, и к некоторым приемам ведения борьбы с определенной очередностью использования технических средств, и к регламентированности построения полков,⁴² и, наконец, к продолжавшей существовать дружинной воинской идеологии.

В качестве основного ядра войска по-прежнему выступала конница с ее разнообразным вооружением, доступным состоятельным членам общества. Как и в XII в., конница часто выступала в качестве главной ударной силы и первой завязывала бой. Иностранцы, наблюдавшие Россию XVI в., отмечали бесполезность пехоты, которая не могла поспеть за конницей и была бессильна в полевом бою с татарами. Такая оценка, может быть, и верна для первой половины XVI в. - времени господства дворянской конницы, но неприемлема для более раннего периода. Вплоть до конца XV в. пехота играет важную роль в сражениях, а в северорусских городах-республиках Новгороде и Пскове непременно дополняет конную рать. Монгольское нашествие не только не прервало, но и способствовало начавшемуся ранее подъему пехоты, и в этом смысле популярность данного рода войск в XIV столетии была подготовлена событиями предшествующего века.

⁴¹ Львовская летопись под 1277 г.; Никоновская летопись под 1269 г.

⁴² Боевого и походного построения отдельного полка я не рассматриваю, доверяясь Б. А. Рыбакову, заключившему, что первое было треугольным, а второе — линейным (Рыбаков Б.А. Боевые порядки русских войск XI-XII вв. - Учен зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1954, т. XXVII, с. 3-16). Тактика конных таранных ударов, принятая в период зрелого средневековья, не исключает, если сослаться на автора начала XVII в., возможности разных построений. По словам А. М. Радищевского, «есть многие образцы и пути к полковому бою — спереди учреждают остро, а позади широко и треугольчато, а иное серпом или полумесяцем, а иное четвероугольчато, которое есть всего лучше, и тем обычаем доведется устроить конные и пешие полки» (Михайлов О.А. М. Радищевский. Устав ратных, пушечных и других дел. СПб., 1777, с. 78).

Преемственность в развитии военного дела сочетается с важными преобразованиями, которые произошли в XIV—XV вв. и были вызваны усилением освободительной войны, прогрессом техники, изменением комплектования и состава армии. Военная катастрофа в середине XIII в. и связанная с ней общенародная борьба против поработителей в большой мере нарушили дружинную кастовость войска и открыли в него доступ самым разным слоям общества, в том числе смердам и сельским ополченцам. Значение простолюдинов-пехотинцев особенно возрастало, когда они участвовали в крупных операциях⁴³ и отваживались вместе с конниками вступать в бой с татарами. В самой крупной битве XIV в., развернувшейся на Куликовом поле, «придоша много пешаго воинства, и житейстии мнози людие и купци со всех земель и градов».⁴⁴

В военных - как пехотных, так и конных - отрядах, особенно Новгорода и Пскова, постоянно участвуют ремесленники и мелкие торговцы — «черные люди».⁴⁵ Их роль подчас настолько значительна, что войско, состоящее только из «нарочитых мужей», оказывается небоеспособным.⁴⁶ Так называемая чернь, судя по отдельным эпизодам новгородской истории XIV в., могла надевать броню,⁴⁷ строиться в полки, участвовать вместе с боярами в городском вече в обсуждении оборонных дел. Роль демократических городских низов повышалась при экстренных мобилизациях и при созыве (начиная со второй половины XIV в.) общерусского войска.

Торгово-ремесленные слои во многом определяли состав популярных с XIV в. городских полков. В дальнейшем участие «черных людей» в войске будет все более ограничиваться; их место займут дворянские конники.⁴⁸

Войску зрелого русского средневековья присуща определенная социальная пестрота. Начиная со второй половины XIV в. в войско на смену прежним вольным младшим и старшим дружинникам приходят феодально организованные небольшие группы, состоящие из господина и его слуг, словами новгородского летописца — «бояри и дети боярские, и житьи люди, и купечкьи дети, и вси их вой».⁴⁹ Если в XIV столетии войско состояло из княжеских городских полков — «коиждо ис своих градов с своими полки служачи великому князю»,⁵⁰ то веком позже армия в значительной мере набирается за счет отрядов дворовой челяди и мелких землевладельцев - детей боярских и их воев «из всех городов и изо всех отчин».⁵¹ Такое войско хотя и подчинялось своему полководцу - часто служивому князю, но дробилось по владельческому принципу на множество «подразделений», в свою очередь объединенных в крупные и мелкие тактические единицы, как поясняет источник около 1500 г., «и разделив их бранным провидением на полки и соединения и списсы».⁵² Командиром

⁴³ Ср.: Псковская 1-я летопись под 1407 г.

⁴⁴ Никоновская летопись под 1380 г.

⁴⁵ Рабинович М. Г. О социальном составе новгородского войска X—XV вв. — Науч. доклады высшей школы, Ист. науки, 1960, № 3, о. 91 сл.

⁴⁶ Никоновская летопись под 1315 г.

⁴⁷ Вологодско-Пермская летопись под 1341 г.

⁴⁸ По сообщению одного очевидца, в середине XVI в. московский царь не брал на войну ни крестьян, ни купцов (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 59).

⁴⁹ Ср.: Новгородская 1-я летопись под 1398 г.

⁵⁰ Вологодско-Пермская летопись под 1375 г.

⁵¹ Никоновская летопись под 1469 г.

⁵² «Троянская история» по неопубликованному списку Рукописного отдела БАН, любезно предоставленному О. В. Твороговым. Возможно, что в XIV в. «соединение» было равноценно стягу — единице, на которую членились полки еще в домонгольский период.

самого мелкого подразделения - «списса» или «копья»,⁵³ - очевидно, и являлся приводивший своих вооруженных людей феодальный собственник, обязанный нести ежегодную воинскую службу.⁵⁴ Право свободного отъезда или отделения постепенно заменяется регламентированным прикреплением целых групп людей и их дворов к земле и высшему феодалу. Растет класс военнотружеников, что расширило мобилизационные возможности страны.

Поместная «дворская» система комплектования войска, получившая полное развитие в XVI в., складывается, следовательно, в русских землях значительно раньше и выдвигает на смену младшим дружинникам, детским, отрокам, «молодцам» своеобразное кадровое офицерство — окруженных дворней служивых детей боярских и дворян. Для своего времени это было прогрессивным явлением, так как вместо своевольных боярских дружин собиралась организованная сила, подчинявшаяся центральной власти. Инициатором созывов общерусского профессионального войска, состоящего из воевод, детей боярских и «прочих воев», выступила великокняжеская Москва, по мере объединения русских земель создававшая и наиболее боеспособную полевую армию.

Изменение структуры полка, включавшего мелкие и крупные тактические единицы, протекало параллельно увеличению числа основных боевых подразделений, участвующих как в походе, так и на поле сражения. Уже в 1185 г. Игорь Святославич во время похода на половцев «изрядише полков шесть». В дальнейшем такие случаи учащаются. Так, в Раковорской битве 1268 г. войско было разделено не на три традиционных, а на четыре полка. С 1340 г. как новгородцы, так и москвичи выступали в походы в не менее чем пяти подразделениях.⁵⁵ А первым генеральным сражением, где, кроме полков большого, правой и левой руки, имелись еще засадный, передовой и сторожевой, может считаться Куликовская битва.

В связи с включением в состав походных и боевых построений большего, чем раньше, количества мелких и крупных тактических единиц усложнились и приемы ведения боя, казалось, уже в XII в. достигшие классической отработанности. Сближение противников и последующая рукопашная остаются главным проявлением борьбы, но в пределах одного сражения могут повторяться. Начиная с 1323 г. летописи при описании боевых действий употребляют новое понятие — «первый соступ», или «первый суим»,⁵⁶ в значении первой «сшибки» или «схватки». Судя потому, что наибольшие потери⁵⁷ приходились обычно именно на эту фазу боя, она была наиболее упорной и кровопролитной. По рыцарской традиции в первой схватке участвовали предводители. Так, во время Куликовской битвы князь Дмитрий Иванович «преже всех стал на бой на первом ступе, и в лице с татары много бился», получив удары по голове, плечам и телу.⁵⁸ За первой рукопашной, если враждующие ее выдерживали, «волнообразно» могли происходить следующие (для XII в. такие случаи не известны) — до тех пор, пока «толико бысть побито от обою в соймех тех, аки некия великия сенные валы лежаше обоих избиенных».⁵⁹

⁵³ Первое упоминание о «копье» как возможной тактической единице, состоящей не менее чем из двух человек, помещено в Лаврентьевской летописи под 1172 г. Формирование мелких тактических единиц сближает русское военное дело с западным, где «копье» в качестве обозначения рыцаря с несколькими подручными комбатантами вошло в обиход не раньше 1364 г. (Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. III. М., 1938, с. 224).

⁵⁴ По данным Псковской 1-й летописи (под 1496 и 1498 гг.), срок ратной службы продолжался от 2 до 12 недель.

⁵⁵ Рабинович М. Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. — КСИИМК, 1949, вып. XXX, с. 56—59.

⁵⁶ Псковская 1-я летопись под 1323, 1341, 1407 гг.; Софийская 1-я летопись под 1372 г.; Вологодско-Пермская летопись под 1455 г.

⁵⁷ «Всех числом до 700 голов», — сообщает, к примеру, обычно точная в отношении цифр Псковская 1-я летопись под 1407 г.

⁵⁸ Никоновская летопись под 1380 г.

⁵⁹ Из описания битвы Темир Аксака и Тохтамыша (см.: Никоновская летопись под 1395 г.).

Немецкий историк конца XV в. А. Кранц писал о русских, что сражаются они обычно, стоя в позиции, и, «набегая большими вереницами, бросают копья и ударяют мечами или саблями и вскоре отступают назад».⁶⁰ При такой тактике войско легче переносило молниеносные удары и внезапные нападения, а затяжка боя до одного дня⁶¹ лишь увеличивала для наиболее стойкого противника шансы на успех. Поскольку бой складывался из серии рукопашных схваток, постольку отпадала необходимость в самостоятельных отрядах лучников, которые действительно начиная с середины XIV в. перестают упоминаться. Это не означает, что конные лучники, образовывавшие легкую конницу, сразу исчезли. Их изображения и упоминания встречаются еще и в XVI в.⁶² Речь может идти о постепенном стирании граней между лучником и копейщиком и некоторой универсализации воина XIV—XV вв., который призван был владеть всеми видами наступательного оружия. Этот процесс был длительным, и в начале XVI в. московский всадник удивлял иностранцев искусством одновременно держать в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть и ловко, без всякого затруднения пользоваться ими.⁶³

Ориентализация русской военной тактики - явление конца XV - XVI в., т.е. сравнительно позднее. В самую глухую пору монгольского владычества в Восточной Европе, т. е. во второй половине XIII и части XIV в., русские, что поразительно в условиях изнурительной борьбы и экономического истощения, сохранили свой военный «обычай», который не случайно стал объектом подражания со стороны могущественного соседа. Воздействие восточноевропейского полководения на татар особенно заметно в свете поздних известий. Очевидцы, наблюдавшие этот народ, постоянно отмечали его ловкость в стрельбе из лука и недостаточность другого вооружения. В начале XVI в. монголы были снаряжены хуже, чем их предшественники эпохи Батыевых походов; по словам С. Герберштейна, они «не защищены ни щитом, ни копьем, ни шлемом, чтобы иметь возможность выдержать нападение врага в непрерывной правильной битве».⁶⁴ Способ ведения боевых действий татарских всадников заключался в том, что они, как писал один очевидец в 1573 г., «никогда не употребляют копий и поэтому не встречают неприятеля лицом к лицу сомкнутым строем и в боевом порядке, а только непрерывно нападают и отступают».⁶⁵ Так сражались и монголы в XVI в., а в XIV в. или раньше они, очевидно, пытались приспособиться к чуждой им тактике боя на копьях, тактике, требующей определенной системы построения и организации войска.

Наиболее ранний пример того, что татары строились в полки и бились теми же приемами, что и русские, относится к 1310 г., когда в схватке с брянцами «поткнуша между себе копья, съступишася обои».⁶⁶ Через семь лет, во время столкновения тверской и московско-татарской конницы у с. Бортенево на Волге, «съступишася обои полцы и бысть битва велика». Противники тверичей, в том числе и татары, бежали (в отношении последних это является одним из немногих для того времени указаний их разгрома в поле).

⁶⁰ Цит. по: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 508.

⁶¹ Никоновская летопись под 1327 г. (описан однодневный бой с татарами); Иоасафовская летопись под 1470 г. (отмечен бой москвичей и двинян с трех часов дня до вечера).

⁶² Vochenski Z. Bechter z roku 1580i jeho pochodzenie na tle typologicznohistorycznym. — In: Studia do dziejow dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. Vol. V. Krakow, 1971, p. 47; Огородников В. Донесение о Московии второй половины XVI в. М., 1913, с. 15.

⁶³ Герберштейн С. Записки о московитских делах - СПб», 1908, с. 75.

⁶⁴ Там же, с. 143.

⁶⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I'. Киев, 1890, с. 81.,

⁶⁶ Троицкая летопись под 1310 г. — В трактовке Никоновской летописи (под тем же годом) — «копья и саблями сняшася».

Союзник московского князя «Кавгадый повеле дружине своей стяги поврещи и неволею сам побеже».⁶⁷ Такие детали, как множество ратных, от ран падающих с коней, повреждение доспеха московского предводителя («весь язвен»),⁶⁸ свидетельствуют об обычной конной сшибке, где татары действовали методами их данников.

Заимствование татарами восточноевропейских военных приемов совпало с периодом, когда Московское княжество от отдельных выступлений и пассивной обороны переходит к последовательным наступательным операциям против них.⁶⁹ Поворотной в этом отношении была битва 1378 г. на р. Воже в Рязанской земле, где московские конные полки одновременным ударом «на копьях» с трех сторон нанесли поражение татарской рати — «и в той час татарове побежаша за реку, за Вожу, повръгше копьа своя, а наши вслед их гоняюще, биюще, секуще, колюще и наполю розсекающе».⁷⁰ Результат боя, как видно из приведенной записи, определился сшибкой отрядов копейщиков. По словам К. Маркса, это было «первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими».⁷¹

Победа на р. Воже означала, что сломить монгольское владычество можно было только в открытой полевой битве, которая, как и в домонгольские времена, оставалась высшим показателем боеспособности, даже когда от исхода столкновения зависела судьба всего народа. Лучшим подтверждением служит историческая битва на Куликовом поле, где не менее чем 20 русских конных и пеших ополчений, объединенных в 6 полков, впервые сокрушили монгольскую армию в открытом генеральном сражении. С русской стороны в Куликовской битве, по сведениям летописи, участвовало от 200000 до 400000 человек. Как бы ни были завышены эти цифры,⁷² современник мог записать, что «от начала бо такова сила

⁶⁷ Никоновская летопись под 1317 г.

⁶⁸ Воскресенская летопись под 1317 г.

⁶⁹ Отдельные победы над татарами отмечены Никоновской летописью под 1365 г. и Львовской летописью под 1367 г.

⁷⁰ Никоновская летопись под 1378 г.; Западнорусские летописи под 1378 г.

⁷¹ Маркс К. Хронологические выписки, тетрадь IV. — Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946, с. 151.

⁷² Численность русской рати преувеличена. Военные историки, исходя из размеров поля боя, называют иную цифру - от 50000—60000 до 100000 человек (Строков А.А. История военного искусства. М., 1955, с. 287; Разин Е.А. История военного искусства. М., 1957, с. 272—273). При определении количества участников одного сражения следует учитывать, что численность полков была связана с их управляемостью одним или двумя командирами. Бойцы, кроме того, должны были видеть главное знамя полка и слышать команды, — словом, сообща выполнять задание. Следует учесть, что в XIV-XV вв. полк включал при построении в походный и боевой порядок до 5-6 отрядов отдельных городов и княжеств (например, армия, собранная в 1386 г. против Новгорода, состояла из 29 отрядов, вероятнее всего объединенных в 6 полков; число таких отрядов в 1380 г., также распределенных на 6 полков, точно не известно, но их было не менее 20). По данным 1563 и 1577 гг., численность полка в крупном походе составляла от 2000 до 6000 человек (Сапунов А. Витебская старина. Витебск, 1885, с. 34—37; Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891, с. 5, 11). Для более раннего времени эти цифры, очевидно, были меньшими. Из всего сказанного следует, что огромная по численности средневековая армия, например более 100000 человек, подготовленная к генеральному сражению, представляла бы неуправляемую толпу людей, только мешающих друг другу. Такое войско было бы невозможно развернуть на поле сражения, простиравшемся, как это было в случае Куликовской битвы, на 5 км по фронту и 4 км в глубину. Если исходить из численности крупного полка XVI в., то максимальный личный состав 6 полков, участвующих в бою, вряд ли превышал 36000 человек, что по масштабам средневековья было достаточно значительным. Разумеется, войско, собранное даже для значительного похода, не исчерпывало мобилизационных и других возможностей страны. Достоверные сведения о количественном составе русской армии сохранились от конца XV-XVI в. По наиболее заслуживающим доверия данным, ее обычная численность составляла около 100000 - 120000 человек конных и пеших (Аннинский С.А. Франческо Тьеполо. Рассуждения о делах Московии. 1560 г. - В кн.: Исторический архив. Т. III. М.—Л., 1940, с. 340; Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906, с. 62-64; ср.: Середонин С. М. Известия..., с. 13). В экстренных случаях московское правительство могло выставить и 150000 - 180000 человек (Псковская 3-я летопись под 1472 г.; Герберштейн С. Записки..., с. 274). Столь значительное войско предназначалось для действий на одном или нескольких протяженных фронтах борьбы. Потенциальная и

русская не бывала».⁷³

Привлекая повести, сказания и летописи, можно составить достоверное представление о важных в тактическом отношении подробностях великой битвы. В целях упреждающего удара московское войско смело вышло навстречу противнику в донскую степь. Прошли времена, когда русские вступали в бой, не зная своего смертельного противника. Армия была тщательно подготовлена к борьбе и проявила инициативу в выборе места сражения, невыгодного для татар. Фланги московского войска были защищены рр. Смолкой и Непрядвой - ордынцы не могли их обойти и были скованы в тесном лобовом противоборстве. Военный перевес должен был достаться тому, кто лучше расставит силы и проведет рукопашную и кто лучше вооружен. Русские имели вековую традицию ближнего боя, чего нельзя сказать о татарах, сильных способами рассыпного конного строя и маневрами лучников. В предвидении тесного боя русские полки были сильно укреплены: «Доспехи же русских сынов, аки вода в вся ветры колыбашеся».⁷⁴ Противопоставление европейского военного строя азиатскому оказалось одним из самых смелых и дерзких, которые когда-либо знала история средневековых битв Востока и Запада.

Понимая невыгодность своего положения, татары избрали в начале битвы необычный для них оборонительный строй из двух рядов ощетинившихся копьями бойцов: «Копия покладше, стена у стены».⁷⁵ Очевидно, такой прием был заимствован у оседлых европейцев,⁷⁶ но он не остановил последовавшего удара копейщиков. Съехавшиеся передовые полки вступили в исключительную по упорству рукопашную схватку. Сохранилось уникальное по точности описание поединков: «Инде бяше видети русин за татаринном гоняшеся, а татарин сии настигоша, смятоша бо ся и размесиша».⁷⁷ Скученность была такая, что «не токмо оружием, но и от великия тесноты сами себе стираху».⁷⁸ Это обстоятельство объясняет, возможно, отсутствие лучников, участие которых требовало простора.

Сражение продолжалось 4 часа; вероятно, соступы были многократными, а отряды сохраняли свою сплоченность и слитность: «Кождо под своим знаменем, полци же идоша, елико как кому повелеша по поучению».⁷⁹ Князь Дмитрий Иванович тщательно подготовил армию к бою и по рыцарской традиции времен киевских князей принял участие в первой атаке. Князя отговаривали быть впереди, но он отвечал, что сложит свою голову перед всеми, «да прочий, то видевшие, примут дръзость».⁸⁰ Во время схватки Дмитрий Иванович потерял двух коней, получил много ударов по голове, плечам и «утробе», был «весь избит и язвен зело» его доспех. В конце третьего часа битвы татары начали было одолевать, но исход ее, как известно, решило выступление засадного полка. Не ожидавшие подкрепления татары побежали. Победа досталась дорогой ценой. Если верить источникам, уцелела лишь десятая часть войска; погиб его цвет - 12 князей и 483 боярина⁸¹ (что составило примерно 60% «командного состава»). С трудом нашли и самого контуженного предводителя московского войска. «Оскуде бо отнюдь вся земля Русская воеводами и слугами и всеми воинствы, и о сем велий страх бысть на всей земле русстей», - горестно записал летописец.⁸²

фактическая численность объединенного земского войска XIV—XV вв. была, очевидно, более скромной.

⁷³ Львовская летопись под 1380 г.

⁷⁴ Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 62—63.

⁷⁵ Никоновская летопись под 1380 г.

⁷⁶ Ср.: Ипатьевская летопись под 1262 г.

⁷⁷ Повести о Куликовской битве, с. 35.

⁷⁸ Там же, с. 69.

⁷⁹ Вологодско-Пермская летопись под 1380 г.

⁸⁰ Львовская летопись под 1380 г.

⁸¹ Повести о Куликовской битве, с. 75.

⁸² Никоновская летопись под 1380 г.

Битва на Куликовом поле уменьшила людские ресурсы Руси. В 1382 г. прославленный победитель Мамай не смог выставить полевой армии, и орда Тохтамыша осадила и обманом захватила и разорила Москву. При этом технический перевес был явно на стороне осажденных. Татары смогли противопоставить разнообразным средствам городской обороны только свой излюбленный прием массированной лучной стрельбы: «На конех борзо велми гоняюще, и на обе руке и паки напреди и назад скорополучно стреляху без погреха».⁸³ Однако уже в 1386 г. для похода на Новгород Дмитрию Донскому удалось собрать 29 отрядов,⁸⁴ — следовательно, дело воссоздания объединенной армии заняло четыре года.

Победа на Куликовом поле впервые после несчастной битвы на Калке нанесла тяжелый удар по самому грозному врагу Руси, она вернула народу веру в свои силы и показала возросшую мощь русского оружия. Для многих поколений людей Куликовская битва стала символом справедливой борьбы за независимость, а ее участники были воспеты как герои русской истории: «Тем воеводам при животе честь, а по смерти Вечная память».⁸⁵ Позже, в год свержения монгольского ига, в 1480 г., архиепископ Вассиан, призывая Ивана III на новую битву с татарами, вспоминал Дмитрия Донского, который «скочи на подвиг и напред выеха и в лице став против»⁸⁶ хана Мамай. В специальном послании Вассиан совсем в духе патриота XII в. писал, что князю «подобает имети на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок».⁸⁷ Для образованного человека XV в. обращение к праотеческим примерам не было в данном случае анахронизмом. Весь ход Куликовской битвы убеждал потомков, что она явилась торжеством традиционных европейских принципов ведения боя над азиатскими. Действительно, во время сражения на Дону монголам не удалось осуществить излюбленное ими притворное заманивающее бегство, применить массированные залпы лучников, использовать выгодный маневр с целью окружения. А в прямом открытом единоборстве оседлый европеец оказался сильнее восточного степняка.

О преобладании русского оружия над восточным свидетельствуют его наименования, упомянутые в описаниях сражения. В «Задонщине» литовские мечи, немецкие сулицы, фряжские копья, московские щиты противостоят татарским саблям, доспехам и черкасским и татарским шлемам. В качестве антитатарского оружия отмечены известные с XII в. харалужные копья и булатные мечи.⁸⁸ «Задонщина» вобрала в себя больше наименований европейского оружия, чем «Слово о полку Игореве», и только один раз названа специфически восточная «байдана бесерменская». Речь идет о прикрытии, изготовленном из весьма крупных плоских колец, кстати известном с 1200 г. и русским ратникам. Байдана — одно из немногих арабских или тюркских заимствований,⁸⁹ встреченных также в русской военной лексике послемонгольского периода, — может подтвердить незначительность проникновения восточной терминологии в русский язык XIV в.

⁸³ Там же, под 1382 г.

⁸⁴ Вологодско-Пермская летопись под 1386 г.

⁸⁵ Львовская летопись под 1429 г.

⁸⁶ Никоновская летопись под 1481 г.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Слово о Куликовской битве Софония рязанца. (Задонщина).—В кн.: Воинские повести Древней Руси. М., 1949, с. 35 ел. — В сказании о Мамаевом побоище в редакции XVI в. добавлены «злаченые колонтари», «кончаны фряжские и курды» Колющие кончары и корды — предшественники шпага — действительно распространились в Европе лишь в XVI столетии.

⁸⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964, с. 103

ВООРУЖЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—XV В.

В русской военной практике, как показал и ход Куликовской битвы, стойко держались набор оружия и некоторые приемы владения им, унаследованные от домонгольского времени. Письменные источники фиксируют последовательное применение в схватках стрел, копий, мечей или сабель, которое источником около 1500 г. описывается, например, в следующих традиционных выражениях: «И от копейного сокрушения гремение бывает велие, и щиты разбиваются, и шеломы низпадают, звучит в воздухе и треск сабельный, от частого сражения бряцание, падают воины, овии ранены, а овии убиты».¹

КОПЬЯ, РОГАТИНЫ, СУЛИЦЫ

Вплоть до 60-х годов XV в. копья остаются оружием первого натиска. Вид оцетинившегося копьями, тесно построенного полка был для описываемого периода достаточно типичен.² «Изрядивше копия, — гласит одно характерное сообщение, — и поидоша в место оба полка, и бишася много».³ Бездействие и плохая выучка копейщиков приводили к поражению. Так, не сумели использовать свое колющее оружие новгородцы и потерпели в 1455 г. поражение от московских войск великого князя Василия Васильевича. Новгородская конница попала под обстрел из луков, что вызвало сумятицу и привело к немедленному бегству:

«Они (новгородцы, - *А. К.*) же не знающе того боа, яко омертвеша и руки им ослабеша, копия же имяху долга и не можаху возднимати их тако, якоже есть обычай ратным, но на землю испускающе их, а конем бьющимся под ними».⁴ Слабость новгородской конницы летописцы московской ориентации объясняли еще и тем, что ремесленник «родився на лошади не бывал».⁵

Битва москвичей и новгородцев 1455 г. явилась последним описанным летописью крупным выступлением копейщиков. В дальнейшем значение строя копьеносцев пошло на убыль. Московский посол Юрий Траханиот в записи 1486 г. отметил, что наступательным оружием московитов «является по большей части сабля и лук; некоторые пользуются копьем для нанесения удара».⁶ Побывавший в России в 1517 и 1526 гг. С. Герберштейн только вскользь заметил, что «употребляют они (русские, — *А. К.*) и копия».⁷ Растущая непопулярность копий объяснялась высокой - «по-восточному» - посадкой воина с полусогнутыми ногами, вследствие чего, как писал тот же Герберштейн, «вовсе не могут выдержать несколько более сильного удара копья или стрелы».⁸ При всей категоричности

¹ Троянские сказания. Л., 1972, с. 23. — Приведенный текст дан с уточнениями по неопубликованной одноименной рукописи БАН, предоставленной мне О. В. Твороговым.

² Сошлюсь на изобразительные примеры XIV-начала XVI в. — клейма иконы «Святые Борис и Глеб в житии» (см. табл. XVIII; Гусев Л. П. Новгородская икона святых Бориса и Глеба в деяниях. — Вестн. археол. и ист., СПб., 1898, вып. X, рис. 12; Смирнова Э. С. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской и станковой живописи. — ТОДРЛ, 1958, т. XV, рис. 1).

³ Устюжский летописный свод под 1436 г.

⁴ Иоасафовская летопись под 1455 г.

⁵ Там же, под 1470 г.

⁶ Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 655. - Перевод уточнен, ибо автор перевел «scimitarra» как «секира», а надо «сабля».

⁷ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 75.

⁸ Там же, с. 75; ср.: Замечания иностранца XVI в. о военных походах русских того времени и преданности их к государю. — Отечественные записки, 1826, ч. 25, с. 99.

это мнение верно отражало ориентализацию седловки и манеры защищаться московской конницы XVI в.. Преобразование на восточный лад выразилось в том, что креслообразное рыцарское седло было вытеснено легким и высоким, сабля и плеть большей частью заменили копье и шпоры, короткие стремяна позволили всаднику без всякого труда, поворачиваться во все стороны и натягивать лук. Некоторые из описанных приемов уже были знакомы легковооруженному стрельцу XII—XIII вв., в течение XIV—XV вв. они стимулировались татарской опасностью, а к XVI в. в конном полководении стали господствовать.

Итак, использование копья очень точно отражает определенную систему ведения боя - систему, которая действовала в XI—XV вв. и отличалась набором особого кавалерийского оружия. В письменных источниках XIV—XV вв. копье обычно упоминается как принадлежность всадника, что предполагает и наличие специализированного наконечника, в первую очередь приспособленного для пробивания доспехов. Действительно, пики таранного действия выделились из общей массы древкового оружия не позже XII в. В XVI—XVII вв. копья этой формы также хорошо известны.⁹ В подтверждение можно сослаться на описи Московской Оружейной палаты, называющие лезвие копья обычно «треугольным», «грановитым», «четырёхгранным».¹⁰ Достоинства граненой пики толщиной в палец уставом 1647 г. объяснялись тем, что она «против конных добра».¹¹ Значение, которое отводили этому оружию в феодальном арсенале, подтверждается массовыми находками пик XII—XIII и XVI вв. В частности, в 1895 г. в Москве, в Ипатьевском переулке Китай-города, был найден, по-видимому, боярский оружейный склад, датированный монетами до 1547 г., в котором находились 10 пик, листовидное копье, рогатина (табл. III), 5 шлемов, 5 кольчуг, обломки стремян.¹² Возможно, что пики употребляли и в зрелом средневековье. Однако в этот период были распространены не они, а однообразные узколистные наконечники с пером удлиненно-треугольной формы, не превышающие по ширине 2-3 см.¹³ Эти копья снабжены довольно массивной, иногда граненой втулкой, слабо выраженной шейкой и явно предназначены для мощного бронебойного удара (табл. I, 1—3; II, 2, 2. Характерно, что в Новгороде, Переяславле-Рязанском и в некоторых литовских могильниках найдены только такие наконечники. Следовательно, множественность форм древкового оружия к XIV в. была

Рис 1. Рогатина первой половины XIII в. с Крн - хаево

⁹ Обломок пики найден нами в раскопках Орешка в 1969 г. в жилище первой половины XVI в.

¹⁰ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. СПб., 1841, с. 87 (прил.).

¹¹ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904, с. 108. — Сам термин «пика» впервые встречен в документах 40-х годов XVII в..

¹² Городцов В. А. Описание холодного оружия.—В кн.: Отчет РИМ за 1911 г. Прил. М., 1913, с. 17 ел., рис. 78, 80, 85. - В 1969 г. в Ипатьевском переулке А. Г. Векслером найден еще один «клад» вооружения (табл. IV). Дата находок определяется по году, выбитому на стволе пищали, - 1555 г. К публикуемым двум стремянам имеются парные, приклад пищали реконструирован.

¹³ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, рис. 4, 4 и 5; Монгайт А.Д. Рязанская земля. М., 1961, рис. 68; ср.: Урбанавичюс В. Население Румшишкес в XIV-XVI вв. - Acta historica Lituonica, Вильнюс, 1970, VI, с. 31.

фактически почти изжита.

Начиная с XIII в. источники все чаще наряду с копьем называют метательные дротики-сулицы. В последующее время это оружие используется как в конном, так и в пешем бою; например, в Шелонской битве москвичи, переправившиеся через реку, «кликнуша на новгородцев, стреляючи их, инии с копыи и с сулицами скочиша о них».¹⁴ Сулицы относили к массовому вооружению, которое при случае могло быть противопоставлено татарскому луку и стрелам.¹⁵ Популярность сулиц, определяемых Юрием Крижаничем в трактате «Политика» (1663-1666 гг.) как «копье пешее, малое»,¹⁶ объяснялась тем, что их могли применять и в период сближения, и в рукопашной схватке, и во время преследования. Действительно, с XIII в. летописцем отмечены случаи, когда сулицу не только метали, но и наносили ею укол, по всей видимости не выпуская из рук.¹⁷ Образцы наконечников сулиц листовидной формы, относящиеся к XIII-XVI вв., известны из раскопок Новгорода и Орешка.¹⁸

Преимущественно в качестве пехотного оружия¹⁹ источники XIV в. называют рогатину, появившуюся двумя веками раньше. Это самое крупное и мощное из древнерусских копий вплоть до XVII в. почти не меняло своей обтекаемой лавролистной формы. Судя по украшениям, рогатина являлась тем видом древкового колющего оружия, который с XIII в. использовался и во время парадных церемоний. Такова известная подписанием рогатина тверского князя Бориса Александровича (1425-1461 гг.), украшенная на втулке гравированными по серебру сценами из какой-то повести или сказания.²⁰ Скорее к XIII, чем к XIV в. относится вторая роскошно отделанная «дворцовая» рогатина, найденная в с. Крихаеве бывш. Остерского уезда на Черниговщине (рис. 1; табл. I, 4). Тулья наконечника покрыта необычным для домонгольского периода прорезным накладным серебром, представляющим растительный узор.²¹ В Москве и Новгороде в слоях 1300-1400 гг. найдены три простые рогатины, по форме и пропорциям почти не отличающиеся от описанных выше.²² В упомянутом нами московском боярском арсенале первой половины XVI в. (см. с. 20) рогатина среди других технических средств единична (табл. III). В арсенале князей Голицыных (по данным 1680-х годов) две рогатины соседствовали с 20 «треугольными» копьями.²³ Зато в качестве массового выступает это оружие в руках простых пеших ополченцев.²⁴ В XVI в. рогатиной вооружается дворовая челядь, участвующая в дворянской коннице а у посадских людей, судя по описи Москвы 1638 г., это изделие было самым популярным холодным оружием (значительно опередив сабли, копья и бердыши).²⁶

¹⁴ Софийская 2-я летопись под 1471 г.

¹⁵ Никоновская летопись под 1444 г.

¹⁶ Безсонов П. Русское государство в половине XVII в. Ч. I. М., 1859, с. 71.

¹⁷ Никоновская летопись под 1216 г.; Львовская летопись под 1370 г.

¹⁸ Медведев А. Ф. Оружие..., рис. 4, 7, 10. ¹⁸ Никоновская летопись под 1444 г.

²⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 636, рис. 142. — По мнению Т. В. Николаевой, на рогатине представлены сцены гибели в Орде тверского князя Михаила Ярославича (см.: Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971, с. 36, табл. VII).

²¹ Хранится в КИМ, № 18376. Типичные для рогатин размеры наконечника: длина 51 см, ширина пера 6 см, диаметр втулки 4 см.

²² Медведев А. Ф. Оружие..., рис. 4, 2; Рабинович М. Г. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе. — КСИИМК, 1951, вып. 38, рис. 23, 11. - Информация о находках 1974 г. в Новгороде получена от В. Л. Янина.

²³ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. IV. СПб., 1893, с. 131-134.

²⁴ Никоновская летопись под 1444 г.

²⁵ Боярская книга 1556 г. - В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Т. 3. СПб., с. 31 сл.

²⁶ Беляев И. С. Росписной список города Москвы 1638 г. - Тр. Моск. отд-ния Рус. военно-ист. о-ва, М., 1911, т. I, с. XXXI.

ТОПОРЫ, БЕРДЫШИ

Как и рогатина, топор в позднесредневековых источниках отмечен в качестве необходимой походной принадлежности и средства боя пехотинца. Так, по поводу выступления московских воевод против татар в 1444 г. замечается, что «пешая рать многа собрана на них и ослопы, и с топоры, и с рогатинами».²⁷ В истории боевого топора скрещиваются две противоречивые тенденции. Господство конницы (что было в XII и первой половине XVI в.) низводило его до уровня плебейского оружия, но усовершенствование доспеха и усиление пехоты снова выдвигало топор в качестве популярного боевого средства. Последняя тенденция оживляется в XIV—XV вв., когда возрождается почти совсем угасшая в XII в. боевая спецификация топора. Подтверждением служат секиры-чеканы и топоры-булавы с лезвиями трапецевидной формы, найденные в Новгороде и Владимире.²⁸ Первые имеют на лезвии монетовидные клейма в виде выложенного серебром геометрического узора. Очевидно, речь идет о высококачественной продукции мастеров-секирников, экспортировавших, как известно по сведениям начала XVI в., свои изделия к лопарям (саамы) и татарам.²⁹ Отметим, что по своему типу найденные в Новгороде и Владимире вещи либо вовсе не известны в домонгольский период, либо представляют заметную переработку прежнего чекана (табл. V).³⁰

Топор как ударно-дробящее средство будет использоваться в течение всего «монгольского» периода, что служит показателем все более возрастающего «бронирования» воинов того времени. Подобного рода топоры имели специфически клиновидные лезвия шириной 7—9 см и еще в первой половине XVI в. (о чем свидетельствуют образцы, найденные в Москве в Ипатьевском переулке и в Орешке) входили в состав снаряжения знатного горожанина или его двора (табл. II, 4, 5; IV).

Повышение военного значения топора вновь после известного перерыва ставит его в число парадных церемониальных предметов. Так, в свите московского государя, выезжавшего на охоту, С. Герберштейн видел князя с секирой.³¹ Несколько раньше, а именно под 1468 г., летописец впервые упоминает о придворном секироносце-бердышнике.³² Новый термин (происходящий, как полагают, от древневерхненемецкого «Barta», «Barda» — в значении «широкий топор») связан с длиннолезвийным бердышом, широко принятым в стрелецком войске XVI в.³³ Распространение бердышей, однако, можно приблизить ко времени их первого упоминания. Бердыши использовались в качестве подпорки для ствольного огнестрельного оружия, а пользовавшиеся ими «огненные стрельцы», выступавшие с ружьями, были сформированы (об этом см. ниже, с. 94) не позднее последней четверти XV в. Следовательно, принятие бердыша скорее всего отвечало нуждам нового воинского формирования — пехоты, вооруженной ружьями-пищальями. Само устройство бердыша с его полулунным лезвием и длинным топорищем, рассчитанного на размашистый

²⁷ Никоновская летопись под 1444 г.

²⁸ Медведев А. Ф. Оружие..., рис. 5, 2-6, Воронин Н. Н. Археологические заметки. - КСИИМК, 1956, вып. 62, с. 22-23.

²⁹ Герберштейн С. Записки..., с. 91 и 190.

³⁰ Форма, которую чеканы приняли в XIV—XV вв., практически не изменяется вплоть до начала XVII в. (ср.: Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв. М., 1971, табл. 2, 7).

³¹ Герберштейн С. Записки..., с. 209.

³² Львовская летопись под 1468 г.

³³ Городцов В. А. Описание холодного оружия.—В кн.: Отчет РИМ за 1906 г. М., 1907, с. 112 ел. — Форма бердыша для Восточной Европы не была новой. Топоры с подобным удлинненным лезвием найдены в курганах XI в. Вологодской и Калининской областей и один раз реалистически представлены на миниатюре Радзивилловской летописи (л. 106). Однако пока отсутствуют доказательства непрерывности развития рассматриваемой формы с XI по XVI в.

удар двумя руками, а иногда и укол, также очень специфично. Кроме Руси, бердыши в конце XV в. появились в Швеции,³⁴ и будущие исследования должны ответить на вопрос, скрывается ли здесь какое-либо техническое взаимодействие.

В отличие от стрельцов, в дворянской коннице употребление всякого рода топориков, а также дробящих клевцов (протообразцы последних зарегистрированы в отечественных находках первой половины XIII в.³⁵) было ограничено, и к концу XVI в. это оружие, судя по документам, почти выходит из употребления.

МЕЧИ И САБЛИ

Клинковое оружие в XIV и частью XV в. использовалось в двух зонах, соответствующих двум фронтам: северо-западному, где был распространен меч, и южному, где укоренилась сабля.

Несомненно, что со шведами и немцами новгородцы и псковичи боролись прямыми рубяще-колющими клинками. Таковы два единственных дошедших до нас средневековых «именных» меча князей Всеволода и Довмонта, ставших государственной реликвией Пскова (табл. VI, VIII, IX). Первый из названных клинков был, очевидно, не ранее XIV в. заменен более роскошным и своим «величеством» удивил Ивана Грозного, рассматривавшего его в 1569 г. в Троицком соборе.³⁶ Речь идет о мощном немецком по происхождению клинке, вроде тех, которые стали использоваться начиная со второй половины XIV в.³⁷ Что касается меча Довмонта, то по военно-идеологической значимости он превосходит своего предшественника. Это оружие, имеющее боевую биографию, давали при посадении на псковский престол наемным князьям.³⁸ «Одеяние гроба» Довмонта в тяжелые для города времена с крестами и молебнами проносили вокруг крепостных стен, чтобы укрепить дух его защитников.³⁹ Не случайно для своей монеты псковичи избрали изображение князя с мечом, напоминающим прославленный клинок их военного героя.⁴⁰ Дополнительное обследование сохранившегося в Псковском музее меча подтвердило, что он, судя по расчищенному клейму в виде «пассауского волчка», не подложный, а наверняка подлинный (рис. 2, 3). Перед нами древнейший сохранившийся в Восточной Европе удлиненно-треугольной формы колющий готический клинок. Оружие этого типа, появившееся в Европе во второй половине XIII в., свидетельствовало о внедрении наборных доспехов, которые в бою было легче проколоть, чем разрубить. Первое в отечественных источниках изображение готических мечей сохранилось на миниатюрах хроники Георгия Амартола около 1300 г. (табл. VII, 1,2.⁴¹)

Меч одной из этих миниатюр интересен еще и тем, что его рукоять в «полторы руки».

³⁴ Seitz H. Blankwaffen I. Wurzburg, 1965, S. 240 (ср. S. 225). - Термин «бердыш» западноевропейские оружейеды признают русским и ныне широко им пользуются (см.: Blair C. European and american arms ca 1100—1850. London, 1964, p. 23).

³⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. М. - Л., 1966, табл. XXV, 4.

³⁶ Псковские летописи. Вып. I. М. - Л., 1941, с. 116.

³⁷ Подробно публикуем здесь (рис. 2, 3; табл. VIII, IX) детали мечей Всеволода и Довмонта (включая их ножны), чтобы облегчить дальнейшее изучение этих реликвий, имеющих международное значение. При изображении меча Всеволода его перекрестье показано в первоначальном виде, на самом предмете оно ныне смонтировано перевернутым.

³⁸ Иоасафовская летопись под 1460 г.

³⁹ Псковская 2-я летопись под 1480 г.

⁴⁰ Гусев П. Л. Символ власти в Великом Новгороде. — Вести, археол. и ист., СПб., 1911, вып. XXI, с. 109.

⁴¹ ГБЛ, Рукописи, собр., фонд Моск. духовн. акад., 100.

Подобное оружие хотя и появилось в предмонгольское время,⁴² но будет характерно для всей Европы со второй четверти XIV в.⁴³ Именно к этому и началу следующего века относятся колющие и колюще-рубящие клинки и их обломки, обнаруженные в Новгороде, Пскове, Киеве, Орешке и ряде других мест⁴⁴ (рис. 4; табл. X). Формы найденных у нас мечей 1250—1500 гг. сохраняют центральноевропейский⁴⁵ характер в большей мере, чем предшественники XI—XII вв. Они снабжены обычно полоторной рукоятью, с линзовидным, дисковидным или полигональным набалдашником, чаще прямым, протяженностью до 26 см, перекрестьем и достигают в целом 120—140 см длины. Из-за вытянутых пропорций лезвия оно выковывается либо с трехрядным долом, либо вовсе без него. У классического колющего меча дол заменен гранью. Все эти мечи предназначены для сильного удара или укола по тяжеловооруженному латнику.

Находки крупных рыцарских мечей меняют представление о том, что это оружие совершенно несвойственно жителям Восточной Европы. Здесь можно ожидать самых непривычных находок. К числу таковых относится грушевидное навершие боевого двуручного меча первой половины или середины XV в., найденное во Пскове (рис. 4, 5).⁴⁶ Мечи с подобными увенчаниями, одни из самых мощных в средневековье, достигали в длину 1.5 м и более и в руках целиком закованного в латы рыцаря предназначались для укола или парирования встречного удара. находка части двуручного меча во Пскове указывает на знакомство и вероятное использование немецкого по типу оружия на ливонском рубеже.

Постоянное военное давление Золотой Орды способствовало распространению сабель и подорвало очевидное для домонгольской Руси преобладание меча. Если в XII-первой половине XIII в. сабля потеснила меч только в ближайших к степи районах, то в XIV в. эта граница отодвинулась, по-видимому, значительно севернее. Соответственно сократилась зона распространения меча, а в районе смешанного использования того и другого оружия оказался, например, Новгород.⁴⁷ Картография, связанная с распространением прямого и искривленного клинков, однако, не имеет постоянных и четких границ. В описаниях Куликовской битвы булатные мечи противопоставлялись источниками татарской сабле, а хан Мамай сокрушался о своих мечами «пресекаемых» воинах.⁴⁸ Пример противоположного рода относится к 1463 г., когда, как гласит случайная запись, сабля в руках московских воинов, попавших во Псков (что необычно для этих мест), использовалась против немцев.⁴⁹

⁴² Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XI, 3. — Рубка двумя руками появилась в Европе в XII в. и удостоверена для Руси рисунками Радзивилловской летописи, иллюстрирующей события этого же периода (л. 214 об., 232).

⁴³ Blair C. European and american arms, p. 2.

⁴⁴ Иллюстрировать развитие мечей XIII—XIV вв. могут 12 экз. типа V, VI и VII, помещенные в каталоге находок (см.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. I. М.—Л., 1966, с. 86 сл., № 27, 30—34, 39—43 и 45). Один меч издан мной без описания в каталоге (там же, табл. XXX, 5). Обломки двух мечей XIV в., с линзовидным и дисковидным перекрестьем, из раскопок древнего Орешка любезно продемонстрированы мне В. И. Кильдюшевским. Прилагаю сведения о трех мечах XIV—начала XV в., которые хронологически явно выходили за пределы опубликованного каталога мечей второй половины XI—XIII в.: 1) с. Рядомля бывш. Вольнской губ. (Ленд Э. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия. СПб., 1908, табл. XXXI, левый планшет, верхний слева); 2) г. Себеж (ОАК за 1899 г., рис. 225,—на клинке клеймо в виде «пассауского волчка»); 3) с. Водички Черноостровского района Хмельницкой области УССР (не опубликован, хранится в Каменец-Подольском музее).

⁴⁵ Ср.: Gtosek M., Nadolski A. Miecze sredniowieczne z ziem polskich. bodz, 1970.

⁴⁶ Раскопки Псковской археологической экспедиции в 1960-х годах. Гос. Эрмитаж. Типа меча, опубликованного в кн.: Seitz H, Blankwaffen I, Fig. 101, B. (ср. Fig. 105).

⁴⁷ Медведев А. Ф. Оружие..., с. 123—125.

⁴⁸ Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 36.

⁴⁹ Псковская 1-я летопись под 1463 г.; ср. сообщение о том, что в 1480 г. псковичи встретили немецкий корабельный десант камнями, секирами и мечами (Псковская 2-я летопись под 1480 г.).

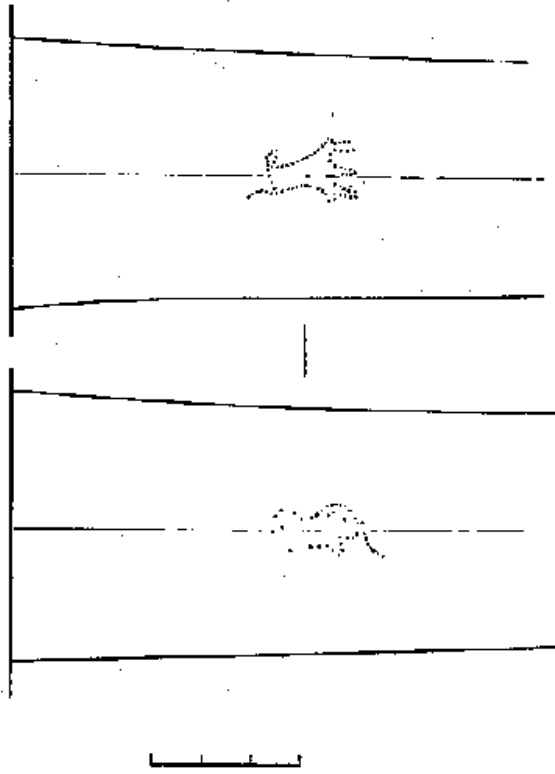

Рис. 2. Клеймо на мече князя Довмонта
(точечная инкрустация желтым металлом)

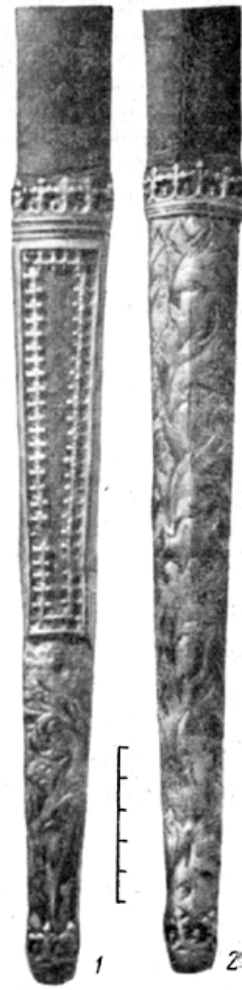

Рис. 3. Наконечник ножен меча князя Довмонта. Лицевая (1) и обратная (2) стороны.
(Псковский музей)

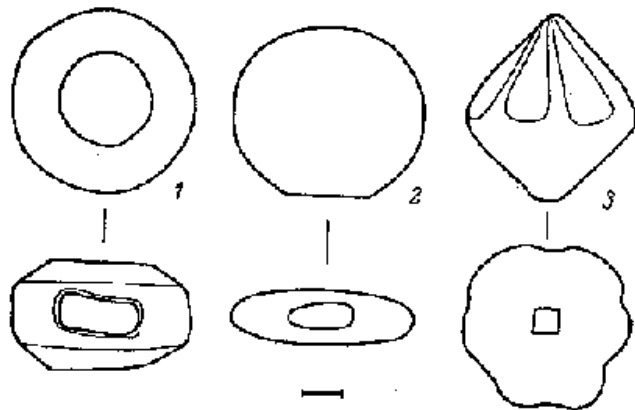

Рис. 4. Навершия мечей конца XIII-XV в.
1 - Орешек; 2 - Новгород; 3 - Псков (1 - Музей истории Ленинграда; 2 - ГИМ; 3 - Эрмитаж).

Эволюция меча делала его все более неудобным для конной борьбы с татарами. Южнее Москвы боец с тяжелым рыцарским, тем более, двуручным мечом стал бы хорошей мишенью для степняка, и сабле отдается здесь все большее предпочтение. Так, в перечне обычного ратного снаряжения рязанцы, как само собой разумеющееся, называли сабли наряду со щитами, доспехами, стрелами, а также конями.⁵⁰ Со второй половины XIV в. сабли находились среди фамильных драгоценностей московских великих князей и завещались по наследству.⁵¹ Значение этого оружия подчеркивается тем, что оно изображалось на монетах великих князей Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.) и Василия Васильевича Темного (1425—1462 гг.).⁵² XVI в. можно считать веком сабли, но еще раньше, в 1486 г., московский посол Юрий Траханиот назвал не меч, а саблю в качестве главнейшего наступательного оружия московитов.⁵³

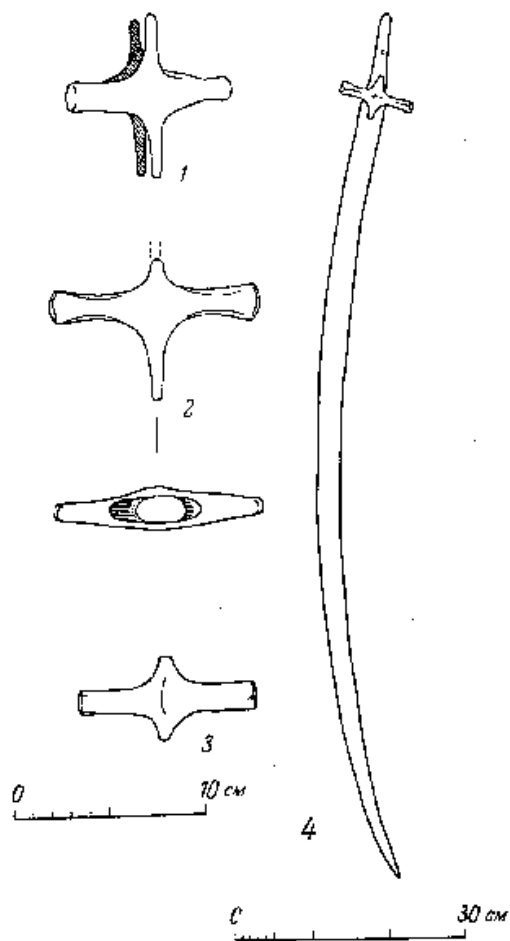

Рис. 5. Сабли и сабельные перекрестья XIV в.

1 - Александрова Гора, бывш. Владимирская губ.; 2 - Воынь; 3 - Болгарское городище, бывш. Казанская губ.; 4 - Кубань (2 - Львовский ист. музей; 1, 3, 4 - ГИМ).

Русские сабли XV—XV вв. не известны, но представление о них можно составить по образцам, найденным в северокавказских курганах л хранящимся в ГИМе и Эрмитаже.⁵⁴ Привлекая эти клинки, можно установить, что в сравнении с образцами XII - первой половины XIII в. длина (110 - 119 см) и ширина лезвия не меняется, кривизна полосы в наивысшей точке изгиба с 4.5 - 5.5 см возрастает до 6.5 - 9 см, сохраняется некоторый наклон стержня рукояти к полосе (5—10°). В целом сабли XIV—XV вв. отличаются равномерной спокойной кривизной, что больше сближает их с формами XIII, а не XVI в. О саблях XIV-XV вв. можно судить также по однообразным, несколько расширяющимся к концам, стержневидным перекрестьям (обычной длиной 13 см), имеющим в средней части продолговатые симметричные отростки (рис. 5).⁵⁵ Эти перекрестья предохраняли руку воина от встречного удара, с какой бы стороны он не приходился, и в этом смысле явились закономерным воплощением поисков наиболее удобной защиты руки, которые в отношении сабельных гард, активно проводились в южнорусских городах начиная с XII в.

Эти перекрестья предохраняли руку воина от встречного удара, с какой бы стороны он не приходился, и в этом смысле явились закономерным воплощением поисков наиболее удобной защиты руки, которые в отношении сабельных гард, активно проводились в южнорусских городах начиная с XII в.

⁵⁰ Никоновская летопись под 1372 г.

⁵¹ Арциховский А. В. Оружие.—В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. I М., 1969, с. 393—394.

⁵² Орешников А. Русские монеты до 1547 г.—В кн.: Имп. Российск. ист. музей. Описание памятников. Вып. I. М., 1896, табл. XI, 505—506, 521, 526, 528—529.

⁵³ Гуковский М. А. Сообщение о России, с. 655.

⁵⁴ ОАК за 1894 г., с. 96, рис. 171; ОАК за 1896 г., с. 8—10, рис. 53; ОАК за 1903 г., с. 75—76, рис. 154, 155а.

⁵⁵ Перекрестья аналогичного типа см.: Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, вып. 15, рис. 71 (данное перекрестье - рис. 5, У — происходит из слоев древнерусского города Клещина, по-видимому, XIII-XIV вв.). Образцы таких перекрестий см. на северокавказских археологически найденных саблях: ГИМ, хр. 103, № 2 и 221, а также 11944а. Такие отчетливо различимые перекрестья см.: Герберштейн С. Записки..., с. 77 (рис.).

⁵⁶ Медведев А. Ф. Оружие..., с. 132 сл.

БУЛАВЫ, КИСТЕНИ, ШЕСТОПЕРЫ

С. Герберштейн, П. Иовий, И. Вундерер причисляли булаву и кистень к обыкновенному оружию русских. Эти вспомогательные ударные принадлежности тесного боя действительно сопутствовали коннице не только в XVI, но и в XII—XIII вв. (рис. 6). Спорадическое употребление упомянутых предметов, как показали находки из Новгорода,

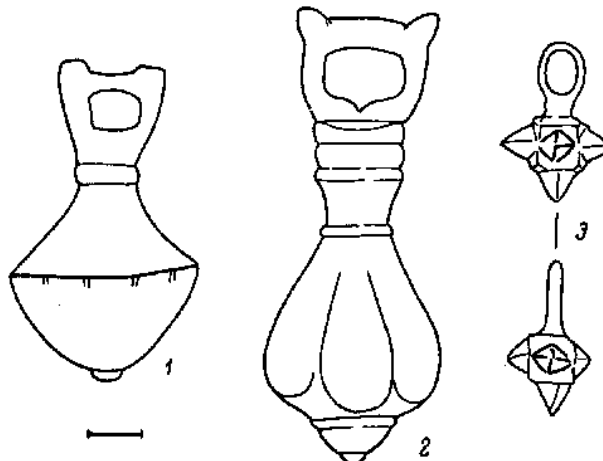

Рис. 6. Кистени XIII (1, 2) и XVI вв. (3).

1 - Киевская обл.; 2 - Волжская Болгария; 3 - Орешек (соответственно КИМ, ГИМ, Музей истории Ленинграда)

Орешка, Москвы, имело место и в XIV в.⁵⁶ Речь идет о биконических с прямо угольным ушком кистенях⁵⁷ и железных навершиях булав в виде куба со срезанными углами.⁵⁸ Обращает внимание живучесть некоторых из этих форм. Так, булавы в виде куба со срезанными углами, зародившись в XII-XIII вв., существовали вплоть до середины XVII в.,⁵⁹ а кистени XII-XIII вв. с пятью большими и восемью малыми шипами получили подтверждение своего более длительного существования в одном детском бронзовом кистеньке конца XV-первой половины XVI в. из раскопок в Орешке в 1968 г. (рис. 6, 3.⁶⁰)

Примечательна история еще одного ударно-дробящего орудия — шестопера, сформировавшегося у европейских рыцарей в раннем XIV в. в той форме, которой в последующие два века предстояло стать стандартной.⁶¹ Что касается Руси, то этот предмет случайно упомянут Псковской 1-й летописью под 1502 г. в контексте об антинемецком оружии: «Биша их москвичи и татарове, аки свиной, шестоперы». Появление же самого оружия, как показывают находки из галицкого Звенигорода, киевских Сахновки и Хмельной и рязанского Пронска,⁶² восходит к первой половине XIII в. (табл. XI). Речь идет о шестигранных железных навершиях, которые развились, очевидно, из многолопастных железных булав, также

⁵⁷ Три таких предмета XIII-XIV вв. найдены в Старой Ладого, Серенске Калужской области и на территории Киевской области. Изделие такого же тип найдено в руинах Каунасского замка, разрушенного в 1362 г., что может иметь отношение и к верхней дате русских находок (Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 63).

⁵⁸ Так же была оформлена и проушная часть упомянутых выше новгородских топоров-булав.

⁵⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 48, тип II.

⁶⁰ Ср.: там же, табл. XXXIII, 9, 10.

⁶¹ Blair C. European and american arms, p. 28.

⁶² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 54-55, рис. 10 тип VI. - Шестопер из Сахновки, самый надежный по дате, был издан Л. Нидерле (см.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, рис. 117). Шестопер из Хмельной сохранился в составе коллекции И. Хойновского в Музее Войска Польского. в Варшаве (№ 18842).

представленных в русских находках, относящихся к 1200—1240 гг.⁶³

Эксперименты с ударным оружием в первой половине XIII в. проводились на Руси, видимо, с неослабевающей настойчивостью - в результате и возникли шестоперы, пока древнейшие среди других подобных европейских образцов. Хронологический разрыв между временем первого упоминания шестопера в отечественных источниках и фактическим

Рис. 7. Железная булава-шестопер XIII в.
Новгород.

появлением самого изделия в ходе сборов и археологических изысканий может сократиться. Я, в частности, имею в виду железные шестоперы, один из которых происходит из Москвы, другой, отделанный серебряным растительным орнаментом на лопастях, найден во время случайных работ в Новгороде и отнесен по условиям находки не позднее чем к началу XIV в. (табл. II, 3; рис. 7).⁶⁴ Обнаружение новгородского экземпляра открывает период, когда шестоперы — а равно, вероятно, и булавы — из простого оружия начали превращаться в знак командирского представительства и символ военачалия.

ШЛЕМЫ И ШИШАКИ

Обратимся теперь к защитному снаряжению. Начнем со шлемов. Судя по миниатюрам, иконам, находкам и содержимому царской Оружейной палаты, в зрелом русском средневековье употреблялись унаследованные от домонгольского периода боевые наголовья двух основных форм — сфероконической и куполовидной. Оба типа параллельно использовались со второй половины XII в.,⁶⁵ нов XVI в. их равномерное развитие было нарушено. В связи с этим необходимо преодолеть одно старое терминологическое недоразумение, заключающееся в путанице понятий «шлем» и «шишак». Считают, что оба эти названия обозначают сфероконическое наголовье с вытянутым увенчанием — шишом. Между тем в документах XVI в. оба термина употребляются самостоятельно и обозначают определенные несхожие конструкции. Состоятельные люди того времени иногда шли в поход в двойном доспехе и к тому же в шлеме и шишаке.⁶⁶ Одновременное ношение того и другого предполагает некоторое различие их устройства, но не настолько, чтобы это мешало их совместности. Создавшаяся неясность раскрывается при изучении самих изделий.⁶⁷

Шоломом, или шеломом, судя по двум подписным царским уборам, изготовленным

⁶³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 54, табл. XXV, 5,

⁶⁴ Хранится в Новгородском историко-археологическом музее-заповеднике (№ 18573-1). Упомянутый выше шестопер и другое вооружение из собрания Музей истории и реконструкции Москвы предоставлены для издания А. Г. Векслером.

⁶⁵ Для конца XIII в. существование куполовидных шлемов с округлым выступом на макушке подтверждается миниатюрами Симоновско-Хлудовской псалтыри 1270-х годов (ГИМ, Отд. письменных источников, Хлудовская 3).

⁶⁶ Висковатов А. В. Историческое описание..., с. 6, 70, 106—107 (прил.).

⁶⁷ Для той цели в Эрмитаже, ГИМе, Музее истории и реконструкции Москвы, Оружейной палате, ВИМАИВе, музеях Кириллова и Вологды были изучены в натуре 20 шлемов и 1 до 25 шишаков и железных шапок.

Рис. 8. Шлем Ивана Грозного. До 1547 г.
(Королевский Арсенал в Стокгольме).
1 - общий вид, 2 - надпись на шлеме.

для Ивана Грозного (рис. 8) и его сына Ивана Ивановича соответственно до 1547 и 1557 гг.,⁶⁸ назывались наголовья с высокой колоколовидной тульей и длинным шпилем — в описях XVII в. «навершием». Шлемы этого вида в классической по своему совершенству форме применялись в Восточной Европе в X в., а двумя веками позже снабжались наносником, окологлазными вырезами и шпилем для флажка-яловца. Не позже XIV в. сфероконические шлемы вместо кольчужной бармицы стали дополняться металлическими наушами⁶⁹ (рис. 9) и

изготавливаться без наносника и глазных прорезей (табл. XII). На редкой по своему реализму современной событию картине, изображающей битву под Оршей 1514 г., все русские воины (за исключением командиров) показаны только в таких шлемах⁷⁰ (табл. XXII—XXIII). Господство этих образцов в первой половине XVI в. доказывают и отдельные находки.⁷¹ После 1550 г. шлемы описанной формы выходят из употребления, но сохраняются в оружейных хранилищах городов и монастырей.⁷²

⁶⁸ Бобринский А. А. Шлем Ивана Грозного. — ЗОРСА, 1898, вып. I, с. 316 сл., рис. 1. — Слово «шелом» имеется в надписях на обоих этих изделиях.

⁶⁹ Не позже XV в. на уши изготавливались из одного куска металла, а в XIV в. они у русских и персов были пластинчатыми, двух- и многочастными (см.: Срезневский И. И. Сказание о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860, с. 80 (рис.); Robinson H. K. Oriental armour. London, 1967, p. 35, fig. 17).

⁷⁰ Картина изучалась мной в Народном музее в Варшаве в 1972 г. Ее прорисовку см.: Schieman Th. Rutland, Polen, Livland bis ins 17 Jahrhundert. Bd. II. Berlin, 1887, S. 312 (Fig.).

⁷¹ Денисова М. М., Портнов П. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. М., 1953, табл. X, 82, 84; XI, 83.—В дополнение к пяти шлемам, найденным в Ипатьевском переулке в Москве в 1895 г., там же в 1969 г. найден еще комплекс боевых изделий третьей четверти XVI в., и в том числе шлем (табл. IV; Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М., 1973, с. 95 (рис.)).

⁷² Кирпичников А. Н., Хлопйн И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVII веках.—МИА, 1958, № 77, с. 150, рис. 7, 8.

Рис. 8. Шлем Ивана Грозного. До 1547 г. (Королевский арсенал в Стокгольме).
1 — общий вид; 2 — надпись на шлеме.

Слово «шишак» (как полагают, турецкое или венгерское заимствование) впервые встречено в духовном завещании великого князя Ивана Ивановича 1359 г. («чечак золот с камением») и обозначало военный головной убор.⁷³ Это древнейшее европейское упоминание определенного вида шлема, который в середине XVI в. в связи с турецким военным влиянием распространился у кавалеристов в Венгрии, Польше и Германии.⁷⁴ Старейшими русскими шишаками зрелого средневековья можно считать два образца, найденных Н. С. Шеляпиной в 1975 г. в колодце Арсенальной башни Московского кремля (рис. 10, 1—2). Их оформление — с веревочным штриховым орнаментом на тулье и растительными завитками на макушке — несомненно свидетельствует о местном изготовлении вещей. В отделке наголовий употреблено серебро, а венцы обтянуты медной полоской. Шишаки оказались в колодце вместе с кольчатым панцирем и тремя стременами характерной для первой половины XVI в. арковидной формы. Дата всего «клада» — примерно 1500-е годы. Названные московские шишаки являются древнейшими известными в Европе произведениями своего рода и, судя по всему, употреблялись русскими всадниками в конце XV в. в качестве обычного средства защиты. Шишаки более поздней поры снабжены усилительными деталями. Типичный образец представлял полусферическую, реже пирамидальную каску с назатыльником, наушами, козырьком и пропущенной сквозь него носовой стрелкой. Корпус на макушке увенчивался небольшим округлым выступом.⁷⁵

⁷³ Савваитов П. Описание старинных русских утварей. СПб., 1896, с. 167.

⁷⁴ Miiller H., Kunter F. Europaische Helme. Erfurt, 1072, S. 56—57, Fig. 210—214. — Отмечается важная роль

венгерских гусар в этом распространении.

⁷⁵ Находка сразу трех шишаков, относящихся, по-видимому, ко второй половине XVI в., имела место в 1848 г. в Приильменье (Савельев П. С. Старинные доспехи, найденные в сопках Новгородской губернии. — ЗРАО, 1852, т. IV, с. 10—15, рис. 2—4).

Рис. 10.

Шишаки, найденные в колодце Арсенальной башни Московского кремля (1, 2), Около 1500 г. Материалы Н. С. Шеляпиной, (Музеи Московского кремля).

Описи XVII в. отмечают в этом месте только **подверпше**, без шпиля. Шишак по высоте (20 - 25 см) был в два раза ниже сфероконического шлема **со** шпилем и надежно защищал голову всадника, в особенности от поперечных ударов сабли в ближнем бою. Устройство шишака, как это показано в документах середины XVI в., позволяло надеть на него большемерный «шелом».

Широкое внедрение шишаков в русских землях было подготовлено существованием сходных головных покрытий, употреблявшихся в течение части XII и всего XIII в., а в эпоху Куликовской битвы, раньше чем где-либо в Европе, названных восточным термином «чечак». ⁷⁶ Шишаки как солдатская принадлежность удержались в снаряжении войска вплоть до конца XVII в. ⁷⁷ Под их влиянием в середине XVI в. стали во все возрастающем количестве изготавливаться полусферические железные, медные и даже бумажные шапки и гибридные формы с пониженной тульей. ⁷⁸ От шишаков эти последние отличались всегда гладкой тульей, спорадическим отсутствием макушечной шишечки и уменьшенным назатыльником. ⁷⁹

Введение шишаков и шапок окончательно подорвало во второй половине XVI в. господство сфероконического шлема. Находит это и цифровое подтверждение. Если у дворян и их слуг, явившихся в 1556 г. на Серпуховский смотр, было 104 шлема и 111 шапок, то на аналогичной демонстрации коломничей в 1577 г. было представлено 87 шеломов и 175 шапок. ⁸⁰ Иными словами, за прошедшие 20 лет число шлемов у всадников сократилось по сравнению с шапками от половины до одной трети. Около 1600 г. небольшие куполовидных наголовье полностью преобладали. Так на исходе средневековья ликвидируется былое разнообразие прикрытий головы, что связано с исчезновением сфероконического шлема, семь столетий использовавшегося в воинском быту.

ЗАЩИТНАЯ ОДЕЖДА

В течение XIII в. древнерусская боевая одежда претерпевает изменения, наиболее значительные за все время ее существования. В середине XIII в. кольчуга уступает место системам пластинчатого прикрытия корпуса тела. Эта новая защита стала называться термином «доспех», в связи с чем прежнее слово «броня» в течение XIV в. почти совершенно исчезает из военной лексики. Характерно в этом отношении известие Новгородской 1-й летописи о человеке, «обрезавшем» свою броню во время бегства с поля боя. ⁸¹ Однако обрезать кольчугу конному воину, тем более в спешке, было бы невозможно. Очевидно, речь шла о наборной системе, которую действительно можно расчлнить и на ходу. Чтобы ликвидировать недоумение, в Никоновской летописи ⁸² слово «броня» в данном эпизоде заменено более точным - «доспех». Да и в самой Новгородской

⁷⁶ На мусульманских миниатюрах куполовидных шлемы фиксируются с начала XIV в., особенно начиная с 1330—1340 гг. (Papadopoulos I о А. Esthetique de l'art musulman la peinture. VI. Lille, 1972, fig. 464, 467, 472 sq.).

⁷⁷ В Оружейной палате сохранились и богато отделанные шишаки, принадлежавшие царю Михаилу Федоровичу Романову и князю Ф. И. Мстиславскому (Мишуков Ф. Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении. — В кн.: "Гос. Оружейная палата Московского кремля. М., 1954, рис. 3, 10).

⁷⁸ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. 1) Крепость..., рис. 9; 2) Великая государева крепость. Л., 1972, с. 90, рис. на

с. 61 и 179.

⁷⁹ Ленц Э. Описание собрания оружия графа С. Д. Шереметьева. СПб., 1895, табл. VI, 180-188.

⁸⁰ Денисова М. М. 1) Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII вв.— Тр. ГИМ, М., 1948, XX, с. 33; 2) Вооружение русской конницы XIV—XVII вв.— ГИМ, Отд. письм. источников, ф. 491, папка 5, л. 99.

⁸¹ Новгородская 2-я летопись под 1343 г.

⁸² Никоновская летопись под 1343 г.

летописи для последующих событий стал употребляться этот укоренившийся тогда термин.⁸³ Немногочисленные сведения письменных источников о доспехе XIV-XV вв. расшифровывают его как «дощатую защиту». Касаясь Куликовской битвы, летописец сообщает, что весь доспех Дмитрия Ивановича был «избит и язвен зело, на телеси же его нигдеже смертныя раны обретеса».⁸⁴ Ясно, что доспех в данном случае был «дощатым», так как на кольчуге вмятины от ударов были бы незаметны. Доспехи называются «крепкими», во время бегства их бросали «тягости ради конь своих» и даже жгли как ненужный трофей.⁸⁵ Перед сражением защитное вооружение везли в телегах, а затем «начат класти на себя и знамяна подняв».⁸⁶ Представление о деталях защитного вооружения можно составить по следующей фразе: «Толь креппе того удари (копьем,—А. ДГ.), да яко» сокрушену щиту его и доспешным доскам во мнозе силе расторженным».⁸⁷

В XIV—XV вв., как и в XII в., сверкающая металлическая поверхность защитной одежды открыто демонстрировалась, что оказывало психологическое воздействие и производило неизгладимое впечатление: «Доспехи же на них бяху чисты велми, яко серебро блистающе, и въоружени зело».⁸⁸

Мягкое воинское одеяние в бою не закрывало металлического прикрытия и отличалось яркостью. Цвет боевой мягкой одежды можно расшифровать по миниатюрам, из которых лучшими, с моей точки зрения, являются симоновско-хлудовские, созданные в 1270-х годах⁸⁹ (табл. XIII, XIV). Поколенная рубаха, надевавшаяся под доспех, показана синей, зеленой или красной. Плащи, накидки обычно зеленые; щиты красные или красные и зеленые.⁹⁰ Ножны меча красные или коричневые, стяги красные, челки на древке черные. В XVI в. сверкающие доспехи и во время боя все больше закрывались яркими одеяниями, так что войско имело вид «прекрасного цветущего луга»,⁹¹ а люди выглядели «цветно и доспешно». Цвет воинской одежды, возможно, как-то отличался по полкам, что несомненно способствовало большему тактическому единению и управляемости подразделений в бою.

Если в XIII-начале XIV в., по-видимому, выдерживался некий общеевропейский стиль боевой одежды, то со второй половины XIV и особенно в XV в. пути оружейного мастерства в Западной и Восточной Европе заметно разошлись. На Западе «век кольчуги» закончился около 1250 г. и дальнейшее развитие шло по линии изобретения все более неуязвимой защиты - до тех пор, пока во второй четверти XV в. было завершено бронирование рыцаря и началось производство «белых», сплошь кованных готических лат.⁹² В русских землях к столь монументально созданной защите не прибегали, но и здесь имело место усиление доспеха. Об этом можно судить по появившемуся в начале XV в. наименованию «рать железная»⁹³ или «рать кованая».⁹⁴ По известиям источников, тяжеловооруженные воины выступали в «железных полках» с XII в., но только в XV в. Псковские летописи поясняют, что в составе «железоносцев» было 100, 150 и 300 «боевых людей». Понимание приведенного

⁸³ Новгородская 1-я летопись под 1359 г.

⁸⁴ Никоновская летопись под 1380 г.

⁸⁵ Иоасафовская летопись под 1470 г.; Софийская 1-я летопись под 1471 г.

⁸⁶ Львовская летопись под 1445 г.

⁸⁷ Троянские сказания, с. 56.

⁸⁸ Иоасафовская летопись под 1471 г.

⁸⁹ ГИМ, Отд. письменных источников, Хлудовская 3.

⁹⁰ Один раз изображен орнаментированный в елочку многоцветный щит зеленого, белого, коричневого, красного и черного цветов.

⁹¹ Оболенский М. А. Исторические сочинения и акты, относящиеся до России. М., 1847, с. 10 (прил.).

⁹² The ancient art of warfare. Vol. I. London, 1966, p. 331.

⁹³ Псковская 2-я летопись под 1406 г.

⁹⁴ Псковская 1-я и 3-я летописи соответственно; под 1460 и 1474 гг..

обозначения рати, очевидно, следует искать не в непроницаемой мощи доспеха, а в том, что он закрывал людей целого воинского подразделения с головы до ног.

Доспех XIV-XV вв., до последней поры известный лишь по условным изображениям икон и фресок и во многом загадочный, был впервые археологически опознан А. Ф. Медведевым. Больше всего пластин доспеха найдено в Новгороде (из слоев середины XIII-XVI в. извлечено 380 деталей примерно от 20 комплектов). Год от года карта интересующих вас находок расширяется, к 1961 г. в ее составе были, кроме Новгорода, Псков, Торопец, Москва, Тушково, Переяславль-Рязанский, Смоленск, Друпк и ряд других мест.⁹⁵

До сих пор найденные детали относятся к двум основным наборным системам - пластинчатой и чешуйчатой (рис. 11, 12). Первую, известную на Руси с IX-X вв., представляют пластины, которые связывались между собой ремешками и поэтому не требовали подкладочной основы (рис. 11, 1). Одежда этого рода доходила до колен и использовалась вплоть до конца XV в.⁹⁶ Начиная с середины XIII в.⁹⁷ стало преобладать другое, более гибкое прикрытие, состоящее из прямоугольных или квадратных пластин, прикреплявшихся к мягкой основе наподобие черепицы (рис. 11, 2.) Такая защита **ТЮ** сравнению с пластинчатой имела большую эластичность, так как чешуйки, притороченные к материи или коже только с одной стороны и в центре, давали возможность некоторого движения.

Описанные выше системы наборной брони лучше, чем где-либо, и с протокольной тщательностью представлены на клейме житийной иконы «Св. Георгий» начала XIV в.⁹⁸ и особенно на симоновско-хлудовских миниатюрах. При этом 11 - 12 раз показаны пластинчатые доспехи, 21 - 22 раза - чешуйчатые. Преобладание последних подтверждают несколько более поздние рисунки хроники Георгия Амартола⁹⁹ и археологические находки.

Детали, характеризующие чешуйчатое покрытие, составляют две трети всех находок и принадлежат приблизительно 20 доспехам. Лишь ОДИН раз в 1960 г. во Пскове на территории Довмонтова города был найден полный комплект, состоящий примерно из 120 деталей. Пластины обнаружены вместе с актовыми печатями конца XIII—XV в., т. е. данная чешуйчатая одежда до 1510 г. находилась в государственном архивохранилище. Найденное прикрытие было скомбинировано из пластин девяти размеров,¹⁰⁰ закрывало грудь и спину и не имело рукавов и подола. Передняя и задняя части скреплялись четырьмя расположенными сбоку пряжками. Центральная бляха была выкована в виде умбона. В целом псковский нагрудный доспех, видимо, достаточно типичен для своего времени. Подтверждается это и другими деталями чешуйчатых броней, археологически лучше, чем где-либо, представленных в Восточной Европе.

⁹⁵ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. — СА, 1959, М 2, с. 123. — Ряд пластин, не включенных в список упомянутого автора, известны; мае по музейным собраниям ГИМа, Ивановского и Костромского исторических Музеев. Всего в 12 географических пунктах, как удалось подсчитать, найдено 840 пластинок 1250-1525 гг., относящихся к 32 гарнитурам.

⁹⁶ Ср.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. II. М., 1970, № 414, 418, 430, 599.

⁹⁷ ср.: там же, № 419, 434, 437, 438, 582, 768.

⁹⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971, табл. VI (ср. табл. VII).

⁹⁹ ГБЛ, Рукописи, собр., фонд Моск. духовн. акад., 100.

¹⁰⁰ С разрешения В. Д. Белецкого измерены пластины доспеха, хранящиеся в Эрмитаже. Приведу типологически важное для будущих изысканий распределение 46 пластин по размерам: 7X7 см—22 экз.; 5X6 см—12 экз.; 4X8

см— 5 8KB.; 6X7 см—2 экз. с прикрепленными кольцами; по одному экз.—7X11, 6X12, 9Xd4, 9X21 см (последняя составлена из 2—8 частей). Умбон диаметром 11 см, высотой 3.5 см украшен крестообразной бронзовой накладкой. 7 пластин, в том числе те, к которым крепились 4 пряжки, сохранились лишь в обломках. Большинство пластин изогнуто и имеет заклепки и до пяти односторонних дырочек для сцепления с мягкой основой. Похоже, что более крупные детали располагались ближе к умбону (см. табл. XXX). Точная реконструкция набора до реставрации его составных деталей затруднена. Вторая часть набора находится в Псковском музее.

Доспех из чешуек употреблялся с XIII по XVII в. и с середины XVI в. по-монгольски назывался «куяком». Это название в XVI-XVII вв. прилагалось к пластинчатым комбинациям, набравшимся или нашивавшимся на сукно, бархат и т. п., но у нас оно явно не было изначальным. В середине XIII в., т. е. в период распространения у русских чешуйчатой системы, монголы пользовались преимущественно кожаными прикрытиями «ременного скрепления» - ярками. В применении к «броня дощатым» существовал, вероятно, и более узкий термин, но какой, пока ответить мы не можем.¹⁰¹ Между тем изобразительные аналогии позволяют еще более отдалить чешуйчатые панцири от времени монгольского вторжения на Русь. Видимо, в связи с византийским влиянием этот род доспеха изображался на памятниках русского искусства начиная с XI в.,¹⁰² а для следующего столетия можно прогнозировать и существование реальных изделий.

Наше представление о древнерусских наборных доспехах страдает схематизмом, так как, за исключением псковского, ни одного целого комплекта пока не обнаружено. Действительное развитие конструкций отличалось многообразием, которое все же можно уловить. На миниатюрах Симоновско-Хлудовской псалтыри в ряде случаев показаны кольчужные чулки (обозначены чешуей; табл. XIII, 2). Такая же принадлежность фигурирует и на рисунках хроники Георгия Амартола около 1300 Там же сохранилось изображение предшественниц позднесредневековых зеркал - дисковидных нагрудных блях.¹⁰³ Аналогичное изделие есть в миниатюре Федоровского Евангелия 1321 - 1327 гг., представляющей князя Федора Черного в комбинированном пластинчато-чешуйчатом доспехе.¹⁰⁴ Все эти конструкции, видимо, правдоподобны и, будем надеяться, подтвердятся археологически.

Изображения XIII в. позволяют предположить также появление бригадины¹⁰⁵ — одеяния, к внутренней стороне которого с помощью заклепок крепились металлические пластины. С наружной стороны они угадывались по рядам заклепочных шляпок. Части бригадин в виде шарнирного наплечника и пластины плечевой оторочки удалось опознать среди новгородских находок первой половины XIV в.¹⁰⁶ Тот же географически и хронологически адрес имеет и часть металлической перчатки,¹¹ обычно входившей в бригадинный гарнитур (рис. 11, 3 - 5). То, что оружиеведы, строго говоря, понимают под бригадиной («корацин»), - приталенный жакет со стоячим воротником и множеством мелких скрытых, материей пластинок,¹⁰⁸ - распространяется в XV-начале XVI в. Новгородские же находки характеризуют как бы протобригандину, или, как ее называли на Западе, «одежду из пластин» (нем. «Plattenrock»). Эти прикрытием торса, представляющим комбинацию нагрудных и наспинных пластин, в XIV в. широко пользовались горожане и — в сочетании с кольчужой - рыцари. В русских землях подобный закрытый с внешней

¹⁰¹ В латиноязычных странах боевая одежда из пластин на кожаной основе, прикрывавшая верхнюю половину корпуса, называлась «кирасой» (фр. «cuirass», ит. «corazza»).

¹⁰² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 19. ,

¹⁰³ Там же, табл. XXII, 2.

¹⁰⁴ Там же, рис. 20.

¹⁰⁵ Там же, с. 20.

¹⁰⁶ Медведев А. Ф. 1) К истории..., рис. 4, 3, 5; 2) Оружие..., рис. 17, 1 ср.: Thordeman B. Armour from the battle of Wisby 1361. Vol. 1, 2. **Stockholi** - 4939, vol. 1, fig. 102, 2; vol. 2, tab. 102.

¹⁰⁷ Медведев А. Ф. К истории..., рис. 4, 4.

¹⁰⁸ Ленц Э. Н. Опись собрания оружия..., табл. I, 58.

Рис. 11. Детали пластинчатых (1) и чешуйчатых 2 доспехов и бригандин (3—5). Новгород.

1 — из слоев XII—XIV вв.; 2 — XIV в.; 3 — около 1300 г.; 4 — первая половина XIV в.; 5 — середина XIV в.

Рис. 12. Доспехи из пластинок ремennого скрепления (1, 2) и чешуи (3—5) на печатях XIV—XV вв.

1 — 1354—1359 гг.; 2 — 1425—1462 гг.; 3 — 1276—1294 гг.; 4 — 1352—1372 гг. 5 — XV в.

стороны материей (а последнее до конца XV в. у нас не практиковалось) и поэтому не сверкавший в бою доспех был вряд ли широко распространен. Спорадическое использование данного прикрытия, особенно в Новгороде, вероятно, было данью северобалтийской моде. Шире эту защиту стали использовать в XVI в. Р. Ченслер прямо указывал, что боевой костюм, покрытый бархатом и золотой парчой (его название - «coat of plates», что соответствует куюку), был на вооружении русской знати и дворян.¹⁰⁹

Виды «дощатой брони» не существовали обособленно, а могли, как свидетельствуют изобразительные примеры XIII в., скрещиваться. При этом кольчужная ткань использовалась для покрытия наиболее подвижных частей тела - шеи, плеч, талии. По мере усиления жесткости доспеха переходят к регулярному изготовлению пластинчатых покрытий с кольчужным соединением их деталей. Освоение подобных комбинированных систем активно происходило на Ближнем Востоке (под влиянием, как считают, европейских бригандин)¹¹⁰ и в русских землях. По мнению А. Ф. Медведева, некоторые из пластин XIV в. с частыми дырочками по краям не только могли самостоятельно нашиваться, но и входить в соединение с кольчужным плетением.¹¹¹ Для полной уверенности необходимы детали с сохранившимися колечками. Впрочем, о такого рода комбинированном устройстве имеются свидетельства письменных источников. Древнейший из них, относящийся к 1486 г., сообщает, что русские пользуются легкими корацинами (cograzine), такими, «какие употребляют мамлюки султана».¹¹² Мамлюкские корацины, как выяснил специалист по восточному вооружению Робинсон, были кольчатыми с пластинчатым усилением груди.¹¹³ В применении к отечественному доспеху это наблюдение можно еще более конкретизировать.

С. Герберштейн в немецком, наиболее точном в отношении технических терминов издании своих записок (1557 г.) писал о московских всадниках, что «некоторые имеют кольчатый панцирь (VanBerhembder) *ma*, погрудный доспех (Brustharnist), состоящий из соединенных вместе колец и пластин, расположенных наподобие рыбьей чешуи».¹¹⁴ Иллюстрацией к этим словам служит упоминавшаяся картина «Битва под Оршей» (около 1520 г.), где почти все русские воины изображены в погрудном доспехе, названном в польском источнике «бехтером»¹¹⁵ (табл. XXII—XXIII), что соответствовало русскому «бехтерец» (от перс. «begter» — род доспеха). С запозданием (примерно в 70 лет) этот доспех упомянут в одном отечественном документе 1556 г. и еще столетие спустя использовался в воинском быту преимущественно знатных феодалов. Бехтерец набирался из расположенных вертикальными рядами продолговатых пластин, соединенных кольцами с двух коротких боковых сторон (рис. 13).¹¹⁶ Для изготовления такого прикрытия использовалось до 1500

¹⁰⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1973 с. 59. — Уточненный перевод термина см.: Blair C., Norman N., Robinson H.R. Armour. Glossarium armorum. Engl. ed. Graz, 1972, tab. 65, 3.

¹¹⁰ Robinson H. R. Oriental armour, p. 79—80.

¹¹¹ Медведев А. Ф. К истории..., с. 130, рис. типа 2, 12.

¹¹² Гуковский А. М. Сообщение о России..., с. 655.

¹¹³ Robinson H. R. Oriental armour, p. 67, tab. VII, A.—Во Франции, Испании, Португалии кольчато-пластинчатую одежду называли «jaseran», «jacerina» в Италии (точнее, в Генуе) — «ghiazzerino» (все от арабского «djezireh» — «остров», «группа островов»).

¹¹⁴ В переводе с латинского издания 1556 г. это место представлено так: «Некоторые из более знатных носят латы, кольчугу, сделанную искусно, как будто из чешуи» (Герберштейн С. Записки..., с. 75),—что совершенно

неудовлетворительно и нуждается в сверке с более поздним немецким текстом.

¹¹⁵ Strykowski M. Kronika polska, litowska, zmodzka i wszyskiej Rusi, II. Warszawa, 1846, p. 382—383.

¹¹⁶ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех.—В кн.: Гос. Оружейная палата Московского кремля. М., 1954, с. 97, рис. 22.

пластинок, которые монтировались таким образом, чтобы создать двойное или тройное покрытие. В собранном виде пластины были, следовательно, наполовину или на треть открыты. К бехтерпу наращивался кольчужный подол и иногда ворот и рукава.¹¹⁷ Средний вес такого доспеха достигал 10—12 кг, а длина 66 см. Такой вид доспеха несомненно обладал очень высокими, если не рекордными защитными свойствами, в том числе и против раннего ручного огнестрельного оружия. Впрочем, судя по «смотренным опискам» XVI в., он использовался всадниками, оснащенными только холодным оружием. Бехтерец считался дорогим доспехом — мастера Оружейной палаты в XVII в. специально для царей создавали художественные, украшенные золотом и серебром образцы такого рода, оценивавшиеся баснословно высоко.¹¹⁸ Однако в первой половине XVI в. в бехтерцы облачалось немало всадников, выступавших в боевых порядках.¹¹⁹ Об этом же свидетельствует находка бехтерца, потерянного, очевидно, боевой обстановке у р. Возки (место сторожевой засеки) на Рязанщине (табл. XV; ср. табл. XVI, 7). С известной битвой 1378 г. этот девятый по счету из сохранившихся в наших музеях¹²⁰ доспех, к сожалению, связать нельзя, ближе всего он по технике напоминает аналогичный предмет, изготовленный в 1620 г. мастером Кононовым для царя Михаила Федоровича.¹²¹ На 53 пластинах рязанского экземпляра наведены подражательные арабские надписи (возможно, копия с копии).¹²² Судя по тому, что мастер не знал языка надписей, превратившихся в эпиграфический орнамент, он явно работал вдали от родины протообразца, — возможно, например, в Москве. Местное производство московских бехтерцов не только в XVII в., но и столетием раньше вообще очень правдоподобно. В этом смысле можно согласиться с З. Бохенским, который предполагает, что именно под влиянием русской кавалерии бехтерцы были восприняты в XVI в. в Польше.¹²³

На примере упомянутого доспеха видно, как рано и естественно прижилась эта персидская новинка в Московии. То же самое можно сказать о другом родственном виде наборной брони — юшмане (от перс. «djaw-ahan»). Он распространился у нас, очевидно, раньше первого упоминания о нем в 1548 г.¹²⁴ и представляет кольчужную рубашку с вплетенным

¹¹⁷ Ленц Э. Э. Опись собрания оружия..., табл. I, 53, 54.

¹¹⁸ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех, с. 100—102.

¹¹⁹ Денисова М. М. Поместная конница..., с. 35.

¹²⁰ В ГИМе бехтерцов 2, в Оружейной палате — 4, в Эрмитаже — 3. Для сопоставления отмечу, что в польских музеях их 6, американских и английских—2.

¹²¹ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех, рис. 22. — У рязанского, бехтерца, так же как и у упомянутого московского, соединительные кольца клепаны в сечены. Клепаны имеют мысовидный внутренний выступ, а сеченые включены в плетение (через ряд) в удвоенном виде.

¹²² Выражаю О. Г. Большакову признательность за консультацию по этому вопросу. Фотографии любезно присланы Рязанским историко-архитектурным музеем-заповедником.

¹²³ Bochenski Z. Bechter z roku 1580 i jego pochodzenie na tie typologiczno-porownawczy. — In: Studia do dziejow dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. Vol. V. Krakow, 1971, p. 46—47.

¹²⁴ Бранденбург Н. Е. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Ч. I. СПб., 1877, с. 185.

на груди и спине набором горизонтальных пластин.¹²⁵ На изготовление юшманов, обычно весивших 12—15 кг, шло около 100 пластин (табл. XVI, 2, 3). Последние по сравнению с бехтерцовыми были крупнее (и подчас монтировались с незначительным припуском друг на друга). Несколько уступая бехтерцу по защитным свойствам, юшман был мене трудоемким в изготовлении и мог носиться поверх кольчуги.

В родстве с данным видом доспеха находился колонтарь (калантарь), Об этом можно судить по тому, что оба прикрытия равнозначно упомянуты источниками в одном эпизоде, связанном с казанским походом Ивана IV.¹²⁶ Как и юшман, колонтарь изготовлялся из пластин (по известиям XVI в., они золотились), соединенных кольцами.¹²⁷ Доспех этот назван, по-видимому, собственным термином, однако он был редок, не сохранился и поэтому неясен в деталях. Возможно, речь идет о кольчато-пластинчатой защитной одежде, более древней, чем упомянутые прикрытия ирано-турецкого происхождения, распространившиеся с конца XV в. В XVI в. эти последние даже при допущении некоторой местной традиции, очевидно, определяли развитие московских кольчато-пластинчатых доспехов. Внедрение «дощатых» доспехов потеснило кольчугу еще в XII в, а после 1250 г. у нас, как и на западе Европы, привело к существенному преобразованию прежней боевой одежды, что подтверждается и археологически. По новгородским данным, в слоях середины и второй половины XIII в. одному обрывку кольчуги соответствовали части трех наборных доспехов, а в слоях XIV—XV вв. это соотношение изменилось — стало 1:9.¹²⁸ В XIV в. перестает упоминаться даже сам термин «броня». Кольчатые рубашки, однако, не исчезли. Их традиционно будут изготовлять вплоть до середины XVII в., и еще предстоит работа по изучению типологических особенностей таких произведений.¹²⁹ Здесь важно отметить новую линию развития этой одежды. Начиная с 70-х годов XV в. источники впервые называют кольчатую рубашку термином «панцирь».¹³⁰ Отличие панциря от кольчуги состояло в том, что вместо проволочных круглых в поперечном сечении «облых» колец в панцирном плетении использовали только плоские,¹³¹ чаще всего сплошь клепаные «на гвоздь» (рис. 14; ср. табл. XVII). Плоские кольца стали производиться русскими оружейниками около 1200 г.¹³² по сравнению с проволочными они

¹²⁶ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех, с. 102—105, рис. 26. — По имеющимся сведениям, юшманов в Оружейной палате—3, в ГИМе—1, в Эрмитаже — 3, в ВИМАИВе — 2.

¹²⁶ Казанская история. М - Л., 1954, с. 125, 148; Пискаревский летописец. - В кн.: Матер, по ист. СССР. Т. II. М., 1955, с. 71.

¹²⁷ Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1844, Пояснительный" словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты, с. 19; Савваитов П. Описание старинных русских утварей, с. 60.

¹²⁸ Медведев А. Ф. Оружие..., с. 175, 178.

¹²⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 13.

¹³⁰ Никоновская летопись под 1472 г.; Псковская 2-я летопись под 1476 г. — По известию 1473 г., кольчатый панцирь имел инок Псково-Печерского монастыря (Русский временник, сиречь летописец. Ч. 2. М., 1820, с. 86). Слово «панцирь» в приложении к XI—XIII вв. я употреблял для обозначения всякого рода пластинчатых доспехов. Начиная с XIV в. это слово обозначает только кольчатые доспехи. Учитывая присутствие данного термина в польском, чешском, немецком и французском языках, можно принять, что происхождение этого слова у нас не греческое, а западноевропейское (Соболевский А. Русские заимствованные слова. СПб., 1892, с. 109).

¹³¹ Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. — Исторические записки, М., 1938, вып. 4, с. 264—265. — Н. В. Гордеев считал, что отличие кольчуги от панциря заключается в устройстве заклепки, двухсторонней в первом случае и односторонней — во втором (см.: Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех, с. 65—66). Это верное частное наблюдение для классификации доспеха имеет, на мой взгляд, все же второстепенное значение.

¹³² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 14.

11.5—2 раза (без увеличения веса) расширили железное поле, прикрывающее человека. Вес обычного панциря 5—7 кг — был примерно равен весу раннесредневековой кольчуги, а в XVI—XVII вв. этот баланс **сложился** с перевесом в пользу последней (утяжелившейся до 12—17 кг).¹³³ Все эти обстоятельства сделали кольчугу (как стала называться прежняя броня в XVI в.) непопулярной ¹³⁴ и на первое место выдвинули кольчатый панцирь.

В середине XVI в. панцири как удобные средства кавалерийской борьбы начинают преобладать, особенно в районах интенсивного соприкосновения с татарами, и вытесняют

все другие наборные системы. Об этом свидетельствует следующее распределение защитного снаряжения, установленное по самым ранним из сохранившихся «смотренных списков». Помещики, явившиеся в 1556 г. на Серпуховский смотр, имели 45 панцирей, 16 бехтерцов, 1 кольчугу, 4 кюяка, 2 юшмана, 1 зеркало. 21 год спустя да аналогичный сбор прибыли коломничи, из которых 156 человек были в панцирях, 3 — в тегилях, 2 — в кольчугах, 1 — в бехтерце, 1 - в юшмане, 1 - в зеркале.¹³⁵ Приведенные данные свидетельствуют, что всадники приокской оборонительной черты предпочитали панцирный доспех всем остальным.

Опираясь на свидетельства упомянутых смотров, можно установить, что не менее двух третей конного войска располагало металлическим предохранительным вооружением. Это предполагает высокое развитие «доспешного» производства. Действительно, в 90-е годы XV в. московские панцири пользовались широким спросом у восточных купцов.¹³⁶ Из Крыма и Ногайской орды неоднократно просили прислать панцири и «мелкие

¹³³ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех, с. 67.

¹³⁴ Как принадлежность бояр и князей длиннополые кольчуги находились (но не преобладали) в составе частновладельческих феодальных арсеналов. В Оружейной палате сохранилось 27 кольчуг и 68 панцирей. Бояре Шереметьевы **fes** своем арсенале имели 8 кольчуг и 40 панцирей (Ленц Э. Опись собрания оружия..., с. 6 сл.), Голицыны - 4 кольчуги и 56 панцирей (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. IV. СПб., 1893, с. 124).

¹³⁵ Богоявленский С. К. Вооружение..., с. 259; Денисова М. М. Поместная конница..., с. 337.

¹³⁶ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока; в XVI веке. — Тр. ГИМ, М., 1956, вып. 31, с. 53—54.

доспехи», которых «стрела бы не няла».¹³⁷ Такие упорные просьбы о присылке русского доспеха со стороны татарских ханов, «имевших в своей распоряжении множество привозных доспехов из Константинополя, Дамаска, Багдада и Милана, являлись лучшим аттестатом работы русских бронников».¹³⁸ Военное производство, высоко развитое в Московской Руси, было, конечно, подготовлено в предшествующее время, когда оружейники ковали преимущественно не кольчатые, а пластинчатые и чешуйчатые защитные наборы. Оживление кольчатой защиты в конце XV—XVI в., так же как и в X—XII вв., оттеняет промежуточное время, когда развитие русского доспеха, следовавшего по общеевропейскому пути, под напором татарской опасности принимало все более особый, более близкий к Востоку, чем к Западу, облик.

В XVI в. иногда использовались неметаллические доспехи: плотно выстеганные на очесах льна и конопли кафтаны-тегиля и «бумажные шапки». Иностранцы любили изображать московских всадников в таком необычном для них одеянии. О применении мягких доспехов в более раннее время известно по одному примечательному, приуроченному к 1401 г. сообщению! Имеется в виду запись Мариенбургской счетной книги о том, что для нужд Ордена были приобретены русские кожаные наплечники (*ruscheoj Armledir*).¹³⁹ По-видимому, речь идет о гибкой принадлежности доспеха, не сковывавшей движение руки. В русской терминологии прикрытие плеч обозначалось словами «нарамки», «наплечки». Теперь ясно, что около 1400 г. эта принадлежность имела самостоятельное значение и экспортировалась на Запад. Коснемся еще одного неметаллического атрибута, который был присущ развитому феодальному войску, - точнее, его командирской прослойке. Это полусферические с меховой опушкой шапки - обязательная принадлежность князя и воеводы, признак ранга и власти. Художники средневековья, чтобы выделить вождей и полководцев, показывали их именно в таких, казалось, «гражданских» уборах даже в сценах боя.¹⁴⁰ В реальном существовании привилегированных шапок, особенно в придворном быту, сомневаться не приходится. В подтверждение сошлемся хотя бы на сообщение одного очевидца (1565 г.) о том, что он видел у приближенных московского царя высокие шапки из белого бархата, украшенные жемчугом и серебром и опушенные рысьим мехом.¹⁴¹ Такие

уборы использовались и в наградных целях. По сведениям XVII в., на шапках (или рукавах) прикреплялись медали с изображением св. Георгия, которые вручались воинам за ратные отличия.¹⁴² Благодаря указанным сведениям мы можем опознать и специальные военные головные уборы, носившие наименование «кивер».

Считали, что в русской армии кивер был введен в 1802 г. Он определялся как «военный головной убор из твердой кожи с развалистою или прямою

¹³⁷ Позже с аналогичной просьбой к Ивану IV обращались и немцы (Русский летописец под 7065 г. - ЧОИДР, 1895, кн. 3, с. 63).

¹³⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 599.

¹³⁹ Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399—1409. Königsberg, 1896, **№** 111. — Указанием источника я обязан проф. А. Надольскому.

¹⁴⁰ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, с. 28—29 сл., рис. 5.

¹⁴¹ Любеч-Романович В. Сказания иностранцев о России в XV—XVII вв., СПб., 1843, с. 28.

¹⁴² Лебедев Н. К. XVI столетие о ратном деле. М., 1911, с. 48, 85.

тульею и плоским верхом».¹⁴³ Однако наголовье такого рода в качестве принадлежности походного княжеского костюма упомянуто под 1**Ш**2 г. Никоновской летописью, а в духовных грамотах второй половины XV в. отмечены мастера-киверники.¹⁴⁴ Составить представление о киверах можно по **воспроизведениям** XVI в. Со всей точностью они изображены на картине «Битва под Оршей» (табл. XXII, XXIII). Речь идет о белых шапках с меховой опушкой, которые были надеты на всех «офицерах» **Ю**местной конницы — детях боярских. Такие же уборы носили и полковые воеводы; их ранг подчеркивала особая деталь — прикрепленная к фетровой тулье голубая лента с золотой запоной, очевидно образком (рис. 15). При изображении командирских киверов художник, в данном случае следуя изобразительной манере своего времени, желал так показать руководителей тактических единиц. В реальном же бою кивера, поскольку они изготовлялись из мягких материалов — сукна, кожи, фетра, войлока, — заменялись более безопасными: металлическими шлемами (или надевались на эти последние). Таким образом, в русском войске не позже XV в., кроме боевого, существовало неметаллическое военное наголовье — знак отличия командира и воеводы. Кивер, употреблявшийся, вероятно, **в** походе, бою, на смотрах и дворцовых церемониях, несомненно восходит **до** своей традиции к княжеской шапке первых русских феодалов.

ЩИТЫ

В зрелом средневековье роль щита как оборонного средства возрастает. Необходимое владение этой защитой являлось залогом успешного боя. «Подал ему щит, — пишется, например, об одном из единоборцев в сочинении XV в., — отведе ему копие и ударив его мечом в главу и **разсече** его до седла».¹⁴⁵

О формах этого предохранения можно судить по изобразительным источникам, и прежде всего по таким достоверным, как миниатюры и печати. Сопоставив распределение очертаний щитов на главнейших иллюстрациях раннего русского средневековья,¹⁴⁶ можно уловить основные тенденции развития этого снаряжения (см. таблицу).

¹⁴³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1914, с. 265.

¹⁴⁴ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. I. СПб., 1895, с. 3.

¹⁴⁵ Арх. Леонид. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века. — В кн.: Памятники древней письменности и искусства. Вып. 62. СПб., 1896, с. 34.

¹⁴⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 34 ел. — Точность определения форм щитов по миниатюрам, например «Сказания о святых Борисе **Я** Глебе», условна, так как эти прикрытия показаны часто фрагментарно.

Обратимся к типологии боевых прикрытий. Самым древним является круглый щит. Почти забытый в XII в., он вновь распространяется в конце XIV—XV вв. Миниатюры и другие источники это подтверждают. Характерно, что чем ближе к упомянутым столетиям время создания или копирования рисунков, тем больше в них круглых щитов. Так, в Липевс псалтыри 1397 г.¹⁴⁷ и Радзивилловской летописи они явно преобладают. Речь идет о небольших легких устройствах, часто достигающих четверти человеческого роста и, следовательно, удобных для всякого рода защитных манипуляций. На рисунках Радзивилловской летописи видно, что щиты выставляют против копий, закрывают ими лицо, плечи и грудь, отставляют их во время удара по противнику и даже потрясают ими в воздухе. Во всех случаях, когда такие щиты показаны в профиль, они овальные или чаще воронковидны. Эта особенность, замеченная у изделий XI—XII вв., в XIV в. вполне очевидна¹⁴⁸ и свидетельствует о создании плоскости, предназначенной для парирования сильного удара. Круглые щиты сохраняются в кавалерии в первой половине XVI в., когда их сравнивают с турецкими.¹⁴⁹ Устройство таких щитов, теперь уже плоских с небольшим выступом в середине и круговым кантом, представлено на картине «Битва под Оршей» (табл. XXII).¹⁵⁰ Судя по тому, что они показаны здесь лишь у нескольких всадников и весьма маленькие, речь идет об изживающей себя защите. Действительно, во второй половине XVI—XVII в. круглые, часто настоящие восточные, щиты будут сберегаться богатыми феодалами лишь как парадно-церемониальный предмет.

В XII в. господствовал не круглый, а миндалевидный щит, удобно закрывающий всадника от подбородка до колена. Около 1200 г. верх этого прикрытия становится все более спрямленным,¹⁵¹ что связано с использованием шлема с наличником, полностью обезопасившего лицо воина.

¹⁴⁷ Лицевая псалтырь 1397 г.; ГПБ, Рукописи, отд., ОЛДП, Ф.6.

¹⁴⁸ Ср.: щиты на Ковалевской росписи 1380 г. и инициал из Псалтыри XIV в. (см.: История русского искусства. Т. II. М., 1954, рис. на с. 201 и 296).

¹⁴⁹ Свидетельство толмача Димитрия Герасимова, записанное в 1522 г. (см.: Герберштейн С. Записки..., с. 275).

¹⁵⁰ Vochenski Z. *Bechter z roku* 1580..., fig. 1.

¹⁵¹ Ср.: Янин В. Л. Актовые печати..., т. II, № 372, 404, 681.

Дальнейшая эволюция привела во второй четверти XIII в. к появлению треугольного щита, судя по сфрагистическим и другим данным, удерживавшегося до 60-70-х годов XV в.¹⁵² (рис. 16, 2-8; табл. XVIII, 2,3. Значит во всех случаях, когда миниатюры показывали треугольный щит в профиль, он имел грань перегиба, т. е. был двускатным.¹⁵³ Устройство и обычный размер этих прикрытий (от трети до половины человеческого роста) позволяли закрывать уязвимое место сразу с двух сторон. В отличие от круглых, эти щиты показаны обычно прижатыми к туловищу, т. е. в бою ими не манипулировали. К числу прикрытий, одновременно защищающих человека с двух или более сторон, относились, как это видно на радзивилловских и силвестровских рисунках, сердцевидные (в ряде случаев снабженные долевой гранью) и корытообразно изогнутые, трапециевидные (точнее, — видимо, прямоугольные) щиты. Последние схематично изображены также на тверских, новгородских и псковских монетах XV в. Возможность их более раннего бытования подтверждают центральноевропейские реалии, датированные XIV в.¹⁵⁴

Традиционные круглые и миндалевидные и новые треугольные, сердцевидные и прямоугольные щиты в XIII—XIV вв., очевидно, сосуществовали, так как форма их много раз не только копировалась, но и заново воспроизводилась художниками конца XIII—XV в. В этой отнюдь не фантастической галерее мы встречаем на первый взгляд и чужеродные для Руси формы. Я имею в виду сложнофигурные рыцарские тарчи с правосторонней прорезью для копья, не менее 15 раз проиллюстрированные в Радзивилловской летописи¹⁵⁵ (рис. 17,

18). Все эти щиты изображены прижатыми к левому боку всадника — предводителя или князя с мечом в руках, восседающего на крупном коне. Монументальная поза и командирский облик сродни изображениям тяжелоколенных рыцарей, показанных прижимающими свое прикрытие к груди во время копьевых таранов. 8 радзивилловских тарчей снабжены двумя-тремя вырезными лопастями, три — долевым гранью, один — крестообразным знаком. Выполненные уверенной рукой, эти рисунки передают тарчи в их сложившейся, развитой фазе.¹⁵⁶ наступившей в первой половине XV в., что, между прочим,

¹⁵² Там же, № 371, 382, 383, 415—419 и 592; Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 112.

¹⁵³ Айналов Д. В. Миниатюры Сказания о святых Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. СПб., 1911. — Треугольные двускатные щиты на этих рисунках преобладают над миндалевидными.

¹⁵⁴ Орешников А. Русские монеты до 1547 г., № 53, 68—71; см. также: Эрмитаж, Отд. нумизматики, № 6794—6795, 6930 и ел.; Denkstein V. 'Pavezy ceskeho typu. II. — In: Sbornik Narodniho niuzea v Praze. Vol. XVIII, № 3—4. Praha, 1964, рис. 22, 23 (ср. 12, 13.)

¹⁵⁵ Радзивилловская летопись, л. 208 об. и ел. — Понятие «тарч» (targa) возникло в Южной Европе в последней трети XIII в. У нас этот термин зарегистрирован в источниках конца XVI в. (Висковатов А. В. Историческое описание..., с. 71, 82 (прил.)). Первоначальный итальянский тарч был круглым.

¹⁵⁶ Ср.: Wagner E., Drobna Z., Durdik J. Kroje, zbro'a a zbrane doby predhusitske a husitske. Praha, 1956, IV, tab. 3, 3—8.

небесполезно для выяснения верхней даты самих радзивилловских иллюстраций. Использовались ли сложнофигурные тарчи в русской боевой практике или они навеяны рисовальщику модными западноевропейскими изображениями, судить в полной мере пока трудно. В пользу реального содержания отмеченных воспроизведений следует привести известие 1522 г. толмача Дмитрия Герасимова о том, что московские всадники наряду с круглыми щитами защищались маленькими изогнутыми и угловатыми, наподобие греческих.¹⁵⁷ Радзивилловские тарчи, затейливо изогнутые, с остроугольными выступами, как нельзя лучше иллюстрируют приведенные слова.

Реализм лицевых изображений проверяется также при рассмотрении еще одной новой для зрелого русского средневековья конструкции. 14 раз в Радзивилловской летописи изображены довольно крупные (достигают половины человеческого роста) щиты скругленно-прямоугольных очертаний, с четким долевым желобом.¹⁵⁸ Подобная форма поддается точной датировке. Впервые такой щит с желобом представлен на новгородской печати князя Ивана Ивановича, относящейся к 1354-1359 гг. (рис. 12, 1. Детальные воспроизведения этой формы следуют на новгородских печатях вплоть до последней четверти XV в.¹⁵⁹ (рис. 16, 4—8). Желоб членил поле щита на три части и служил вместилищем руки и тем облегчал рассчитанные защитные движения в бою. На радзивилловских рисунках описанной защитой конные и пешие действуют с небывалой смелостью — ею закрывают лицо, ее подставляют под удар мечом, отводят от себя во время нацеливания копьем. Как знак власти показывает щит с желобом занявший в 1172 г. киевский престол князь Роман Ростиславич (табл. XIX).

В Центральной и Западной Европе щиты с желобом назывались павезами (от ит. «pavese», что, возможно, связано с г. Павиа). Пехотная, павеза достигала 130 см в высоту и была популярна у пехотинцев с арбалетами и ручницами. Им требовалась некоторая пауза, чтобы под надежным прикрытием перезарядить свое оружие. Так называемыми ручными павезами охотно пользовались и всадники. Общеευропейскую известность этот род щита получил во время гуситских войн, когда от чехов он был перенят голландцами и венграми. Итальянское наименование щита совершенно не совпадает с тем районом, где названный щит обогатился серединным желобом. А произошло это в Центральной, а скорее — Восточной Европе. Интересующие нас факты были сопоставлены недавно, и прежде всего выяснилось, что всаднические павезы в сложившейся форме почти одновременно фиксируются у поляков (1341 г. — здесь и далее год первого свидетельства), новгородцев (1354 г.), литов

¹⁵⁷ Герберштейн С. Записки..., с. 275.

¹⁵⁸ Радзивилловская летопись, л. 211 об., 195 (низ), 212 (верх) и ел.

¹⁵⁹ Янин В. Л. Актовые печати..., т. II, рис. 414, 599, 608, 699, 709—713, 721,

Ввв (1379 г.) и орденских немцев (1353 г.).¹⁶⁰ Речь несомненно идет о популярной воинской принадлежности, удержавшейся в странах Южной 1)1 Восточной Прибалтики вплоть до начала XVI в. Профессор А. Надольжий, справедливо указав на появление желобчатых щитов (типа, например, представленного на печати Конрада Мазовецкого, 1228 г.), предшествовавших классической павезе, предположил, что тевтонские и мазовецкие рыцари заимствовали эти последние на Руси или непосредственно, ли через балтийские народы.¹⁶¹ Эта догадка неожиданно быстро подтвердилась. Во время раскопок 1972 г. во Пскове в слое XII в. были найдены **костяные** обкладки кошелька (рис. 19). На одной из них изображен **кентавр** с миндалевидным щитом, разделенным долевой полосой.¹⁶² Перед нами древнейшее в Европе изображение прикрытия, снабженного **прощита** типа павезы. По вопросу о месте изобретения такого рода защиты следует также заметить, что в Восточной Европе существовала для этого благоприятная обстановка. Ведь послушной руке желобчатой павезой можно было не только отразить удар, нанесенный боевым оружием, но и быстро перехватить летящую сулицу, а может быть, и стрелу. К тому же двускатные, треугольные и корытообразные щиты (конструируемые, правда, только по рисункам) являются прямыми типологическими предшественниками русско-мазовецко-литовских павез.¹⁶³ Раннее использование павез, а в дальнейшем, возможно, и тарчей (а также упомянутый ранее экспорт наплечников) обозначает, что по своему вооружению Северная Русь не только не отставала, но и могла опережать своих западных соседей.

Преимущества тяжелых пехотных павез, пригодных для быстрого сооружения таборных барьеров и защиты целых подразделений, нашли применение в осадном и засечном деле. Так, во время штурма Казани в 1552 г. «пусти ко граду впереди великий полк пеших **оружншотв** за великими щиты деревянными».¹⁶⁴ Какое значение «щитному» делу придавалось в Московском государстве, видно из того, что в 1538 или 1539 г. И. Пересветов при поддержке правительства организовал государственную мастерскую по производству особых гусарских щитов, образец которых он вывез из Литвы. Эти щиты не мешали конному, а в поле их «стрела из ближняя цели неймет, а пищаль из дальняя цели неймет ручная».¹⁶⁵ По-видимому, именно эти приспособления были использованы как при обороне южной границы, так и при взятии Казани. Неожиданное подтверждение тому, что защищавшие от татар щиты XVI в. были

¹⁶⁰ Denkstein V. Pavezy..., p. 190—191, fig. 33—39; Nowakowski A. '., Przyczynki do poznania tak zwanoi zbroi mazowieckiej. — In: Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. XXI, 2. Warszawa, 1973, p. 289 sq. — Последний автор склоняется к мысли о литовско-балтийском, а не немецком происхождении павезы. Он также **облагает**, что такие принадлежности мазовецкого снаряжения, как пластинчатый панцирь и шлем, были заимствованы из Восточной Европы.

¹⁶¹ Nadołski A. Niektóre elementy bal'to-stowianskie w uzbrojeniu i sztuce-wojennej krzyzakow. — Pomorania Antiqua, ii974, t. 5, p. 165 sq.

¹⁶² Лабутина И. К. Охранные раскопки в Пскове. — АО 1972 г., 1973, с. 20, (рис.).

¹⁶³ Характерно, что в чешских источниках XV в., как выяснил В. Денкштейн, павезы назывались «литовскими».

¹⁶⁴ Казанская история, М.—Л., 1954, с. 151.

¹⁶⁵ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 326.

близки пехотной павезе, находим в дневнике немецкого путешественника Вундерера. Последний, находясь в 1590 г. в псковском кремле, видел среди древнего боевого снаряжения и оружия, употреблявшегося еще против татар, трехчастные тарчи («Tarch zu drei Seiten abgetheilte»)¹⁶⁶ Псковские щиты названы иностранным наблюдателем древними, потому что

в боевой практике того времени они уже не употреблялись. Около середины XVI в. воин в полном кольчато-пластинчатом доспехе с наручами и поножами не нуждался в дополнительном прикрытии.¹⁶⁷ Так окончилась полная насыщенных перемен история русского боевого щита.

ШПОРЫ

Один из наиболее осведомленных наблюдателей Московии начала XVI в. С. Герберштейн представляет своему читателю русского всадника на выносливом неподкованном коне, с легкой уздой и высоким седлом, настолько быстрого, что его не могут догнать ни пехота, ни отряды с пушками. К шпорам, пишет далее упомянутый автор, прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плеткой.¹⁶⁸ Во времена Ивана III и его сына Василия Ивановича русская конница действительно ездил по-восточному и поэтому в глазах заезжего европейца выглядела почти по-азиатски. Однако до образования единого Московского государства войска земель, особенно близких к ливонской границе, традиционно использовали вооружение и снаряжение во многом общеевропейского облика. Эту мысль подтверждают находки шпор, которые в русских землях (как и в остальной Европе) были обязательным атрибутом конных сшибок не только в XII—XIII вв., но и в XIV—XV вв. Около 40 подобных изделий второй половины XIII—XV в. обнаружено случайно и при археологических исследованиях Корелы, Ямгорода, Орешка, Ладоги, Новгорода, Пскова, Тушкова, Турова, Друпка, Серенска, Любеча, Львова. К ним прибавляются экземпляры, найденные на территории Ижорского плато и Суздальского Ополя (табл. XX, XXI).¹⁶⁹ Изделия с надежной датой из Новгорода (их там сразу 12), Корелы, Орешка, Ямгорода, Пскова, Тушкова и Турова показывают, что их употребляли вплоть до начала XVI в. Карта находок, как видим, охватывает не только северо-западные, но и южные и западные районы, с XIV в. хотя и отторгнутые от власти русских, но сохранявшие местные культурно-технические традиции. Таким образом, несмотря на татарское военное давление (а татары шпор не знали), распространение шпор (а равно и боя на копьях) сохраняло общерусский и даже, очевидно, общепалтийский характер.

¹⁶⁶ Wunderer J. D. Reisen nach Dennemark, RuBland und Schweden 1588 und 1590. — In: Frankfurtisches Archiv für altere deutsche Litteratur und Geschichte. II, Frankfurt am Mein, 1812, S. 202.

¹⁶⁷ Денисова М. М. Поместная конница..., с. 33.

¹⁶⁸ Герберштейн С. Записки..., с. 75.

¹⁶⁹ Перечислим находки 1250—1525 гг. Изделия до 1250 г. или близкие к ним по дате помещены в каталоге шпор X—XIII вв. (см.: Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XII вв. Л., 1973, № 19, 25 и сл.):

1—2) Приозерск, детинец древней Корелы, раскопки автора в 1972—1973 гг., из слоя 1310—1360 гг. (Приозерский музей); 3) Кингисепп, кремль древнего Ямгорода, раскопки автора в 1971 г., около 1500 г. (Кингисеппский музей); 4) Орешек, раскопки В. И. Кильдюшевского в 1973 г., XIV в. (Музей истории Ленинграда); 5) Старая Ладога, раскопки Г. Ф. Корзухиной в 1958 г., XV в. (Эрмитаж, ОИПК, ЛК, 32); 6) бывш.; С.-Петербургская губ., раскопки Л. К. Ивановского, XV—? (ГИМ, хр. 4132а); 7—18) Новгород, раскопки А. В. Арциховского до 1957 г., XIV—XV вв. (см.: Медведев А. Ф. Оружие..., с. 190—191, рис. 21, 5; 23, 11, 12, а также устные сведения А. Ф. Медведева); 19) Псков, раскопки В. Д. Белецкого до 1965 г., XIV в. (Эрмитаж); 20) Тушково Московской обл., раскопки М. Г. Рабиновича до 1954 г., XIV—начало XVI в. (см.: Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков.—СА, 1959, т. XXIX—XXX, рис. 19, 3); 21) Туров, раскопки М. Д. Полубояриновой в 1961 г. (см.: Полубояринова М. Д. Раскопки древнего Турова. — КС, 1963, вып. 96, рис. 11, 3); 22—23) Друцк, раскопки Л. В. Алексеева в 1956—1965 гг., XIV—начало XV в.? (см.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 159); 24) Серенск бывш. Калужской губ., раскопки Н. И. Булычева в 1880—1890 гг., XIII—XIV вв. (см.: Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XXV, 7); 25) Любеч Черниговской обл., раскопки Б. А. Рыбакова в 1957—1958 гг., XIII—XIV вв. (сведения Б. А. Рыбакова); 26—29) Киев, сборы до 1917 г., XIII—XIV вв. (см.: Хойновский И. А. Археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1891, № 930); 30) Вышгород Киевской обл., XV—? (ГИМ, хр. 211 1а); 31—32) Львов, раскопки А. О. Ратича в 1955—1956 гг., XIII—XIV вв. (Матер, и дослдження з археологи Прикарпаття і Волиш. Вып. 3. КиГв, 1957, рис. 4, 28, 29 на с. 124); 33—34) Крылос Ивано-

Франковской обл., раскопки М. К. Каргера в 1955 г. и сборы, XV—XVI вв. (сведения М. К. Каргера и Львовского музея, Ш-912). Кроме того, три обломка шпор XIV—XV вв., найденные в Новгороде, скорее всего относятся к колесиковому типу. Отметим также, что в Копорье, Ладоге, Любече найдены шпоры со слабым изгибом относительно коротких дужек. Держатель звездочки всегда плавно или коленчато изогнут. В отличие от более ранних, лучи звездочки короткие и широкие. Эти образцы датируются концом XVI—XVII в. (ср.: Stubavs A. Salaspils Zviedru skanstes vesture).—In: Dabas un vestures kalendars 4974. Riga, 1973, p. 245 (fig.).

Шпоры с колесиком распространились на Руси раньше, чем где-либо в Европе, - в 1220—1230-х годах.¹⁷⁰ Развитие этого устройства, повысившего эффект и чуткость управления конем, и в дальнейшем происходило в Восточной Европе весьма интенсивно. После 1300 г. (если не раньше) новая конструкция вытеснила шиповые шпоры¹⁷¹ и в течение последующих двух столетий регулярно использовалась до тех пор, пока не была заменена плетью. Находкам конца XIII—XV в. присущи характерные признаки, отчленяющие их от более ранних форм. Им свойственны звездочка, а точнее — зубчатое колесико обычно с 12—20 лучами (в 1220—1250 гг. их число не превосходило 10), и относительно длинный **1** (4.5 см) и иногда слегка изогнутый держатель колесика. Дуги шпор **ШУ**—XV вв., если смотреть в профиль, полуциркульно прогнуты, но чаще с коленчатым перегибом в последней трети их длины. Новообразованием тех времен явились прямые в боковом видении скобы. В Вышгороде найдена шпора с прямыми дужками, без петель, вставлявшимися в металлический башмак (табл. XXI, 4), встречены также образцы с держателем звездочки, отогнутым не вниз, а вверх.¹⁷²

¹⁷⁰ Кирпичников А. Н. О времени появления шпоры со звездочкой на территории Древней Руси. — In: Kwartalnik historii kultury materialnej. XXI, № 2. **Warezawa**, 1973, p. 299 sq. — Предложенная датировка появления шпоры с колесиком принята ныне западными оружейниками (ср.: G amber O. Die Waffenhistorische Taguag in Lodz.—Waff en- und Kostumkunde, Munchen, 1973, H. 1, S. 80).

¹⁷¹ В Западной Европе шпоры с шипом были вытеснены колесиковыми после 1330 г. (Blair C. European armour. London, 1958, p. 187).

¹⁷² Медведев А. Ф. Оружие..., рис. 21, 5.

У некоторых - впрочем, немногих - экземпляров имеется надпяточный выступ, тормозивший скольжение шпоры вдоль задника. **Петль** шпор по сравнению с домонгольским временем почти не изменились,¹⁷³ при этом особой популярностью пользовались образцы с двойными круглыми или прямоугольными отверстиями, рассчитанными на раздельное пристегивание нижнего и верхнего околостопных ремней. Многие из находок, особенно XIV в., близки зарубежным европейским образцам, и можно, заключить, что вплоть до начала XV в. развитие устройств понуждения коня у нас следовало, с некоторыми отличиями в деталях, общеевропейской моде¹⁷⁴ и протекало довольно плавно.

Шпоры XV в., найденные на западе и востоке Европы, уже не спутаешь, настолько они отличаются по своему оформлению, изгибам, размерам. Однако и здесь неожиданно удастся проследить некоторую типологическую общность. Оказалось, что в период монгольского владычества русские не только не отказались от рассматриваемой общеевропейской конструкции, но и использовали такие развитые ее формы, которые до последней поры, казалось, не были свойственны жителям русских городов. Так, во второй половине XV в., в пору, когда пути оружейного мастерства на западе и востоке Европы заметно разошлись, в Новгороде, как показали находки, носили крупные рыцарского обличья шпоры с длинным (10 см) держателем звездчатого колесика (рис. 20; табл. XXI, 6). Подобные находки важны для реконструкции применявшегося тогда доспеха. А. В. Арциховский справедливо полагал, что «таким предметом можно было пришпорить коня сквозь густую кольчугу и даже, может быть, сквозь латы».¹⁷⁵ Добавим, что шпора с далеко отставленным колесиком предполагает полную пластинчатую защиту ноги, что, естественно, несколько

затрудняло ее сгиб и тем самым сокращало посыл понуждающего средства. Иными словами, шпора с длинным держателем звездочки сигнализирует о полном («с головы до ног») доспехе воина - представителя «кованой рати». О таком снаряжении можно судить по описанию Шелонской битвы 1471 г. Тогда новгородцы выступили в настолько тяжелых доспехах, что, по ехидному выражению летописца, не могли рук поднять на полки великого князя.¹⁷⁶ Их, видимо, незащищенные кони стали первым объектом прицельной лучной стрельбы москвичей, что вызвало расстройство рядов и предрешило исход операции. Возможно, громоздкость доспехов побежденных побудила москвичей к беспрецедентному уничтожению военных трофеев; как сообщает летописец, «не бяху им требе, но своими доспехы всеми доволны бяху».¹⁷⁷ Описанные подробности Шелонской битвы вполне допускают ношение новгородцами не только обильного предохранительного вооружения, но и необходимых в таком гарнитуре крупных шпор, которые, вероятно, не были приняты в низовских полках. Итак, конструкция шпор способствует выявлению разных стилей вооружения на северо-западе и в центре страны, что уже ранее иллюстрировалось на примере распространения мечей и сабель. Что же касается значения шпор как феодального символа, то оно было известно повсеместно. Так, в 1490 г. Иван III совсем в духе рыцарской обрядности пожаловал цесарскому послу Юрию Делатору «остроги серебряны золочены».¹⁷⁸

¹⁷³ Относятся к типам петель 2,5—7 (см.: Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня, рис. 38).

¹⁷⁴ Ср.: London museum catalogues, № 7. London, 1954, fig. 30, 34, 35.

¹⁷⁵ Арциховский А. В. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. - СА, 1958, № 2, с. 230, рис. 1, 1.—По разъяснению Б. А. Колчина, одна такого рода шпора попала в культурный слой Новгорода между 1422 и 1429 гг.

¹⁷⁶ Львовская летопись под 1471 г.

¹⁷⁷ Иоасафовская летопись под 1470 г.

¹⁷⁸ Карамзин Н. М. История государства **РОССИЙСКОГО**. Т. VI. СПб., 1842, с. 54, прим. 348.

УКРЕПЛЕНИЯ, ТАКТИКА ОСАДЫ И ОБОРОНЫ

(ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИИ РУССКОГО ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО ДЕЛА XI-XV ВВ.)

Создание Русского раннефеодального государства открыло эпоху укрепленных городов и феодальных замков. Исследованию средневековых укреплений посвящены работы П. А. Раппопорта и В. В. Косточкина. Мы коснемся этой темы в связи с тактикой обороны и осады городов - тактикой также изученной и периодизированной, что не исключает, однако, отдельных уточнений.¹

Первые русские укрепления захватывались не прямой атакой, а с помощью внезапного нападения — изгона или голодной блокады — облежания. Некоторое время сражения за города вообще имели второстепенное значение, так как господствовал полевой бой, в котором достигались наиболее серьезные военные результаты. Соответственно и развитие военной техники было направлено в первую очередь на обслуживание нужд полевого сражения. По нашим приблизительным подсчетам, из всех отмеченных источниками боев и сражений домонгольской Руси (взяты 1060—1237 гг., современные дошедшему до нас летописанию) только одна пятая часть их велась за города. Лишь вследствие своей слабости один из противников «запирался» в городе и был обречен на пассивную оборону. В войне за крепости феодалы обычно достигали временных, частных целей, ибо даже взятие укрепления не означало прекращения вооруженной и политической борьбы. Под 1159 г. летописью передается совет киевского тысяцкого Жирослава Андреевича великому князю Ростиславу Мстиславичу, содержащий образное сопоставление технических особенностей крепостной и

полевой войны: «Бежи изъ града (дружине было ясно, что Ростислав не удержит Киев,—А. К.), да свободенъ будеши; аще убо сидиши внутрь града, готов пленен еси ратными; аще ли вне града еси, на кони ездя с дружиною своею, уподобляешия лву страшну; дружина же твоя, аки медведи и волци ... и никто же можетъ тогда одолети тя».² Эти слова точно обрисовывают обстановку, когда «сидение» сковывало обороняющегося, обозначало потерю инициативы. Укрывшись за стенами укреплений, феодалы выговаривали почетный мир, надеялись на перемену обстоятельств, действовали дипломатическими приемами, искали новых союзников.

Общее преобладание полевого боя в раннесредневековой Руси не может, однако, заслонить как подлинную военно-защитную роль укреплений, так и новые явления в осадном искусстве, все настойчивее проступавшие в последней четверти XI в. Можно отметить две несходные тенденции, видимо типичные для своего времени. С одной стороны, не позднее XI в. свободно строятся укрепления круглой и полукруглой формы, не зависящей от защитных свойств рельефа местности,³ а вокруг сколько-нибудь

¹ В данном разделе автор выходит за пределы объявленной хронологии и касается событий XI—XII вв., что оказалось необходимым для уяснения всего последующего.

² Никоновская летопись под 1159 г.

³ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 24.

значительных поселений возникают порой неукрепленные посады, загородные дворы и монастыри, свидетельствующие об относительном приволье и безопасности жизни. С другой стороны, неуклонно повышается роль поселений как укрепленных и стратегических пунктов. В переменчивых обстоятельствах бесконечных феодальных интриг и войн вторая тенденция становится все более ощутимой. В связи с этим рассмотрим вопрос о каменном оборонном строительстве, которое при его нетипичности для домонгольской Руси объясняли парадными, «декоративными» и другими, невоенными целями и связывали с «экономичностью» каменных работ.⁴ Но разве случайными были действительно редкие до XIII в. каменные укрепления? В XII в. их возвели в Боголюбове, Владимире-на-Клязьме, Киево-Печерской лавре. В Переяславле-Южном и Ладоге, крупных окраинных городах, около 1089 и в 1114 г. также были заложены каменные стены.⁵

Обращает внимание связь обеих последних крепостей с домом Всеволодовичей, представленным такими выдающимися единовластцами, как Владимир Мономах и его сын Мстислав. Первая из упомянутых крепостей была заложена митрополитом Ефремом⁶ в вотчинной столице князя Всеволода Ярославича. Строительство каменного Переяславля происходило в обстановке нарастающей русско-половецкой войны. Всеволод Ярославич и его сыновья Ростислав и Владимир подолгу отсиживались от военных напастей в родовом гнезде. Строительство отнюдь не декоративного, а настоящего оборонительного комплекса (что, кстати, точно передано летописным словом «град»), защищавшего одновременно двор митрополита и князя, по всей вероятности спасло Переяславль от разгрома в тяжкие 90-е годы XI в., когда половцы, смяв города Посулья, Проникают к самым стенам удельной Мономаховой столицы.⁷ Вплоть до монгольского нашествия «крепкий» переяславский кремль оставался практически недосыгаемым для всех осаждающих и ни разу не был взят военным путем (рис. 21).

Строитель Переяславля вряд ли действовал вопреки княжеской воле. Более того, улавливается глубокая связь митрополичьего и княжеского начал в самом замысле строительства. Например, главный переяславский храм св. Михаила назван так, возможно, в честь младшего сына Всеволода Ростислава.⁸ Христианское имя Ростислава, рано погибшего в борьбе с половцами, не известно, но судя по тому, что в год его рождения, в 1070 г.,

Всеволод заложил церковь Михаила в своем Выдубецком монастыре в Киеве, а также — что в XII в. два Ростислава, представителя рода Всеволодовичей,⁹ носили вторым имя упомянутого святого, высказанные выше предположения небездоказательны. Выбор главного патронального святого Переяславской земли вовсе не был случаен. В пантеоне высших сил XI в. именно архангел Михаил возглавлял «поборники на противные силы воюющим»,¹⁰ что в переяславском прецеденте явно служило идейно-боевой направленности против «поганых» - половцев. Далее. Построенная у ворот детинца церковь была посвящена Андрею, но это имя принадлежало в качестве крестильного тогдашнему владельцу города князю Всеволоду Ярославичу. Ефрем также «заложил церковь на воротех **гбродных** во имя святого мученика Феодора ... и град бе зало

⁴ Там же, с. 222.

⁵ Новые открытия меняют привычные представления о «деревянной Руси». В 1974 г; каменные крепостные стены X и рубежа XI и XII вв. обнаружены соответственно в Старой Ладого и на Изборском Труворовом городище.

⁶ Лаврентьевская летопись под 1089 г.

⁷ О масштабах половецкого нашествия на Русь в конце XI в. см.: Раппопорт И. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.—МИА, 1967, № 140, с. 167 ел. , ..

⁸ Poppe A. Państwo i koscioł na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, p. 165—166. •

⁹ Имеем в виду князей Ростислава Мстиславича и Ростислава Рюриковича.

¹⁰ Ипатьевская летопись под 1111 г.

жил камен от церкви святого мученика Феодора».¹¹ Федор - второе имя старшего сына Владимира Мономаха, Мстислава. В 1089 г. ему исполнилось 13 лет, а годом раньше он по воле деда стал новгородским князем. Возможно, что небесному патрону юного князя и посвящена надвратная церковь.¹² Таким образом, судя по расшифровке храмовых наименований, весь переяславский церковный и оборонительный мемориал создавался в прославление и защиту очевидных политических и военных княжеско-династических интересов. Строительство в Переяславле свидетельствует о единстве действий духовных и светских владык города и сплоченности перед лицом внешней опасности. Не удивительно поэтому, что в дальнейшем опыт переяславского «градоделия» в той или иной мере способствовал одному ладожскому начинанию теперь уже взрослого Мстислава, «вскормленного» новгородского князя.

К сожалению, крепость Ефрема, за исключением найденных М. К. Кар-гером остатков воротной башни, не обнаружена. Вероятнее всего, она занимала весь детинец Переяславля, впервые укрепленный в 992 г

¹¹ Лаврентьевская летопись под 1089 г.

¹² Алешковский М. Х. Начальные этапы каменного строительства Псковского крома.—В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 346.

Владимиром Святославичем.¹³ Логичнее всего исчезнувшую стену следует искать на валах детинца, ныне везде сильно пониженных, а местами и вовсе уничтоженных. Обоснованность такого предположения подтверждается находками 1972—1974 гг. в Старой Ладого.¹⁴

На мысу, образованном рр. Волховом и Ладожкой, удалось открыть части древнейшей достоверной каменной крепости, заложенной по инициативе князя Мстислава в 1114 г. (рис. 22, 23). Стены укрепления, как показали раскопки 1972—1974 гг., плавно огибали крепостной мыс, следуя его контуру. В напольной части они были заложены на «приспе» — земляном валу, представляя в сущности его брустверное увенчание. Ладожская крепость начала XII в. местами и сейчас сохранила почти прежнюю высоту, что открывает новые пути для суждений об устройстве и высоте обороны десятков не сохранившихся в своей наземной,

деревянной части укреплений первых веков русской истории (рис. 24). Высота ладожских стен 3,6—8 м, высота обороны¹⁵ 12—14 м, ширина около 3 м, толщина бруствера 1 м. Размер защитных сооружений свидетельствует о широких возможностях активной стрелковой обороны в случае прямого нападения на город. Удастся уловить, что при этом важна была не вообще высота стен, а высота расположения бруствера по отношению к окружающей территории. В зависимости от рельефа местности стены одного сооружения были разновеликими, что по-иному, чем до сих пор, характеризует внешний вид раннесредневековых укреплений.

Чем объяснить создание Ладоги, в инженерном отношении (за исключением Переяславля) почти не имеющей восточноевропейских аналогий? Стремилась ли градоделцы к эксперименту с противопожарным устройством, оценили ли они доступность выработки местного плитняка, или, как в случае с Переяславлем, перед нами превентивная попытка укрепить и усилить окраинные подступы Руси, оборонить в предвидении надвигающихся военных конфликтов клин выдвинувшихся на север земель? Как бы то ни было, ладожский замок не был случайной затеей. Необходимость его строительства возникла, очевидно, уже в XI в. Около 1020 г. Ладога с округой в качестве лена была дана жене Ярослава Ингигерд и ее наместникам-ярлам. «Это ярлство давалось для того, чтобы ярл этот защитил землю конунга от язычников».¹⁶ Под язычниками понимались поднимающиеся к самостоятельности финские племена вроде воинственной еми. Походы на чудь в 30—40-х годах XI в. предпринимал еще Ярослав. Ему в 1030 г. удалось создать такой форпост в земле эстов, как г. Юрьев. Столкновения то с одним, то с другим из финских племен растянулись на столетия и, видимо, с самого начала сильно беспокоили

¹³ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. — МИА, 1956, № 52, с. 87.

¹⁴ Ныне вряд ли убедительным является предположение о том, что «Ефрем окружил крепостными каменными стенами и воротными башнями только свой митрополичий двор, находившийся внутри земляных валов детинца и составлявший, возможно, его значительную часть» (Каргер М. К. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. — СА, 1951, т. XV, с. 48). Во-первых, никаких каменных крепостных стен на территории переяславского детинца, несмотря на самые тщательные поиски, обнаружить не удалось. Во-вторых, работы М. К. Каргера привели к открытию каменных ворот, над которыми некогда возвышался надвратный, упомянутый выше храм Федора, находившийся на одной линии с валами конца X в. и, следовательно, стенами XI в. После раскопок в Ладоге удалось установить, что при каменном строительстве и наличии валов новая стена ставилась на гребень последних. Кроме Ладоги, такой была и стена Боголюбовского замка. Все это дает основание думать, что стена «Ефремовского города» располагалась не внутри валов детинца, а непосредственно на самих этих насыпях, что к тому же находится в буквальном соответствии с летописным текстом о заложении «града» от церкви Феодора.

¹⁵ Понимаю под этим расстояние от опорной плоскости бойниц до кромки берега р. Волхов или до дна рва с напольной стороны.

¹⁶ Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. — КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 60. ,

Рис. 22. План Ладожской крепости 1114 г. Реконструкция. Заштрихована кладка, обнаруженная (или трассированная по натурным остаткам) в 1972—1974 гг.

Рис. 23. Ладожская крепость. Профиль вала и стены 1114 г. с реконструкцией ее верха.

■ — слой, образовавшийся после разрушения стены в XVII в.; г — розовый песок с плитой (начало I в.); 3 — черная земля с плитой (конец X—начало XII в.); 4 — кварцевый песок; S — культурный слой X в.; в — кладка 1114 г.; 7 — кладка насухо (XIX в.).

не только Ярослава, но и его правнука Мстислава — сторонника и одного из создателей активной северной политики своего времени. Будучи деятелем широкого государственного масштаба, Мстислав, по отзыву летописца, «наследил отца своего пот (путь)». Действительно, как бы в осуществление общерусского военного плана и в дополнение к походам Владимира Мономаха на половцев, организованным им в 1103—1111 гг., Мстислав примерно в те же годы развернул военные операции на севере. Всего им было предпринято не менее пяти

античудских походов. Исходным пунктом для первого из них - в 1105 г. - послужила Ладога, незадолго до того испытавшая какую-то разрушительную катастрофу.¹⁷ В этих условиях новая крепость на берегах Волхова, возможно, рассматривалась как главный опорный узел и база для замирения северной чуди, особенно еми и приладожской веси.

В укреплении Ладоги сказались, очевидно, поиски долговременных способов обороны пограничных мест, которые ранее привели к переяславскому прецеденту и которые вновь и вновь становились очевидными после сожжения и гибели таких окраинных городов, как в 1061 г. Юрьев в Эстонской земле¹⁸ и в 1093 и 1095 гг. Торческа и Юрьев в Поросье. Чрезвычайность строительства Ладоги подчеркивалась тем, что одновременно сооруженный с ней тем же Мстиславом новгородский детинец был, как выяснилось, деревянным. Сооружение нового города на Волхове оказалось дальновидной военно-политической акцией. Подошедшие к Ладоге в 1164 г. шведы, несмотря на прямой приступ к каменной цитадели (посад ладожане предварительно сожгли), «не успеха ничтоже к граду, нь большю рану въсприяша».¹⁹ Боевая служба Мстиславовой крепости продолжалась до конца XV в., что с очевидностью свидетельствует о таких инженерных решениях, которые, будучи примененными в начале XII в., намного опередили свое время.

¹⁷ В основании крепости 1114 г. обнаружены остатки сгоревшей деревянной крепости предшествующего периода.

¹⁸ Труммал В. К. Древний Тарту. — ВИ, 1970, № 7, с. 215.

¹⁹ Новгородская 1-я летопись под 1164 г.

Исследование Ладоги не только открыло новые возможности для **изу-эборонного** градоделия XII в., но и позволило заметить неслучайный по нашему мнению, параллелизм в создании первых каменных городов раннефеодальной Руси. Речь идет об укреплении северных и границ Руси крепостями — центрами определенных тяготеющих территорий. И Переяславль, и Ладога строились не непосредственными князьями, а, очевидно, политически близкими им единомышленниками. Оба города заново укреплялись в период обострения внешней **вки**, т. е. оба могли подвергнуться нападению и одновременно **ить** базой для походных операций. Оба они, наконец, находились **ных** торговых путях и имели самостоятельное хозяйственное и значение. Во всем этом сказалось глубокое понимание стратеги**и-роли** крупных пограничных опорных пунктов, которое проявили **ie** дальновидные духовные и светские владыки Руси задолго до того, как каменные стены и башни стали общей необходимостью. Создание каменных Переяславля и Ладоги объясняется, таким образом, не **Й-то** местной технологической традицией, а общерусской военной **по-ввбностью**. Эти сооружения свидетельствовали о повышении роли нарывной защиты и знаменовали переход к преградам с выраженными **дгрштурмующими** свойствами. Формирование новой фортификации **зай-Йр**, однако, длительное время.

Вый факт появления первых каменных крепостей отражал **определенный** прогресс всего осадного искусства. Действительно, насколько судить по источникам, не позднее 70-х годов XI в. вместо преж-**5лежания**» и «изгона» (хотя эти способы и остались «на вооружении средневековой рати) был принят особый прием осады, обусловленный методами полевой борьбы. Отряды атакующих в боевом порядке **при-яжались** к стенам и воротам города — «ехаша по обычаю биться Городу».²⁰ Горожане, если оказывалось сопротивление, «из города **вы-даде** бьхутся крепко».²¹ В противоборстве с обеих сторон участвовали конные отряды, что подтверждается и самой терминологией, указывавшей на конный способ передвижения, — «начаша ся бити крепко, рездяче к городу, и они из города выздяче бьхутся крепче».²² Обычно только с городской стороны в этих схватках участвовали пехотинцы, - (ЙИринушася на не из города».²³ Таким образом, термины «бьхутся», **ЦЙВпася**», «бьющим», «бити» обозначали не стрельбу со стен, а происходившие у этих стен и следовавшие одна за другой,

так сказать лицом к лицу, тесные схватки. Только если силы осажденных были недостаточны, они (бывало, даже несмотря на рыцарский призыв выйти на бой) (А изыдоша», а, расположившись на «забороллах», развевали йЦ(й1ьбу — «стреляющим межи собою»,²⁴ «с города, аки дождь, камень жагаху на нь».²⁵ Однако полное развитие этот вид борьбы, при котором сбыхуся с ними через стену», «от заборол отсекая»,²⁶ получит лишь в зрелом средневековье.

В подавляющем большинстве случаев (а их более 30), когда летописи сколько-нибудь подробно описывают осады конца XI—начала XIII в., речь идет о многократном приближении к стенам городов и схватках дружинных отрядов. Систематические нападения длились от одного-трех дней до многих недель — «приступаху по все дни».²⁷ Налицо, следовательно, не пассивная блокада или выжидание событий, а активный бой,

Осада Переяславля-Южного (см.: Ипатьевская летопись под 1151 г.). Г^н Осада Вышгорода (см.: Ипатьевская летопись под 1169 г.); ^н Осада Белгорода (см.: Ипатьевская летопись под 1159 г.). Г^м Осада Переяславля-Южного (см.: Ипатьевская летопись под 1151 г.); ^м Осада Владимира-Вольнского (см.: Лаврентьевская летопись под 1097 г.). ^р Осада Лупка (см.: Лаврентьевская летопись под 1149 г.). Осада Воронена (см.: Псковские 1-я и 2-я летописи под 1426 г.).

²⁷ Осада Вышгорода (см.: Ипатьевская летопись под 1174 г.). .

проводившийся чаще всего без помощи осадной техники и рассчитанный на вывод из строя или изматывание живой силы одного из противников. В этих обстоятельствах был важен не столько непосредственный захват аорот и стен, сколько принуждение к отступлению, сдаче или миру. Очень редко летописцы указывают, что нападающие «стояли» около города.²⁸ Здесь, однако, имела место слишком краткая передача события, подразумевавшая все тот же обязательный в практике городской борьбы полевой бой.

Первое ясное свидетельство о наступательном городском бое относится к 1078 г.,²⁹ и уже в это время такого рода акции носили ожесточенный характер и сопровождалась массовыми увечьями и жертвами. Таковой, например, была осада в 1096 г. Стародуба, когда горожане «быхуся из города крепко, а си (т. е. штурмующие, —А. К. приступаху к граду, и язвени бываху мнози от обоих, и бысть межю ими бронь люта».³⁰ В дальнейшем приступные бои за города заполняют всю военную жизнь удельных княжеств и описываются почти в трафаретных выражениях.

В домонгольский период был сделан еще один шаг в сторону активизации крепостной войны. Не позже второй половины XII в. предпринимаются попытки организации открытого штурма укреплений. Источники упоминают об атаке и разрушении укреплений, отнятии ворот, прорыве внешней оборонительной линии, проломе стен, засыпке рвов, стрельбе из пороков.³¹ В связи с появлением самострелов и общим усилением дальнобойных средств многократные приступы городов начинают осложняться. Так, в 1208 г. русско-венгерское войско остановилось на ближних подступах к Звенигороду-Галицкому. «Звенигородцем же люте борющимся им с ними и не пушающим ко граду, ни ко острожным вратом».³² Военными средствами взять этот город все же не удалось. В XIII в. околородской бой окончательно преобразовывается в целях прорыва и захвата укреплений и подавления стрелковой обороны осажденных.

В домонгольской Руси преобладали не каменные, а дерево-земляные крепости, познание наземных частей которых затруднено их практически; полным исчезновением. Однако археологическое изучение земляных конструкций позволило расшифровать их утраченные наземные части и выявить далеко идущие изменения. Здесь, в частности, обращают внимание городища с двух-четырёхрядной системой валов и рвов, обнаруженные в основном в Южной и отчасти Центральной Руси и относящиеся ко второй половине XII—XIV в. (рис. 25). Смысл этой системы, обычно с тремя полосами заграждений, две из которых

были удалены от главного вала в среднем на 60—80 м, раскрыт П. А. Раппопортом.³³ При таком устройстве укреплений защитники могли выдвинуться вперед на дистанцию прицельной стрельбы из луков, самострелов и камнеметов, что примерно в два раза расширяло зону боя вокруг городов. Соответственно, поэтому исходная стрелковая позиция осаждающих оказалась отодвинутой от главной стены, и они вынуждены были начинать нападение с преодоления переднего заграждения, за которым располагалось еще не менее ???

²⁸ Ср. упоминания об осадах Минска и Белгорода (см.: Ипатьевская летопись под 1160 и 1161 гг.).

²⁹ Осада Чернигова (см.: Лаврентьевская летопись под 1078 г.).

³⁰ Лаврентьевская летопись под 1096 г.

³¹ Ипатьевская летопись под 1078 г.; Новгородская 1-я летопись под 1164 г.; Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.—Л., 1963, с. 161; т. III. М.—Л., 1964, с. 42.

³² Ипатьевская летопись под 1208 г.

³³ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества..., с. 164. — В этой и в другой книге того же автора (см.: Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель...) приводится 14 примеров городищ XI—XIV вв. с двумя-тремя валами и рвами. Для севера Руси они не характерны. В зачаточном виде многорядная система укреплений встречена уже на некоторых памятниках X—XI вв.

Обрисованное расширение оборонительной системы укреплений свидетельствовало об усилении приступов и о связанном с этим внедрением после 1150 г. дальнобойных метательных средств, и в том числе **камнеметов**. Привлечение неиспользованных письменных источников дает возможность обрисовать «механизм» обороны крепостей с многорядными заграждениями и установить наименования частей последних. Блестящий по подробностям штурм многорядного укрепления описывают летописи язи с походом в 1220 г. князя Святослава Всеволодовича на болгарки город Ошель.³⁴ Факт этого штурма примечателен в том отношении, то показывает, как приступный бой преобразовался от стычек возле стен к прорыву обороны.

Во время русского нападения на Ошель болгары не приняли «преджадного» боя, «забегше за плот». Из дальнейшего описания явствует что оборонительные сооружения города включали «крепок тын дубов за тем два оплота» и, наконец, главную стену с воротами. Тын располагался на валу, «по тому рыщуще из затыния бяхуся». Слово «рыскати» означает «скакать», «носиться», что было известно и В Н Татищеву который интересующее нас место воспроизвел следующим образом: «**болгары езда** по валу на конях, через тын стреляли». Перед нами необычный ранее прием подвижной стрельбы из-за укрытия что предполагает наличие площадки за тыном, достаточно широкой для быстрых конных передвижений, «**ртли**

В ходе штурма наступающий должен был преодолеть не только тын но три следующие преграды. Одними методами обычного полевого единоборства здесь было не обойтись. Действительно, по сведениям В Н Татищева,

³⁴ Использованы свидетельства нескольких летописей Лаврентьевской

во время штурма с русской стороны действовали «самострелы великие, мечущие великое камение и огонь». Кроме того, во главе штурмующих колонн шли пехотинцы «с огнем и с топоры», а сзади -стрельцы и копейщики. Ударные инженерные команды в двух-трех местах сумели прокопать вал и «подсекоша тын и разсекоша оплоты і зажгоша их». Так была прорвана линия укреплений, названных острогом. Затем у болгар «отяша ... врата и зажгоша град их».

Эшелонированная в глубину система укреплений Ошеля не была в тот момент диковинкой. С подобными укреплениями русские столкнулись в той же Волжской Болгарии в 1184 г. Тогда они еще не были подготовлены к прорыву таких укреплений. Это видно из того,

что один в князей — Изяслав Глебович — «овозма копье, потъче к плоту, где бяг пеши вышли из города, твердь учинивше плотом; он же, въгнав за **плю**; к воротам городным, изломи копье, и ту удариша его стрелою сквоз» броне под сердце». ³⁶ Никоновская летопись поясняет, что **заграждения** в виде плотов, за которые проник неосмотрительный князь, «пеши бойцы, изыдоша из града, крепость утвердиша». ³⁷

Осадные операции в Волжской Болгарии знакомят нас с трех-четырёхрядными укреплениями, существовавшими не только в Поволжье, а и в Центральной и Южной Руси. При этом описание осажённых болгарских городов с зеркальной точностью прилагается к русским укреплениям и помогает лучше понять их устройство (рис. 26). ³⁸ При трёхрядных заграждениях первый вал следует считать предназначенным для тына. Площадка тына, как показали обследования древних Галича, Изяславля, Деревича и других волынских и галицких городов, достигает в ширину обычно 20—32 м, что объясняется использованием ее в целях конного передвижения лучников. Вторая линия обороны — «оплот» — отделен от первой ровом шириной 6 - 14 м. Оплот, по записи В. Н. Татищева изготовлялся из досок (такой высоты, что можно было перескочить) ³⁹ **t** устраивался на площадке шириной 2—9 м, что сближает последний с внутростенной боевой платформой для городских стрелков. Между оплотом и главной стеной находился еще один ров, шириной до 14—15 м. За ним возводилась главная стена с воротами, в целях «простреливав мости», по высоте в 2—3 раза превышавшая «острожные» заграждения. Ко всему этому следует упомянуть ров перед тыном шириной 7 - 8 м. Такими схематически представляются типичные древнерусские многорядные укрепления, как бы распластавшиеся по земле и по некоторым своим деталям отдаленно напоминающие защиту бастионного типа.

³⁶ Лаврентьевская летопись под 1184 г.

³⁷ Никоновская летопись под 1184 г. 1

³⁸ В дополнение к такого рода объектам, опубликованным П. А. Раппопортом с разрешения М. К. Каргера используются обмерные данные разрушенного монголами волынского города Изяславля. I

³⁹ При штурме Ошеля нападающие заняли один оплот, «закрывшись его досками» (см.: Татищев В. Н. История Российская, т. III, с. 208).

Прорыв укреплений требовал от штурмующих применения осадной техники **Создания** специальных ударных инженерных команд.

Другая система укреплений, отличавшаяся от описанной выше, заключалась в создании многоярусной высотной обороны. Речь идет о боевых башнях, строительство которых приобрело особое контрштурмующее значение в связи со спорадическим употреблением с XII в. ручных и крепостных самострелов, камнеметных машин, осадных веж, огнеметания **в** только воротные, но и угловые, средистенные и внутригородские башни, видимо нередкие в XII в., сильно повысили стрелковую защиту создали новые возможности флангового и вообще косопрямельного обстрела. На сегодняшний день в городах и замках Руси XII в. открыты **остатки** 10 квадратных и многоугольных деревянных башен,⁴⁰ а в Гродно Боголюбове они оказались каменными.⁴¹ Такого рода сооружения **не-Йяненно** подготовили переход к одно- и многобашенным крепостям, распространившимся в XIII в.

В 1240-х годах, раньше чем где-либо, к массовому строительству многоярусных каменных башен переходят в Юго-Западной Руси. Высота таких сооружений достигала 30 м, что позволяло «бити окрест града»,⁴² блокировать подступы к воротам, защищать дворцы. Даже ворвавшись в крепость, противник не мог скрыться от находящихся в башне стрелков. Независимо от того, входили эти сооружения непосредственно в систему укреплений населенного пункта или нет, они были узлами прежде всего дальнотойной стрелковой обороны. Строительство башен (а в 50—90-х годах XIII в. в Западной Руси их сооружено, по имеющимся сведениям, не менее 15; в дальнейшем, по мере поисков, это число будет, очевидно, увенчиваться) осуществлялось в городах, замках, усадьбах Волыни и других земель.⁴³ Такие постройки возводились даже во владельческих селах, временно покоренных городах и, видимо, страшили монголов. Несомненно, что башни кругового обстрела оправдали себя как эффективное (контрштурмующее препятствие и явились предтечей многобашенных каменных укреплений, появившихся в Северной Руси в середине XIV в. Военное строительство XIII в., все шире экспериментировавшее с каменными башнями, безусловно эволюционировало по пути создания **цельно-шых** комплексов. До 1259 г. Даниил Романович отстроил новую **столицу** — Холм. Как подчеркивает летописец, «его же и татарове не юзмогоша прияти».⁴⁴ Раскопки 1910—1912 гг. в Холме открыли остатки каменного здания, возможно замка, окруженного двухметровой по толщине стеной.⁴⁵ В последние годы каменные крепостные стены XIII в. обнаружены в Каменец-Подольском, Хотине и Кременце. Должны быть предъявлены и обсуждены все доказательства этих важнейших научных открытий. Между тем можно предсказать другие находки такого рода, ибо известно, что, например, Даниил вел широкое оборонное строительство—«бе бо грады инья зиждай противу безбожным татаром». Как мог выглядеть подобный город, об этом есть запись в летописи, посвященная Холму: «Немощно взяти его ... бяхуть бо в нем бояре и людье добрии, в утверждение города крепко, пороки и самострелы».⁴⁶

Войны XIII—XV вв. в значительно большей мере, чем в предшествующее время, преследовали стратегические цели захвата городов и отторжения

⁴⁰ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель..., с. 31 ел. т.

⁴¹ Воронин Н. Н. 1) Древнее Гродно.—МИА, 1954, № 41, с. 136—137; 2) Кре-Йюстные сооружения. — В кн.: История культуры Древней Руси. Ч. I. М.—Л., 1948, уяс. 282.

⁴² Ипатьевская летопись под 1259 г.

⁴³ Раппопорт П. А. Волыньские башни. — МИА, 1952, № 31, с. 202—223; **Г к а-ев** М. А. Военное зодчество Белоруссии, XIII—XVIII вв. Автореф. канд. дис Минск, 1972, с. 8—10.

⁴⁴ Ипатьевская летопись под 1259 г.

⁴⁵ Раппопорт П. А. Холм. — СА, 1954, т. XX, с. 313 ел.

⁴⁶ Ипатьевская летопись под 1261 г.

территорий. Соответственно повысилось значение борьбы за укрепленные пункты, что

можно подтвердить и цифрами. Из примерно 460 зафиксированных источниками военных предприятий 1228-1462 гг. треть была связана с осадой, обороной и взятием городов. Практика крепостного строительства того времени реагировала на эти изменения все более широким обращением к каменным конструкциям, что преследовало цели как безопасного заселения земли, так и ее стратегической защиты. Это общее положение, однако, нуждается в уточнении.

В период монгольского ига в зависимости от фронтов борьбы **укоренились** разные способы обороны земли. Не однозначно оценивалась и роль укреплений. В послебатьево время татарские конники, избегавшие тяжелых обозов и осадной техники, редко отваживались штурмовать города. Одна типичная запись гласит: «Не терпят татарове **стоят** под градом нашим долго, понеже имеют сугуб страх — изнутри граде от нас бояться, а отвне града от князей наших устремления на них бояться».⁴⁷ Если сил при набеге было немного, ордынцы грабили только сельскую округу, если же перевес и внезапность были на их стороне то крепости могли быть захвачены с помощью «изгона», полевого боя у стен укрепления или обманом. Вновь и вновь совершая грабительски рейды, захватчики, как сообщал современник, «до такой степени довольны причиненным ими уроном, что, по их мнению, чем больше опустошают они областей, тем обширнее сделается их царство».⁴⁸ «Тещ ради», записал автор одного произведения, восходящего к XV в., «на чен от Твери и по самое поле на веток ... градов каменных там не зиждут».⁴⁹

Иначе обстояло дело на северо-западной и западной границе, где по словам того же автора, немцы и литва являлись «со огненным **боем** и з градобийственными козньми»,⁵⁰ явно преследуя цель захватить территории и города.

География обороны определила ее различия. От татар приходилось защищаться не столько за брустверами укреплений, сколько методам полевой борьбы. В широких масштабах подобную акцию начало осуществлять Московское княжество в 70-х годах XIV в. В 1373 г. рать князя Дмитрия Ивановича все лето стояла на берегу Оки, «тата не пустиша». Спустя три года операция была повторена,⁵¹ что положил начало формированию сплошной сторожевой линии — будущей засечной черты.

На севере Руси заслоном против железных когорт шведов и немцев помимо походных действий, явилось предпринятое с конца XIII в. широко задуманное строительство крепостей и наращивание оборонной, в том числе камнетной техники. В течение всего XIV в. новгородцы и псковичи, наново укрепив в 1302 и 1309 гг. свои столицы, развертывают неослабевающее крепостное строительство, особенно в приграничных местах. При этом все большее значение приобретало возведение каменных укреплений, лучше, чем прежние дерево-земляные, приспособленных для отражения штурмов. Вынужденное затишье градоделия предшествующих десятилетий сменилось около 1300 г. созданием городов-крепостей на совершенно новых, преимущественно стратегически опасных направлениях. На таких путях строятся Копорье, Корела, Орешек, Изборск Яма, Порхов и др. При создании этих укреплений администрация вечевых

⁴⁷ Никоновская летопись под 1382 г.

⁴⁸ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 114.

⁴⁹ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зарайском. — ТОДРЛ, 1949, т. VII, с. 3й

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Никоновская летопись под 1373 и 1376 гг. — Полки, сторожившие русские земли от кочевников, выставлялись еще в XII в. (ср.: Ипатьевская летопись под 1193 г.).

республик применяла передовые технические приемы и проявляла **военную** дальновидность. Новые сооружения не менее чем на 150 лет **сковали** военную инициативу шведских и немецких феодалов, что в конечном итоге предохранило северные земли от

территориального **расхи-вния**. П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин,⁵² в частности, пришли к выводу, что средневековая фортификация более или менее точно отражала **вменения** военной техники и тактики, — добавим: особенно в эпоху, когда от приступных боев с помощью камнеметов перешли к прямому штурму укрепления. Реакция военных инженеров заключалась в создании во второй половине XIV в. неравномерной обороны и концентрации защитных сооружений на одной, особо опасной, приступной **стороне-блговременного** сооружения.

Глубокая изученность вопроса облегчила новый цикл исследования северорусских средневековых крепостей, который проводится ЛОИА АН ЮСР в последние годы. К каким результатам привела эта работа, можно судить на примере раскопок крепости Орешек. Этот форпост был заложен в 1323 г. в истоке Невы в целях доступа и защиты невиско-балтийского торгового пути. Укрепления первоначальной крепости сгорели 1348 г. в ходе шведско-новгородской войны. А четыре года спустя впервые в оборонной практике севера страны на Ореховом острове **по** общенародному наказу новгородцев — бояр и черных людей — создается каменная крепость с несколькими каменными башнями. Так на невиских берегах было опробовано новшество, которое в дальнейшем будет повсеместно воспринято и активизирует всю систему обороны **военно-инженерных** сооружений (рис. 27). Ореховская твердыня 1352 г. может служить показателем остроты реакции новгородцев на посягательства шведов и одновременно их изобретательности и технической **осведомленности**.

Раскопанная целиком ореховская крепость оказалась трапециевидной по плану, с практически прямолинейными пряслами, по-видимому, заданной длины (80—100 м).⁵³ Рассматриваемое укрепление с симметричным построением двух противоположных прясел, равных по своему протяжению дистанции прицельной стрельбы из лука или арбалета, **можно** рассматривать в качестве проторегулярного. По своему архитектурному облику исследованная крепость сочетала далекие южнорусские традиции, связанные с земляными сооружениями «волынского типа», приемами, свойственными балтийским замкам кастельного образца.⁵⁴ Возможно, что появление ореховского многобашенного замка было подловлено также похожими экспериментами в местной дерево-земляной военной архитектуре.⁵⁵ Новые достижения, однако, с наибольшей **последовательностью** прокладывают себе дорогу в каменной архитектуре. В этом плане литовские и шведские аналогии Орешку показывают, что развитие русского военно-оборонительного строительства не было таким замкнутым, как считали до сих пор. Раскопки Орешка, а также последовавших за ним Ямгорода и Орлеца (годы основания соответственно 1384 и 1342) позволили установить, что оборонные объекты с трапециевидным планом и прямолинейными пряслами сооружались примерно на столетие раньше, чем было известно до сих пор.⁵⁶ Постоянство, с которым возводились эти и сходные с ними вооружения с X по XV в. в разных районах Руси, наводит на мысль, что их

⁵² Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества.. Косточин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962.

⁵³ Кирпичников А. Н. Древний Орешек. (По новым археологическим и **архивным** данным).—История СССР, 1971, № 3, с. 187 ел.

⁵⁴ Абрамаускас С. К вопросу генеза крепостных сооружений типа кастель в Литве. — Науч. тр. высших учеб. заведений ЛитССР, Строительство и архитектура, 1963. т. III, № 1, с. 73 сл.

⁵⁵ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества..., с. 50.

⁵⁶ Там же, с. 86 ел.

использование не было таким эпизодическим и разрозненным, как могло показаться с первого взгляда. Здесь нащупывается ниточка, связывающая развитие оборонного зодчества

севера и юга Руси. Я уверен, что будущие поиски выявят в отношении военной архитектуры еще более прочную связь времен и удревят ряд планировочных решений **тс.** достижений, связанных с каменным строительством.

Строительство многобашенных сооружений и использование в их обороне фланкирующего огня привело к тому, что оборона городов стала, как правило, сильнее атаки. И это несмотря на то, что до конца XV в. характер и темп их переоборудования определялись средствами нападения штурмующих. Сопоставим несколько летописных дат и событий. В 1299 г. немцы «изгнали посад» у Пскова, а в 1309 г. вокруг посада возникает первая каменная стена. Взаимосвязь между атакой и созданием новых средств защиты при все более сокращающейся паузе имела место в Орешке (1348 и 1352 гг.; здесь и далее отмечены год нападения и год перестроек), во Пскове (1323 и 1327 гг., также 1394 и 1397 гг.), в Порхове (1428 и 1430 гг.), Яме (1443 и 1444, 1447 и 1448 гг.). В первом эпизоде летописи сообщается об использовании штурмующими примета, во втором — «пороков и городов», в третьем — пороков и пушек, в четвертом и пятом — только огнестрельного оружия.

Таким образом, срок между нападением и осуществлением оборонительных мероприятий сократился с 10 лет в начале XIV в. до года в се редине XV в. В ускорении этого процесса несомненно сыграли свою роль **появление** огнестрельного оружия и особенно общее усиление всего комплекса осадной техники. С конца XIV в. под стенами осажденных родов наряду с пушками, пищалими, камнеметами применялись «**градо-ные** хитрости» — «грады приступные», «туры великие», «лесь», «**городы**», тараны, примет, лестницы, багры и т. п. Однако чаще всего сокрушить городские укрепления не удавалось даже в процессе **многодневной** осады. Здесь сказался рост обороноспособности укреплений, Давшийся до появления огнестрельного оружия и продолжавшийся 0 все более нарастающем темпе в начальную эпоху его применения. Доказателен в этом отношении пример Пскова, где, помимо нескольких линий стен, в последней четверти XIV в. ставится не менее 16 башен, из них 10—у посадской окраинной, «четвертой стены».⁵⁷

Между 1382 и 1426 гг.⁵⁸ огнестрельное оружие, бывшее на первых порах исключительно средством крепостной защиты, действовало в роли существовавшего военно-технического комплекса. Да и сами стены, **-** башни по своей конструкции с равным успехом подходили для стрельбы из пищали, лука или самострела. В дальнейшем положение стало меняться. По спорному вопросу о времени влияния огнестрельного оружия на средневековую фортификацию следует заметить, что таковое **начинает** обнаруживаться во второй четверти XV в., лишь тогда, когда **пушки** и пищали выделились из состава всего осадного арсенала. **Впервые** непосредственным воздействием пушек можно объяснить утолщение у 1430 г. стен Порхова и перестройку в 1448 г. Ямгорода. А первый случай падения городов Углича и Ржева вследствие артиллерийского обстрела отнесен в наших источниках к 1446 г.⁵⁹ Полагаем, что приведенные примеры **оконтуривают** начальный период самостоятельного влияния **р»вого** оружия на военную архитектуру.

Лишь во второй половине XV в., практически со времени создания Московского государства, пушки достигли такой силы, чтобы пробивать каменные стены. Первый случай такого рода отмечен в 1481 г., когда при осаде Ливонской крепости Велиада (Феллина) «начаше крепко приступати под город с пушками, с пищалими и с тюфяки и, разбивше стену **Јабенb**, Велиада взяша».⁶⁰

Новый этап полностью сложившейся огнестрельной фортификации **обычно** начинают с момента постройки в 1492 г. первого в истории страны строго регулярного четырехугольного Ивангорода. По своему **типу** новая крепость близко напоминала бурги кастельного типа, распространенные в доогнестрельную эпоху, в частности, в ближайших к **Фое-III** странах.⁶¹ Эти укрепления в XV в. отражали все более консервативную линию развития европейского оборонительного зодчества.⁶² Неудивительно, что подражавший

постройкам такого рода Ивангород для **нового** времени был архаичен, так как не имел фланкирующих башен. Просчет был понят после того, как новая крепость была без особого труда **захвачена** во время разбойничьего набега шведов в 1496 г. В течение **ближайших** 11 лет первоначальное укрепление было обстроено со всех **сторон** и стало внутренним замком в боевом отношении далеко не **первого** порядка. Второй каменный Ивангород, возникший в 1496 г., хотя и наследовал от первого «принципы регулярности», но по технике кладки,

⁵⁷ Лабутина И. К. Летописные данные XIV в. о крепостных сооружениях Пскова. - СА, 1970, № 2, с. 93 сл.

⁵⁸ Под 1426 г. Псковская 2-я летопись, описывая нападение. Витовта на **Воронеж, последний** раз сообщает об использовании пороков равноправно с пушками.

⁵⁹ Тверская летопись под 1446 г. Ср.: Лихачев Н. П. Инока Фомы слово **похвальное** о благоверном великом князе Борисе Александровиче. - В кн.: Памятники древней, письменности и искусства. Вып. 168. СПб., 1908, с. 44.

⁶⁰ Никоновская летопись под 1481 г.

⁶¹ Tuulse A. Burgen des Abendlandes. Wien—München, 1958, S. 203 sq., Fig. 218.

⁶² Ibid.. S. 226; ср.: Косточкин В. В. Крепость Ивангород. — МИА, 1952, **«31»**, с. 224 сл.

по плановой структуре, наличию пушечных фланкирующих башен существенно отличался от своего предшественника. Фактически состоялось рождение новой, полностью приспособленной к огнестрельному бою фортификации. Следовательно, за четыре года, прошедшие между постройкой первого и второго Ивангорода, русское оборонное зодчество, во всяком случае, на севере страны,⁶³ совершило поистине революционный инженерный скачок.

В период после 1496 г. на всем севере страны с почти внезапной четкостью оформилась новая школа военного строительства, целиком отвечавшая использованию артиллерийского оружия. Ей присущи стандартные каменные конструкции, регулярные, обычно круглые пушечные башни, техника кладки из плитного камня. Как показали исследования, и в частности дендрохронологические даты деревянных связей стен, реконструированных в московский период Орешка, Копорья и Ладоги, постройки этого круга (сюда же входят Ямгород, Псков, Нижний Новгород) образуют один стилистический и хронологический ряд.⁶⁴ Все они созданы в конце XV—первой четверти XVI в. Таким образом, между временем первого появления огнестрельного оружия и временем возникновения чисто артиллерийской фортификации лежит более чем столетний период интенсивных изменений, породивших новое качество.

Показательно, что по времени создания новой системы фортификации, полностью приспособленной к новому оружию,⁶⁵ Россия относилась к числу передовых стран Европейского континента. Коренной переворот, наступивший в развитии оборонного строительства в эпоху создания единого государства, обозначал, что впервые в русской истории фортификация поднялась на уровень задач, которые ранее решались обычно в открытом полевым сражении.

⁶³ В Москве это, возможно, происходит в середине 80-х годов XIV в., когда источники отмечают первые случаи строительства стрельниц с помощью итальянских мастеров (ср.: Иоасафовская летопись под 1484 г.).

⁶⁴ Кирпичников А. Н. Древний Орешек. — Архив ЛОИА.

⁶⁵ Ср.: Tuulse A. Burgen des Abendlandes, S. 204—207. — Речь идет о второй половине XV в.

МЕТАТЕЛЬНАЯ ОСАДНАЯ ТЕХНИКА

Осадная техника по мере развития феодального строя приобретала все большее значение и порой определяла крупные сдвиги в способах ведения боя не только за города, но и в поле.

САМОСТРЕЛЫ

В Восточной Европе самострелы уступали луку. Этому есть свои причины, в первую очередь связанные с тактикой конных столкновений. Установлено, что лучник мог выпустить в минуту около 10 стрел, арбалетчик за это же время — только одну-две. Сопоставляя оба вида оружия, М. Стрыйковский писал, что пока «поляк натягивает крюком свой арбалет, русский метко ранит своими быстрыми стрелами несколько человек».¹ Однако по силе удара стрелы и прицельной кучности боя самострел порой опережал соперничающее с ним боевое средство. Облагая большой начальной скоростью, самострельный болт пробивал тяжелый доспех, в то же время стрела, выпущенная из лука, могла и не причинить вреда средневековому латнику.

Лук и стрелы — средство прежде всего полевой борьбы. Это оружие — впрочем, с долей преувеличения — считали даже стратегическим. ЩцПо стрельпех, — писал в своем трактате „Политика“ Юрий Крижжа-ЗДвич, — и по лучном бою есть возросло и расширилося Русское государство».² Применение же арбалета свойственно позиционной войне. Во время перезарядки арбалетчик представлял собой удобную мишень и поэтому должен был действовать из-за укрытия — стены или щита. Самострел в течение всего средневековья являлся преимущественно оружием пехоты, для конника он был неудобен.

Значение самострела резко возрастало в периоды активизации крепостной войны и перемен в развитии доспеха и фортификации. Особенно эффективно использовался арбалет при штурме и обороне городов, в борьбе с малоподвижными строями на шведской и ливонской границах, при рекогносцировочной перестрелке враждующих ратей. С этим связано и появление самострела на Руси. В качестве средства преследования и завязки боя он впервые упомянут в событиях междукняжеской борьбы в 1159 и 1176 гг.³ Древнейшие изображения самого оружия, хотя текст источника о нем молчит, помещено в Радзивилловской летописи и в сценах пехотных боев у стен Чернигова в 1152 г. и на р. Каяле в 1185 г.⁴ На этих рисунках мы видим устройство со стремяем, прикрепленным

Цит. по: Dziewanowski W. Zarys dziejow uzbrojenia w Polsce. Warszawa, '1935, p. 105.

езсонов П. Русское государство в половине XVII в. Ч. I, вып. 1. М., 1859, с. 76.

Никоновская летопись под 1159 г.; Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М.-Л., 1964, с. 111.

⁴ Радзивилловская летопись. СПб., 1902, л. 195, 233.

к переднему концу ложа. При такой конструкции, упираясь в стремя ногой, стрелок натягивал руками тетиву, сцепляя ее с зацепом — так называемым «орехом».⁵ При выстреле коленчатый рычаг — спуск — выходил из углубления «ореха», последний, поворачиваясь (ранние «орехи» не имели стержня оси вращения), освобождал тетиву и сцепленный с ней болт (рис. 28).

Первые известия об арбалете разноречивы, и часть из них можно было бы оспаривать, если бы не археологическое подтверждение. Существование механического лука в домонгольский период доказывается наконечниками самостоятельных болтов, найденных, в частности, в Новгороде в слоях последней четверти XII в.⁶ Думаем, что не будут удивительными и более ранние находки, относящиеся, например, к середине XII в. Внедрение этого оружия совпало с усилением индивидуальной самозащиты, получившей тогда наименование «доспех», соответствовало обстановке приступных боев, развертывавшихся у стен русских городов, и было, очевидно, связано с распространением этого устройства у западных соседей Руси, в том числе в Польше.

В течение XII в. арбалет, фактически забытый в XI в., несмотря на церковные запреты, был широко принят в феодальной Европе. В конце XII в. во Франции вводятся отряды арбалетчиков. Известно это оружие было и на Востоке, но начиная с первого крестового

похода европейские рыцари употребляли его чаще, чем мусульмане. Под 1184 г. летопись сообщает о половцах, пытавшихся использовать во время набега на Русь самострельные огнеметные луки, «одва 50 муж можашеть напярщи».⁷ Столь выразительное представление о мощи лука не так уже и преувеличено. Привлекая китайские и арабские источники XI—XII вв., можно расшифровать упомянутую конструкцию как станковое устройство, снабженное одним-тремя, луковищами, сделанными из дубовых и костяных пластин, сила натяжения которых приравнивалась силе 20 опытных стрелков. Сохранились рисунки этого лука, с помощью которого можно метать стрелы, «живой огонь» и, по добавлению В. Н. Татищева, «каменя в подъем человеку». По словам автора древнейшего дошедшего до нас исламского трактата о военном деле аль-Тарсуси, такой аппарат «устанавливают против башен и подобных препятствий, и ничто не может устоять против него».⁸ Характерно, что в полевом бою привезенные половцами упомянутые выше орудия оказались бесполезными и были захвачены русскими. Приведенный случай знакомства Руси с восточными крепостными устройствами, однако, не исключает европейских, сегодня наиболее вероятных, путей проникновения ручного самострела на Русь. К этому склоняют и постоянные вооруженные конфликты на русско-ливонском рубеже, и находки ранних тождественных по форме самострельных болтов на территории Руси и Юго-Восточной Прибалтики.

На первых порах использование нового оружия не было регулярным даже в осадных операциях, что дало повод ливонскому хронисту заметить под 1206 г., что новгородцы якобы не знали самострелов-баллист.

⁵ Ср.: Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41, рис. 88, 18.

⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. М., 1966, с. 92.

⁷ Ипатьевская летопись под 1184 г. .

⁸ Cahen С. Un traite d'armurerie compose pour Saladin. — Bull. d'etudes orientales, Beyrouth, 1948, t. XII, c. 129.— Трактат написан для султана Саладина (1138—1193гг.).

В 1223 и 1224 гг., по сообщению того же источника, русские **батарии** со стен Юрьева действовали против орденских рыцарей.⁹

Об оборонном применении самострела в 40-х годах XIII в. можно судить по находкам самострельных болтов. При раскопках южнорусских городов, погибших от монгольского разгрома, эти наконечники составляют 1.5—2% от всего числа найденных наконечников стрел.¹⁰ А при исследовании вольнского городка Изяславля натолкнулись на останки стрелка-арбалетчика, видимо военачальника, погибшего при защите **воротной** башни. При нем найден пока древнейший в Европе поясной **крюк** натягивания тетивы арбалета (рис. 29). Один конец крюка при помощи заклепок крепился к поясу, другой, раздвоенный на зацепы, **рдъзил** вдоль ложа.¹¹ При действии таким приспособлением стрелок, упершись ногой в стремя и распрямляя корпус, подтягивал тетиву " зацепа. Полагают, что крюки натяжения могли появиться во второй половине XII в. и до находки в Изяславле старейшими были образцы **j** шведского замка Арена, разрушенного вскоре после 1305 г.¹² Найденное в Изяславле приспособление может служить показателем **переча** от ручного к более сложному натяжению арбалета. Объяснение этого факта заключается, по-видимому, в изготовлении все более мощных **многосоставных луковищ**, при склеивании которых набирались полосы (**ига**, китового уса, дерева, кожи или сухожилий, бересты).¹³ Прогресс

⁹ Латвийский, Г. Хроника Ливонии. М.—Л., 1932, с. 91, 214, 226.

¹⁰ По нашим подсчетам, из 600 наконечников стрел, найденных на городище Князя Гора Киевской обл., арбалетных —10. Соответственно в Сахновке Киев **КЮб** обл. — 200:2, в Городище у с. Городище (древний Изяславль) Хмельниц-

¹¹ Кирпичников А. Н. Крюк для натягивания самострела 1200—**ШО** гг. -- (©ИА, 1971, вып. 125, с. 100, рис. 36.

упругости луковища привел во второй четверти XIII в. к настоящему механическому натяжению самострела с помощью коловорота ¹⁴ (а в дальнейшем системы блоков—полиспаства). К коловоротному приспособлению, по справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, относится найденная в 1940 г. во Вщиже в слое первой половины XIII в. железная зубчатая шестерня (табл. XXIV).¹⁵ Перед нами как бы средняя часть всего механизма. Мелкие зубчатые выступы при повороте, вероятно, сцеплялись с таковыми же на кольце рукояти. Предполагается также соединение с еще одной вращающейся зубчатой шайбой, связанной с зацепом натяжения тетивы. Как и крюк из Изяславля, эта находка древнейшая в Европе и может иллюстрировать одно летописное сообщение. О коловоротных самострелах, «великих и малых», упоминает под 1291 г. Ипатьевская летопись. Судя по вщижской находке, использование механического натяжения имело место и в более раннее время. Такой способ заряжения не требовал упора арбалета в землю, и вследствие этого само оружие впервые стало доступным всаднику.

Начиная со второй половины XIII в. широкое использование самострела, в частности, в Юго-Западной Руси не вызывает сомнений. При этом действенность данного средства дальноточной обороны оказалась настолько велика, что устрасила монгольское войско в его намерении напасть на такой город, как Холм.¹⁶ Монголы, по сообщению Плано Карпини, вообще боялись балист.¹⁷ Применение арбалета на западе Европы, особенно после 1250 г., послужило сильнейшим стимулом в деле создания все более непроницаемого доспеха. На Руси влияние этого оружия не было таким ощутимым, но и оно, очевидно, сказалось на появлении отрядов «кованой рати» и изобретении желобчатых павез. В последние 100 лет своего активного боевого существования самострел достиг у нас небывалой популярности. С XIV в. он оказался необходимым средством, дополнившим самое передовое оружие своей эпохи, а именно огнестрельное. Характерно, что при первом упоминании пушек на стенах Москвы в 1382 г. описывается меткий самострельный, а не орудийный выстрел, поразивший «нарочита и славна» татарского князя.¹⁸

О роли самострела в середине XV в. можно судить по тому, что в составе «пристроя градного» он упомянут после пушек и пищалей, но перед щитами, луками и стрелами.¹⁹ Реалистические изображения самострелов сохранились на миниатюрах Лицевого свода XVI в. Это оружие фигурирует во многих батальных сценах. Обычно показаны их луковища, обмотанные сухожилиями, изготовленные к стрельбе болты, прицеливание и держание ложа на уровне глаз бойца ²⁰ (табл. XXV). В последний раз самострел как боевое средство отмечен письменным источником в 1486 г.,²¹ после чего он, очевидно, уступил свое место ручному огнестрельному оружию. Впрочем, как бесшумное охотничье устройство самострел сохранился в быту крестьян и богатых феодалов вплоть до конца XVII в.

¹⁴ Н и и г і К. Zur Geschichte mittelalterlichen Geschutzwesen aus orientalischen Quellen. Helsinki, 1941, S. 46, 208. — С появлением ворота сила натяжения самострела достигла 500 кг, а дальность полета стрелы — 200 шагов.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный Вщиж.—В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 115—116. — Размеры: диаметр 8.5 см, толщина 0.5—0.6 см; на боковой зубчатой грани имеется пропил, вероятно для пропуска **оканатжка** (ГИМ, № 80984, оп. **iii7**; ср.: Федоров-Давыдов Г. А. Болгарское городище-святилище X—XI вв. — СА, 1960, № 4, рис. 13, 1).

¹⁶ Ипатьевская летопись под 1261 г.

¹⁷ Плано Карпини И. История монголов. СПб., 1911, с. 40.

¹⁸ Воскресенская летопись под 1382 г.

¹⁹ Никоновская летопись под 1451 г.

²⁰ БАН, Рукописи, отд., Остермановский 2-й, 31.7 .i30, л. 151—152 ел.

²¹ Гуковский М.А. Сообщение о России московского посла в Милан. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 655,

Заслуга опознания в отечественном археологическом материале арбалетных болтов принадлежит А. Ф. Медведеву.²² Эти наконечники выделяются своей массивностью. По весу они в два-четыре раза превосходят наконечники стрел лука. Устройство болтов с относительно коротким древком (длиной 30—50 см) соответствует их бронебойному назначению (рис. 30). Они обычно пирамидальны, имеют грани, квадратны или ромбовидны в поперечном сечении. Форма рабочей части и соединение с древком рассчитаны на значительную ударную нагрузку. К XIV—XV вв., как подметил А. Ф. Медведев, болты становятся крупнее, более ранние не столь тяжелы (20—50 г). Как показывают находки из Изяславля, эксперименты с относительно тяжелыми болтами (50—70 г) начались уже в первой половине XIII в.²³ Примерно в XIV в. черешковые наконечники болтов все более вытесняются втульчатыми, обеспечивающими более надежное соединение с древком. У наконечников XIV—XV вв. в связи с их некоторым утолщением укорачиваются режущие грани, а лезвие становится по своим пропорциям более приземистым. Эти изделия явно рассчитаны на расщепление пластин доспеха и широкую травму. Типы болтов сводятся к ряду разновидностей — обычно конической, пирамидальной и бипирамидальной формы. Формы наконечников достаточно живучи, большинство из них существовало с XIII по XV в. Хронологические уточнения здесь, однако, не исключены. Так, втульчатые болты бипирамидальной формы как будто не встречаются позже XIV в., а болты приземистых пропорций с укороченными гранями и только квадратные в поперечном сечении характерны для XV в. Формам наконечников болтов (а равно и другим деталям самострела) находится множество европейских и балтийских аналогий, что в данном случае свидетельствует о единстве развития военной техники востока и запада Европы.

²² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие, с. 94 ел. — Предлагаемая мной типологическая схема основана на классификации А. Ф. Медведева, но при этом ее несколько сокращает и видоизменяет.

²³ Кирпичников А. Н. Крюк..., с. 101—102.

КАМНЕМЕТЫ

Едва ли не первые попытки использования метательных орудий имели место во время русско-византийской войны 968—971 гг. В последующие 150 лет источники о них почти ничего не сообщают. После длительного перерыва достаточно достоверные случаи применения метательных орудий (именовавшихся собственным собирательным термином «пороки») в междукняжеской борьбе за города Звенигород-Галицкий и Новгород-Северский относятся к 1146 и 1152 гг.²⁴ Военная ситуация, сложившаяся в середине XII в., приведенным фактам не противоречит.²⁵ Именно в этот период все чаще предпринимают открытые нападения на укрепления. Правда, такие нападения развертывались, как правило, без осадной техники, однако необходимость и возможность ее применения все настойчивее подстегивалась попытками прямой атаки стен и башен.

Появление пороков в XII в. доказывается также лексически. Они неоднократно упоминаются в «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, переведенной до 1200 г. Этот перевод в изобилии отражает современную переводчику действительность и может быть использован для ее реконструкции, что нашло выражение в таком, например, точном обороте: «Паче же всех порочная сила, иже и забрала отшибаху и углы оокру-шаху».²⁶

Период внедрения метательной артиллерии совпал с появлением ручного и станкового самострелов, упомянутых соответственно в 1159, 1176 и 1184, 1219 гг. Последние металы камни «в подъем человеку» и огневые смеси. Источниковедчески в значительной мере скрытое, очевидно, от нас использование осадных метательных средств около 1200 г. устанавливается по новинке оборонного строительства Центральной и Южной Руси — крепостям с обычно трехрядной системой валов и рвов. При такой системе первая

заградительная линия была примерно на 60—80 м отодвинута от главной и почти вплотную подступала к местам предполагаемых установок камнеметных батарей.²⁷ Выдвижение переднего края крепостной обороны точно соответствовало наиболее удобной прицельной дальности стрельбы из метательных машин, а также луков и самострелов, равной около 75 м.²⁸ Таким образом, нападающие вынуждены были начинать бой против передовых заграждений, находясь на двойном расстоянии от главных стен. Иными словами, зона боя вокруг крепостей, равная при однорядной системе в среднем 80 м, при трехрядной расширилась до 150 м. Несомненно, такая система своим появлением была обязана активизации дальнобойной метательной техники.

Дальнейшее внедрение камнеметов сделало возможным как прямой штурм стен, так и их повышенную защиту, что вызвало еще более серьезные изменения самих укреплений. Возникают одно- и многобашенные сооружения, и регулярное значение приобретает фланкирующий обстрел вдоль стен.

²⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.—Л., 1963, с. 161; т. III, с. 42.

²⁵ Кирпичников А. Н. 1) Метательная артиллерия Древней Руси. (Из истории средневекового оружия VI—XV вв.).—МИА, 1958, № 77, с. 6 сл.; 2) К вопросу об устройстве древнерусских метательных машин.—СИМАИМ, 1958, вып. III, с. 405 сл. .

²⁶ Мещерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 304.

²⁷ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 164.

²⁸ По уточненным данным, прицельная дальность ближневосточных камнеметов-равнялась 80—120 м, китайских—75—150 м, причем в последнем случае расстояние в 75 м считалось наиболее стандартным (см.: Школяр С. А. Военный трактат «у цзин пзуньяо» как источник по истории китайской доогнестрельной артиллерии. — В кн.: Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М., 1969, с. 122).

В 1237—1240 гг. китайские среднеазиатские пороки были главным техническим средством, с помощью которого татары захватили свыше 10 крупных русских городов. Завоеватели ускорили массовое внедрение этого оружия, ставшего во второй половине XIII в. необходимым средством штурма и защиты городских стен. В Юго-Западной Руси такого рода случаи относятся источниками к 1245 и 1260 гг., а на севере — к 1268 и 1301 гг. В XIV в. камнеметы отмечены главным образом в войске Верхней Руси, хотя запас таких устройств имеется на вооружении низовских городов: например, в 1382 г.—в Москве. В конце XIV—начале XV в. пороки, достигнув наивысшей мощи в своем развитии, употреблялись наравне с пушками! Однако в первые десятилетие XV в. их перестают брать **пщ** стены осажденных городов, а в середине этого же столетия они и вовсе сходят с технической **сценны**.

Камнеметные машины — целиком исчезнувшая область материальной культуры. На основании миниатюр и различных зарубежных источников в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи были воссозданы, испытаны и экспонированы механически и геометрически подобные древним типовые образцы таких орудий.³⁰ В ходе работы опытным путем был детально воссоздан механизм орудий, опробовано их действие при зарядении и броске камня, определены пропорции частей всего устройства. Реконструированные машины демонстрируют определенную техническую эволюцию. Речь прежде всего идет о крупных станковых самострелах, судя по первому известию 1184 г.—трофею мусульманского Востока. Такого рода крепостные луки натягивались с помощью ворота и, возможно, в одном из вариантов были снабжена ползуном для сцепления с тетивой, двигавшимся между двух станин (рис. 31). Осадные самострелы не могли метать больших камней, а их использование с огнеметной целью, по-видимому, было редким.

В противоречие с довольно скромным распространением камнеметных луков только их и изображают 24 миниатюры Голицынского лицевого свода, созданного в третьей четверти XVI в. (рис. 32). Приходится признать, что эти рисунки вряд ли были скопированы с

каких-то не дошедших оригиналов и по большей части явились домыслом художника, видимо не знавшего о метательных машинах из современной ему боевой

²⁹ В последний раз камнеметные пращи упомянуты в 1446 г. в качестве контр-штурмующего средства на стенах г. Ржева (см.: Лихачев Н. П. Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. — В кн.: Памятники древней письменности и искусства. Вып. 168. СПб., 1908, с. 47—48).

³⁰ Работа проводилась в содружестве с инженером-полковником В. Е. Абрамовым.

практики.³¹ На миниатюрах камнестрельные орудия в виде крепостных луков представлены в сценах осад монголами русских городов, новгородцами - Орлеца, немцами - Пскова, крестоносцами - Константинополя. Ныне установлено, что основной тип осадных орудий у упомянутых народов — не станковые самострелы (хотя они были известны), а различные по мощи и деталям рычажно-пращевые машины. Насколько можно судить о конструкции машин по их названиям, Русь также не была исключением в этом ряду. В том случае, когда летописец не прибегал к обычному термину «пороки», он называл их (четыре раза — под 1238, 1245, 1301 и 1447 гг.) пращами и (один раз — под 1394 г.) порочными **веретенищами**. Последнее название имеет отношение к основной части машины - веретенообразному рычагу. Что же касается самого слова «порок» («**праок**»), то его И. И. Срезневский справедливо связывал со словом «праща», древнечешским «*prastiti* — «метать».³²

С механическими пращами, согласно «Хроники Ливонии» — патереллами, столкнулись и вскоре начали их строить полочане и новгородцы, воевавшие в начале XIII в. с немцами в Юго-Восточной Прибалтике. Патереллы — устройства с рычагом, крепившимся на подвижном вертлюге (рис. 33). Во время производства выстрела короткое плечо рычага натягивали 8 солдат.³³ К такой машине подходит ядро весом 2.5 кг, найденное в Новгороде в слоях начала XIII в.³⁴

Усиление мощи рычажных орудий достигалось простым увеличением их размеров и изготовлением более прочного рычага из связанных вместе нескольких упругих шестов. Исходя из наиболее точных данных, натяжные камнеметы достигали 8 м высоты, весили 5 т и метали камни до 60 кг, а иногда и более. Тяжелые типы этих орудий приводились в действие 50 - 250 солдатами.³⁵ Именно такими механизмами пользовались монголы во время завоевательных походов. Для этой цели монгольские воины, по сообщению Плано Карпини, кроме двух-трех луков со стрелами и топора, имели веревки, чтобы натягивать орудия.³⁶ Во время штурма

³¹ Ныне я не стал бы анализировать никоновские рисунки с такой доверчивостью, как раньше.

³² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II, СПб., 1902, с. 1213.

³³ Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия..., рис. 4.

³⁴ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1969, № 65, с. 150.

³⁵ Школяр С. А. Камнеметная артиллерия и начальный этап развития порохового оружия в Китае. Автореф. канд. дис. Л., 1970, с. 8—10.

³⁶ Плано Карпини И. История монголов, с. 27. — По сведениям китайских хроник, расчет орудия должен был располагать 40 и более веревками длиной 12—15 м (Школяр С. А. Военный трактат..., с. 120).

русских городов батареи из 12—32 механических пращей, очевидно, средней и высшей мощности были способны сбить забрала и проломить стены.

В XII в. на Ближнем Востоке появилось устройство, где вместо мускульной силы людей применялся сначала неподвижный, а затем и подвижный груз-противовес. В Европе такая конструкция стала использоваться в первой половине XIII в., а в Китае — в 70-е годы этого же столетия.³⁷ Достоинством подобных машин было фиксированное расположение и заданное механическое действие противовеса, что обеспечивало большую точность и кучность в стрельбе снарядами весом 20 - 90 кг (рис. 34). Эти машины, по-арабски

называвшиеся «манжаниками», по-немецки «блидами», явились наивысшим достижением средневековых мастеров-каменетчиков. По свидетельству польского писателя Мартина Вольского, именно машины с противовесом назывались «пороками» (**proce** albo proki).³⁸ Это известие дает надежные основания к расшифровке конструкции машин, на определенном этапе развития отличавшихся принципиальным единообразием своего устройства. Тяжелые типы подобных орудий достигали гигантских размеров. Сотни людей «с неслыханными усилиями» строили их прямо под стенами осажденных городов. Начав с крепостных самострелов и легких механических пращей, русское каменетное дело и в дальнейшем, видимо, не прибегало к столь внушительным сооружениям. Во всяком случае, летописи сообщают, что в боях против немецких, шведских и польских феодалов метательные машины сопровождали полевую армию даже во время форсированных многокилометровых маршей.³⁹ Машины были недолговечными, перед крупными операциями их парк обновлялся. За изготовлением каменетов следили особые «порочные» мастера. Каменетное дело, помимо боевой эффективности, требовало математических знаний, точного инженерного расчета, специальных артиллерийских команд. Вплоть до конца XIV в. эти механизмы строились, ремонтировались и хранились во многих удельных столицах.

Итак, судя по прямым и косвенным данным, на Руси употреблялись каменетные машины разного типа. С течением времени предпочтение было, по-видимому, отдано наиболее действенному рычажному устройству с подвижным противовесом. В период, когда каменеты, несмотря на повышение их мощи и точности действия, оказались бессильными перед каменными преградами, они были сметены новым, несравненно более эффективным огнестрельным оружием. Так деревянная артиллерия уступила свое место металлической.

³⁷ Школяр С. А. Камнетная артиллерия..., с. 13.

³⁸ **Biełski** M. Sprawa gycerska. Krakow, 1569, p. 4.

³⁹ Холм—Люблиц, - 60 км, в 1244 г.; Новгород—Раковор, 300 км, в 1268 г.; Новгород—Выборг, свыше 300 км, в 1322 г.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЕГО РАЗВИТИЯ

Огнестрельное оружие относится к числу таких изобретений, которые в международном масштабе произвели революционный переворот в развитии всего военного дела. Вызванные этим переворотом качественные изменения русского военного искусства в основном произошли в эпоху создания единого централизованного государства. Однако начало этого процесса уходит в период феодальной раздробленности.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Огнестрельное оружие появилось на Руси между 1376 (когда со стен одного из болгарских городов против московской рати действовало не названное приспособление— «з города гром пуцаху») и 1382 гг. (когда на укреплениях Москвы наряду с пороками и самострелами упомянуты уже вошедшие в обиход пушки и тюфяки; табл. XXV, 1). Логично предположить, что новое боевое средство было принято в Москве в период наиболее интенсивных военных приготовлений, непосредственно предшествующих Куликовской битве.

В связи со спорами о дате появления в русских землях огнестрельного оружия² целесообразно привести сведения о его распространении в некоторых европейских и азиатских странах. Первое достоверное известие о применении пушек в Западной Европе

относится к 1338 г.³ Вторая половина XIV в. — время триумфального распространения нового оружия по всей Евразии. Стремительность этого движения можно сравнить с пожаром, который, перекидываясь из одной местности в другую, вскоре охватил огромную территорию. Источники следующим образом фиксируют первые даты, связанные с хранением и применением ствольного порохового оружия: в Швеции—1370 г.,⁴ в Немецком ордене— 1374 г.,⁵ в Венгрии—1378—1381 гг.,⁶ в Литве — 1382 г.,⁷ в Польше⁸

¹ Воскресенская летопись под 1376 г.; Никоновская летопись под 1382 г.

² К сожалению, здесь не обходится без натяжек и курьезов. В 1377 г. ливонские немцы при осаде одного замка на Двине в Полоцкой земле применили орудия — **гуки**. Публикаторы; этого известия усмотрели в нем новый факт знакомства русских с огнестрельным оружием «не позднее 1377 г.» (см.: Вилинбахов В. Б., Мурьянов М. Ф. Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием.—ВИ, 1960, № 8, с. 218—219). В действительности упомянутые события развернулись на территории, включенной в состав Литвы еще в 1307 г.

³ Partington J.R. A history of greek fire and gundpowder. Cambridge, 1960, p. 244.

⁴ Viljanti A. Gustav Vasas ryska krig 1554—1557. Stockholm, 1957, s. 233.

⁵ **Jahus** M. Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens. Leipzig, 1880, S. 956.

⁶ Janos K. Regi magvar fegyverek. Budapest, 1971, p. 158.

⁷ ahns M. Handbuch..., S. 877.—На территории Литвы крестоносцы, по сообщению хрониста Виганда из Марбурга, применили бомбарды в 1381 г. (Scriptores rerum Prussicarum. II. Leipzig, 1863, p. 599—600; источник любезно подсказан А. З. Таутовичусом), но еще раньше, в 1377 г., на границе с Литвой были использованы гуки (см. выше).

⁸ Nowak T. Przegląd polskiego piśmiennictwa z dziedziny artylerii do połowy XVII w. — In: Studia i materiały do historii wojskowości. Vol. IV. Warszawa, 1958, p. 247.

и Чехии — 1383 г.,⁹ в мамелюкском Египте — 60-е—начало 70-х годов XIV в.,¹⁰ у турок— 1389 гг.,¹¹ в Средней Азии—1379 г.,¹² (в Индии— 1399 г.,¹³ в Китае — 1366 г.¹⁴ Во всех приведенных случаях сообщения письменных источников отражали достаточно заметное событие, следовательно первые эксперименты могли произойти несколько раньше. Однако процесс скрытого внедрения огнестрельного оружия в большинстве упомянутых стран измерялся не десятилетиями, а годами. В частности, первое употребление ствольного оружия на Руси¹⁵ почти совпало с первой волной его распространения в странах Центральной, Северной и Восточной Европы. Общеευропейское и, более того, общемировое единство процесса распространения первых орудий запечатлено в их конструкциях. Они сходны на огромных пространствах, а их местные особенности в значительной мере сnivelированы.

Терминология первых московских орудий — общеславянская (пушки и пищали) и передневожосточная (тюфяки)¹⁶ — свидетельствует о двух путях проникновения артиллерии: с Запада — от немцев, поляков и литовцев — и с Переднего Востока, возможно из греческо-малоазийских или черноморских центров.¹⁷ При этом западные пути нового изобретения, по-видимому, были особенно приметными. Так писали и летописцы, отметившие под 1378 г. изобретение в Венеции «стрельбы огнистой», проникновение

⁹ Wagner E., Drobna Z., Durdik J. Krojcie, zbroj a zbrane doby predhusitske a husitske. Praha, 1956, p. 82. — Авторы относят достоверное упоминание о существовании пушек ко времени до 1395 г.

¹⁰ Zaky A. R. Gunpowder and arab firearms in middle ages. — Gladius, Granada, 1967, vol. VI, p. 52.

¹¹ Status and research programme 1-st congress of museum of arms and military equipment. Copenhagen, 1957, report, p. 50—51.

¹² Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках. — Изв. Тадж. фил. АН СССР, 1949, № 15, с. 23.

¹³ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 353.

¹⁴ Школяр С. А. Реп. на: Фэн Цзя-шэн. Изобретение пороха и распространение его на Запад. — В кн.: Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 9. М., 1960, с. 178.

¹⁵ По свидетельству летописи **солигаличского** Воскресенского монастыря, галичский князь Андрей Федорович в 1355 г. поставил «около монастыря того острог для воинских людей и снаряд подавал, и огненный бой, и всякую воинскую (силу)» (ГПБ, Рукописи, отд. 1) Пог. 1612, л. 210; 2) 0-IV-1, л. 10; ср.: Военно-ист. журнал,

1964, № 9, с. 124). Еще Н. М. Карамзин, не обнаружив по другим источникам действующих в Солигаличской летописи лиц, назвал ее «новой сказкой» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. СПб., 1642, с. 126, прим. 327; Диев М. Я. О Солигаличе.—Костром, губ. ведомости, 1859, № 10, с. 98). Не вдаваясь в обсуждение исторической достоверности самого документа, представленного в списках XVII и XIX вв. (ср.: Костромская старина, 1901, № 5, с. 477 ел.), замечу, что часть содержащихся в нем сведений имеет явно позднее происхождение. Это связано с пропагандистским приукрашиванием истории монастыря, чтобы «слава поиде отсюда о святой лавре и о житии иночестем» (ГПБ, Рукописи, отд., А. Тит., 3976, л. 7).

¹⁶ Высказана вероятная мысль о происхождении слова «пушка» из древневерхненемецкого и народнолатийского языков. Пищаль — древний оригинальный общеславянский термин. Что касается термина «тюфяк», то он заимствован из древневосточно-татарского и турецкого языков (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971, с. 415; т. IV. М., 1973, с. 138).

¹⁷ Вилинбахов В. Б., Кирпичников А. Н. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси. — СИМАИМ, 1958, вып. III, с. 243 ел.— Вряд ли можно считать татар посредниками в передаче огнестрельного оружия на Русь. Татары в отношении использования этого оружия долгое время отставали от своих европейских соседей. Огнестрельное оружие, упомянутое у крымцев в 1502 г., лишь в 20-е годы XVI столетия получает у них заметное распространение и то под влиянием турок (см.: Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974, с. 30, 70). Известный мне первый случай осады татарами г. Пронска с помощью пушек и пищалей отмечен Воскресенской летописью под 1541 г.

в 1389 г.¹⁸ в Тверь (?) пушек «из немец» и, наконец, присылку великому князю в подарок в 1393 и 1410 гг. ? немецких медных пушек.. Отражением этой же прозападной версии служит не использованное в литературе летописное сообщение о том, что в 1380 г. «преже всех зделал снасть вогнеяго бою — рушницы и самопалы, и пищали железные и медные — немец именован Ян».¹⁹

Развитие отечественного ствольного оружия в полном соответствии с международными темпами в первые 60 - 70 лет его существования (которые можно назвать начальным периодом) происходило довольно плавно, затем интенсивность этого процесса усилилась. На Руси новое оружие первоначально было оборонительно-позиционным, т. е. его употребляли с крепостных стен и башен. Первый случай походного употребления пушек для осадных операций отнесен к 1393 г.²⁰ Поначалу орудия по своей эффективности не выделялись среди других дальнобойных средств. Вместе с пороками, орудия, судя по летописным сообщениям, использовали при осаде городов до 1393 г. (у литовцев на русской границе — до 1426 г.),²¹ при их защите, возможно, до 1446 г. Характерно, что вплоть до 1471 г.²² в осадных операциях наряду с пушками и пищальями, как отмечают источники, участвовали и самострелы. Все эти виды боевой техники при осадах укреплений вели огонь практически с одной дистанции, отстоящей от защитных преград примерно на 80 м. Более того, некоторое расширение зоны боя вокруг крепостей произошло как раз в период равноправного использования старых и новых средств борьбы. Так, в 1408 г. татары, напавшие на Москву, «не смеаху, бо близ града стати пристроения ради градного и стрельня со града».²³

Около 1400 г. в столицах русских земель — Новгороде, Пскове, Твери, Москве — несомненно существовали артиллерийские арсеналы, а сами орудия производились местными кузнецами. Поразительно упорство военных мастеров, изготовлявших кованые и, возможно, другие стволы, применение которых на первых порах было малоэффективным. Источники подчеркивают психологический результат стрельбы — «тол бо грозно, ино якоже от великого того грома многим человекам падати».²⁴ Об орудийном залпе со стен Ралича в 1450г. летописец записал: «Ни во что же бысть».²⁵ Осады с применением пушек нередко затягивались до трех-восьми недель, но оказывались безрезультатными—«а города не взяша».²⁶ Артиллерию на первых порах не отваживались вывозить в поле иначе чем в вагенбургах — гуляй-городах.

На Руси, равно как и на западе Европы и в Малой Азии, положение начинает меняться в середине XV в. Тогда отмечаются первые случаи огнестрельного взятия городов, а вскоре

пушки становятся способными

¹⁸ Густинская летопись под 1378 г.; Тверская летопись под 1389 г. — Известие-Густинской летописи дословно и погодно совпадает с данными М. Стрыйковского (см.: Strykowski M. Kronika polska, litowska, zmodzka i wszystkiej Rusi. II. Warszawa, 1843, p. 56).

¹⁹ Русский временник сиречь летописец. Ч. 2. М., 1820, с. 387. — Аналогичное-известие в рукописи XVII в; см.: ГПБ, Рукописи, отд.; О.XVII.41119, л. 282 (ср.: Михайлов О. А. М. Радицевский. Устав ратных, пушечных и других дел. СПб., 1777, с. 5).

²⁰ Псковская 2-я летопись под 1393 г. — Здесь и далее отмечены летописные даты, которые в отношении фиксации технических нововведений могут несколько-запаздывать по сравнению с фактическими.

²¹ Псковская 2-я летопись под 1426 г.

²² Иоасафовская летопись под 1471 г.

²³ Никоновская летопись под 1409 г.

²⁴ Лихачев Н. П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. — В кн.: Памятники древней письменности и искусства. Вып. 168. СПб., 1908, с. 44.

²⁵ Вологодско-Пермская летопись под 1450 г.

²⁶ Никоновская летопись под 1444 г.

пробивать стены укреплений.²⁷ В 1480 г. во время стояния на р. Угре москвичи «многих побиша татар стрелами и пищалими и отбиша их от берега».²⁸ Данный эпизод знаменателен тем, что представляет первый зафиксированный летописью случай участия огнестрельного оружия в своеобразном полевом бою. Миниатюра Лицевого свода, иллюстрирующая это событие, показывает пушки и ручные пищали, противопоставленные татарскому луку.²⁹ Так первая же крупная попытка использовать артиллерию в боевых порядках полевой армии способствовала свержению татарского ига. Успеху нового оружия содействовал политический фактор. В руках Москвы ствольное оружие стало важнейшим средством защиты и объединения страны. В походах начиная с 1471 г. на Новгород, Тверь, Казань, немецкий Феллин, литовский Серпейск и шведский Выборг артиллерия играет решающую роль наступательного оружия.

Приехавший в 1475 г. в Москву Аристотель Фиораванти организует одну из немногих в Европе крупную литейную пушечную мануфактуру. О напряженной деятельности этого предприятия свидетельствуют приезды в 1484, 1490, 1494, 1504, 1507, 1513 гг. греческих, итальянских, немецких, шотландских и других пушечных мастеров. До нас дошли 1 ружейный ствол, 2 подлинных орудия и 28 описаний такого рода изделий названного периода (рис. 35, 36). Сравнивая группы этих орудий, можно вывести заключение о существовании серийных отливок, налаженно выпускавшихся из года в год. Привлекая данные более поздней поры, удалось выяснить, что единообразные по калибру и длине модели стволов (а соответственно и их формы) создавались с помощью одинаковых кружал. Последующие отливки при полном сходстве своих технических характеристик несколько различались только по весу.³⁰ Эта своеобразная стандартизация орудий позволила перейти к их массовому литью, что в короткий срок привело к обновлению всего артиллерийского парка страны. Таким образом, задолго до петровских военных реформ правительственная регламентация производства пресекла произвол в выработке орудий. Неоднократно высказывавшееся мнение о полном хаосе и беспорядке в производстве древнерусских орудий и отсутствии минимального единообразия в их изготовлении нуждается в коренном пересмотре.

Одновременно с переходом к типовому литью устанавливается система калибров по весу каменного и чугунного ядра в гривенках

²⁷ Взятие Велиада-Феллина (Московский летописный свод конца XV в. под 1481 г.; см. также раздел об укреплениях).

²⁸ Иоасафовская летопись под 1480 г.

²⁹ ГПБ, Рукописи, отд., Шумиловский, F.IV.232, л. 339 об.

³⁰ Кирпичников А. Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. — СА, 1957, № 3, с. 69—70.

(фунтах).³¹ В пределах одного калибра изготавливались стволы разного назначения и длины. По нашим подсчетам, общее количество калибров XVI—начала XVII в., если учесть городовую, полковую, осадную и корабельную артиллерию, достигало 30, а родов и видов орудий было тогда 70—100.³² Разнообразие калибров и известная множественность орудий, кроме Руси, характерны для других европейских государств. Так, в XVI в. в Италии 15 калибров соответствовали 26 системам, а в Испании 34 калибра включали 100 различных орудий.³³

Вернемся, однако, к преобразованиям последней четверти XV в. При описании орудий, отлитых мастером Яковом в 1483 г. и Петром в 1501 г., замечено, что они были в «станке на колесах», т. е. на колесном лафете. Введение колесных лафетов способствовало выделению полевой артиллерии (у гуситов это имело место уже в первой половине XV в.). Во второй половине XV в. полевые пушки получили балансирующие цапфы,³⁴ что можно предполагать в двух приведенных выше случаях. Итальянец Павел Йовий со слов московского толмача Дмитрия Герасимова писал:

«В московской крепости видно много медных пушек, вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колеса».³⁵ Судя по контексту, это указание вполне может относиться к орудиям, изготовленным в 80—90-х годах XV в. Таким образом, медная артиллерия была поставлена на колеса, что резко увеличило ее подвижность и позволило применить в полевой войне (это впервые в широких масштабах использовано в битве на р. Угре в 1480 г.).

Одновременно с пушечной мануфактурой в Москве организуется производство чугунных ядер и создается пороховой двор (первое упоминание—1494 г.), что означало переход к производству гранулированного пороха, заменившего собой непрактичную пороховую мякоть. Последняя представляла собой простую смесь составных частей и требовала для своего горения некоторого свободного воздушного пространства. Заряд даже у больших орудий равнялся *Vio—Via* веса снаряда. Соответственно таким требованиям зарядная камера делалась так, чтобы снаряд и пыж не доходили вплотную до пороха. Это в немалой степени повлияло на разницу в размерах казенной и дульной частей орудий, появление казозарядности и коротких орудий, ствол которых не препятствовал зарядке. Зернение пороха привело к тому, что между отдельными зернами образовались естественные воздушные промежутки и воспламенение происходило гораздо быстрее, чем при использовании пороховой мякоти. Снаряд и пыж отныне можно было накладывать на заряд, не заботясь о воздушной прослойке. В связи с этим постепенно исчезает разница в размерах и калибрах дульной и казенной частей орудий, упрощается процесс зарядки, сам заряд стал составлять «против ядра сполна».³⁶

Массовость внедрения артиллерийского оружия сказалась на его количественном увеличении. В 1513 г., по отзыву очевидца, в штурме Смоленска участвовало до 2000 больших и малых пищалей, «чего никогда

³¹ Понятие о весовом калибре для каменного и чугунного ядра возникло в Европе, по-видимому, во второй половине XV в. (см.: Нилу с А. История материальной части артиллерии. Т. I. СПб., 1904, с. 74—77).

³² Несомненно, что калибровка снарядов и орудий существовала задолго до изобретения Гартманом в 1540 г. артиллерийской шкалы, наглядно соотносившей вес и линейные размеры употреблявшихся тогда ядер. Кирпичников А. Н. К характеристике материальной части артиллерии. (О единообразии в изготовлении средневековых орудий и их классификации). — Архив ЛОИА.

³³ Нилус А. История..., с. 96. Muller H. Deutsche Bronzegeschutzrohre 1400—1750. Berlin, 1968, S. 41.

³⁵ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 275.

³⁶ ДАИ, 1853, т. V, с. 272—274.

еще ни один человек не слыхивал». ³⁷ Так как среди орудий находились, вероятно, и ручные пищали, то цифра окажется уже не такой преувеличенной. Косвенно это подтверждается сообщением, что в 1514 г. во время заключительного, решающего наступления на Смоленск в составе осадного парка насчитывалось «300 орудий, называемых бомбардами». ³⁸ Последнее и предопределило исход борьбы. В более ранних частных эпизодах летописи упоминали только 5—6 пушек, что не позволяло судить о всем количестве артиллерии как отдельных земель, так и всего объединенного государства.

КОНСТРУКЦИИ И УСТРОЙСТВО ОРУДИЙ

Не позже 1400 г. было создано то видовое разнообразие огнестрельного оружия, которое в течение последующих лет будет настойчиво совершенствоваться. Об устройстве и конструкции ранних орудий при недостатке самих находок можно судить, привлекая летописные, лексические и другие данные.

Первыми в списке порохового оружия обычно называются пушки. Уже в древнейшем упоминании они именуются «великими». Пушки неизменно участвуют в защите городов (с 1382 г.) ³⁹ и вагенбургов (с 1399 г.) и в штурме укреплений (с 1393 г.). По-видимому, с самого-начала эти орудия входили в состав крупнокалиберной артиллерии, которой суждено будет сокрушить каменные стены и башни средневековых укреплений. Источники подчеркивают гигантские размеры «великих» пушек—их везли на 40 телегах (1428 г.); они иногда портились после первой пробы (1463 г.) и могли сделать не более трех выстрелов в день (1514 г.). ⁴⁰ Несмотря на тяжесть и несовершенство, эти орудия пробивали стены городов и наносили такой урон, что город мог сдать после однодневной осады.

³⁷ Рябинин И. Новое известие о Литве и московитах. (К истории второй осады: Смоленска в 1513 г.).—ЧОИДР, 1906, кн. 6, с. 6.

³⁸ Decjusz J. L. Ksiega o czasach krola Zygmunta. Warszawa, 4960, p. 75.

³⁹ Здесь и далее называются годы первого упоминания в летописях.

⁴⁰ Никоновская летопись под 1428 г.; Псковская 2-я летопись под 1463 г.; Устюжский летописный свод под 1514 г.

Отливка 1000-пудовой «великой» пушки в 1488 г. была записана как событие государственной важности. ⁴¹ В 1585 г. Андрей Чехов создал знаменитую Царь-пушку, по весу превзошедшую свою предшественницу в 2.5 раза (рис. 37). Это орудие, имеющее весовой калибр 52 пуда (что соответствует диаметру канала ствола 92 см) и длину 534 см, ⁴² является ныне едва ли не самым крупным мировым образцом своего рода. Конструктивно Царь-пушка повторяет орудия середины XV в. Именно такие стволы с обнадеживающим реализмом изображены в Голицынском томе Лицевого свода в эпизодах, связанных с осадой литовцами Порхова в 1428 г. и турками Константинополя в 1453 г. (табл. XXVI, XXVII). ⁴³ Эти «рисованные» пушки снабжены утолщениями в казенной и дульной частях, имеют фигурные **торели**, многочисленные поперечные и единичные продольные швы, а один раз—прямоугольные боковые скобы (как на Царь-пушке) для удобства перемещения ствола. ⁴⁴ Пушки подобных форм, относящихся к XV в., сохранились в музеях Вены, Турина, Парижа, Эдинбурга, Стамбула. Одни из наиболее типичных, турецкие, достигают в длину 4.7 м, а их ядра равнялись в поперечнике 64—74 см и весили 220—287 кг. ⁴⁵

Тяжелые пушки входили в состав «проломного стенобитного» снаряда—«а проломы дают они стены и башни и всякие крепости» ⁴⁶—и били ядрами размером «в колено человеку и в пояс». ⁴⁷ Пушки, как и метательные машины, были камнеметными, т. е. вели настильный лобовой огонь в основном только каменными ядрами. По-видимому, с конца XV в. распространились «верховые пушки» - мортиры, предназначавшиеся для навесной стрельбы, - ими «пробивают своды крепки». ⁴⁸ Крупные орудия, эффективные в борьбе за города, для их

защитников были неудобны и обременительны. А. М. Радишевский писал, что «малым нарядом и середние статьи податнее из города в чужие полки стреляти, из малого наряда можно трожды выстрелити, нежели из большова наряду одинава».⁴⁹ Большой наряд этот автор справедливо предлагал «блюсти к стенобою». Рекомендации А. М. Радишевского были подсказаны боевой практикой. Действительно, на вооружении городов XVI в., согласно описям, пушек почти не было.

Иначе обстояло дело в предшествующее время - вплоть до 1471 г.⁵⁰ пушки на стенах укреплений упоминались постоянно. Очевидно, кроме крупных «проломных» орудий, существовали и более мелкие, вполне подходившие для городской артиллерии. Такие стволы могли использоваться длительное время — очевидно, именно они несколько раз отмечены в описи русского наряда, находившегося в 1582 г. в одном из ливонских городов.⁵¹

Обмеры зарубежных каменетных пушек показывают, что их родовые конструктивные признаки вовсе не сводились к исполинским размерам и весу, а заключались в особом по пропорциям устройстве стволов,

⁴¹ Вологодско-Пермская летопись под 1488 г.; ср.: ГПБ, Рукописи, отд., Шумиловский, F.IV.232, л. 410.

⁴² Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. М., 1962, с. 257, рис. 53.

⁴³ ГПБ, Рукописи, отд., Голицынский, F.VI.225, л. 395 об. и сл.

⁴⁴ Там же, л. 810.

⁴⁵ Дероко А. НајсГарНје ватрено оруаје у српennbeBeKOBHoј Србци. — Глас САНУ, отдельнења друштвених наука, Београд, 1961, ССXLVI, кн. 9, с. 28—29, рис. 22—23.

⁴⁶ Михайлов О. А. М. Радишевский. Устав..., с. 101—102.

⁴⁷ Казанская история. М.—Л., 1954, с. 136.

⁴⁸ Михайлов О. А. М. Радишевский. Устав..., с. 102.

⁴⁹ Там же, с. 97.

⁵⁰ Новгородская 4-я летопись под 1471 г.

⁵¹ Коялович М. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. СПб., 1867, с. 669.

равных по длине в XV в., как правило, 4 - 9 калибров.⁵² Условно говоря, чем древнее орудие, тем меньше его относительная длина, выраженная в калибрах. Внутренняя (а иногда и наружная) часть пушек подразделялась на зарядную камору и собственно канал ствола. Пространство каморы делалось уже, чем вместилище ядра, чтобы оно не проваливалось глубоко в ствол. К тому же последний, утолщенный в казенной части, лучше выдерживал напор пороховых газов при выстреле. Уже в течение XV в. длина зарядной каморы, первоначально превосходившая дульную, стала ей равна или уменьшилась в соотношении 1:2. Конструкция пушек, выработанная к середине XV в., принципиально не изменилась и веком позже.

Первым пушкам конструктивно близки стволы типа арабской мадфы с широкой дульной частью и узкой казенной. Речь идет о небольших по размерам железных стволах, по-видимому восходящих по своей форме к первоначальному огнестрельному оружию и послуживших исходными образцами для конструирования пушек и мортир. На территории СССР зарегистрированы две подобные находки: в селении Старый Крым и Ржеве (рис. 38). Длина ржевского оружия 46 см., калибр 12.2—12.7 см, вес каменного ядра около 4.5 кг.⁵³ Стаканообразное жерло ствола явно рассчитано на то, чтобы заряжающий мог дотянуться рукой до устья самой каморы. Ствол был некогда прикреплен обручами к колоде или лафету. Аналогии ржевского орудия известны в Италии, Югославии, ГДР, ФРГ, Чехословакии. Их длина 42 - 58.5 см., калибр 12.2 - 15 см. Все стволы, по единодушному мнению исследователей, были изготовлены приблизительно между 1375 и 1425 гг.⁵⁴ Им присуща длина, составляющая 3.7 - 5.6 калибров, и отношение зарядной и дульной частей как 1—1.5—2:1. Наиболее древние изделия снабжались пороховой каморой, по длине в два раза превосходившей вместилище для ядра. У более поздних образцов оба эти измерения

сравнились. Ржевское орудие в отношении пропорций своего ствола (1.5 : 1) занимает в этом ряду промежуточное положение и принадлежит, по-видимому, к развитой фазе своего типа.

Орудия, сходные с ржевским, относительно нетяжелы (например, ствол из Старого Крыма весит 11.5 кг)⁵⁵ и поэтому удобны для транспортировки. Уже в период гуситских войн подобные стволы были установлены на телеги или колесные лафеты и участвовали в полковых баталиях, отчего и получили название «хуфницы» (от «huf» — «отряд»),

⁵² Дероко А. **НајСтарНје...**, рис. 12, 13, 15, 18, 22—'24.

⁵³ Петрова М. Мортира-уникум. — Военно-ист, жури., 1940, № 1 (6), с. 150—151.—Орудие в Калининском краеведческом музее не сохранилось.

⁵⁴ Essenwein A. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. I. Leipzig, 1877, Taf. AXIII, b; AXX; AXXIII, a, b; Дероко А. **НајСтарНје...**, рис. 1—3; W a s?--ner E. e. a. Kroje..., VII, tab. 11, 3, 7.

⁵⁵ Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961, с. 38.

«полк»)⁵⁶. От хуфниц⁵⁷ ведет свое начало полковая артиллерия. Неизвестно, использовалось ли это оружие в полевых битвах XV в. на Руси (ржевский экземпляр, очевидно, входил в состав городского наряда). Установлено, однако, что в XVI в. «гафуницы» производились в Москве. Сохранилась «гафуница» мастера Игнатия, отлитая в 1542 г.⁵⁸ (рис. 39). Камерная часть этого орудия составляет четверть его длины; следовательно, речь идет о конструкции, хотя и восходящей к XV в., но в отношении своих пропорций уже значительно усовершенствованной.

На втором месте после пушек летопись обычно называет тюфяки. Они отмечены в боевых эпизодах 1382—1485 гг. как орудия обороны укреплений (с 1382 г.) и нападения на них (с 1408 г.). В конце XV в. тюфяки исчезают из состава походного наряда, но на вооружении укреплений остаются вплоть до конца средневековья. В конце XV в. тюфяки стали отливать в Москве. Сохранились сведения о таком производстве, отлитом мастером Игнатием в 1500 г. По-видимому, в несколько более раннее время изготовлен находившийся в Киеве тюфяк мастера Якова, знакомого нам по клейменной продукции 1483—1491 гг. Оба изделия относятся, судя по их описанию, к артиллерийскому оружию.⁵⁹ Значение этого оружия в XVI—XVII вв. оценивается в следующих цифрах. Среди 622 русских орудий, находившихся в 1582 г. в ливонских городах, числился 61 тюфяк (11 %).⁶⁰ Во второй четверти XVII в. в 50 населенных пунктах Русского государства насчитывалось 88 бронзовых и 46 железных орудий этого типа, что составляло 5.4% всей городской артиллерии низовских городов (134 и 2637).⁶¹ Количество тюфяков в каждом отдельном укреплении редко превышало 9—10. А. М. Радишевский предлагал ставить их на раскатах и в подошвенных боях укреплений.⁶² В середине XVII в. необходимость в этом оружии начинает снижаться и его перестают посылать в новопостроенные крепости.

В подавляющем большинстве документов XVI—XVII вв. тюфяки названы «дробовыми», т. е. они стреляли своеобразной картечью — «дробосечным железом» — и, следовательно, служили в первую очередь для поражения неприятеля, идущего на штурм стен и башен. После публикации тюфяков, изготовленных около 1610 г. в Соловецком монастыре (рис. 40), их конструкция, сложившаяся в XVI в., не представляет загадки.⁶³ Ствол этих орудий имел коническую форму, приспособленную для веерного разлета дроба, соответственно калибр такого устройства не мог быть измерен

⁵⁶ Durdik J. Sztuka wojenna husitow. Warszawa, 1955, p. 90: CD: Waffner E e. a. Kroje..., VII, tab. 14—15.

⁵⁷ От чешского слова «хуфница» как вариант производят немецкое «Haubitze».

⁵⁸ Каталог..., с. 134—135.

⁵⁹ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии. — СА, 1961, № 3, с. 236; Лебедевская А. П. Очерки из истории пушечного производства Московской Руси. — СИМАИМ, 1940, вып. I с 46

⁶⁰ Коялович М. Дневник..., с. 656—670.

"Кирпичников А. Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии. — СИМАИМ, 1959, вып. IV, с. 270 ел

⁶² Михайлов О. А., М. Радишевский. Устав..., с. 134.

⁶³ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. О некоторых памятниках..., с. 235— 237-

и в описях, как правило, не обозначался. Соловецкие тюфяки, соответствовавшие значительным орудиям своего рода, достигали 92— 107 см длины, а поперечник их ствола у дульного среза был равен 22—30 см. О тюфяках имеются многочисленные письменные известия. По данным описи 1582 г., их длина колебалась от 2 до 4 пядей.⁶⁴ В документах XVII в. указываются тюфяки длиной 40—130 см, шириной ствола 17—35 см,⁶⁵ весом 56—120 кг, из чего видно, что их размеры не были постоянными. В большинстве случаев тюфяки описываются как станковая система — они монтировались на колодах, козлах, реже — колесных лафетах. Длина тюфяков, насколько применим здесь этот показатель, по моим измерениям, взятым у дульного среза, не превышала 4 - 7 калибров. Речь, следовательно, идет об относительно небольших короткоствольных устройствах, часть из которых приближалась к мелкому ствольному оружию.⁶⁶ Характерно, что в описях наряда последней четверти XVI-XVII в. тюфяки завершали обычно перечень артиллерийских стволов и писались впереди тяжелых крепостных ружей — затинных пищалей.

Термин «тюфяк» (от вост. «тюфенк», «туфак») возник где-то на Востоке еще в доогнестрельную эпоху и позже обозначал там преимущественно ручное огнестрельное оружие. Сама конструкция орудий с раструбным дулом, возможно, восходит к огнеметным сифонам, известным, например, византийской полиоркетике.⁶⁷

В дальнейшем стволы конической формы унаследуются в Западной и Южной Европе уже в качестве порохового оружия,⁶⁸ хотя там термин «туфак» (за исключением нескольких стран) не употреблялся. Последнее обстоятельство не должно смущать — сходные конструкции порой получали у разных народов различное название. В частности, русские источники XVI—XVII вв., подтверждая широкое распространение рассматриваемой конструкции, иногда, казалось бы необычно, называют тюфяки «немецкими».⁶⁹ Итак, можно заключить, что раструбные тюфяки XVI— XVII вв. устойчиво сохранили черты своей международно принятой первоначальной конструкции. Однако такое толкование не является исчерпывающим.

Тюфяки в XV в. являлись оружием не только защиты, но и нападения на города, а стрелять дробом по стенам и башням было вряд ли целесообразным. Не скрывается ли здесь намек на какую-то другую конструкцию, отличную от раструбной? Упомянутая выше «Описная книга пушек и пищалей» второй четверти XVII в. в 13 случаях (из 134) неожиданно сообщает калибр тюфяков, равный V4, Vs, **®4** и 2V4 гривенки,

⁶⁴ Коялович М. Дневник..., с. 656 ел. — Пядь равна 22.2 см. Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896, с. 261; Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. VI. М., 1914, с. 210, 212; Федоров В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949, с. 95—96.

⁶⁶ Ср. в описи наряда Изборска в 1635 г.: «Тюфяк малой, что затинною (пищалью,—А. К.) был написан» (Раппопорт П. А. Из истории военно-инженерного искусства Древней Руси.—МИА, 1952, № 31, с. 200).

⁶⁷ History of technology. Vol. II. Oxford, 1957, fig. 341.

⁶⁸ Essenwein A. Quellen..., Taf. AX, b; Д е р о к о А. НайдТарике..., рис. 1.

⁶⁹ Коялович М. Дневник..., с. 666; Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 261.

что в линейном выражении составляет примерно 4—8.5 см. Указание калибра предполагает в данном случае наличие цилиндрического дула. Характерно, что ко всем калиброванным образцам полагался не дроб, а ядра. Возможно, что записанные в описях XVI—XVII вв. тюфяки с ядрами по крайней мере частично относились к XV в. Так, в «Описной книге пушек

и пищалей» отмечен «тюфяк медяной, старой, двух пядей, к нему 5 ядер каменных»⁷⁰ — орудие явно для своего времени архаическое.

Если речь идет о прямоствольных тюфяках, то они, очевидно, предназначались для прицельного огня по щитам и легким прикрытиям, а также живой силе, находящейся на стенах крепости, и в этом отношении, видимо, почти не отличались от своего восточного прототипа. Для примера сошлемся на действия восточных стрелков из «туфаков», которые при нападении на одну из индийских крепостей (первая треть XVI в.), «пробивая щиты и доспехи, поражали одного за другим вражеских воинов», так что «они не смели голову высунуть (из-за бруствера стен)».⁷¹

Подытоживая сказанное, можно предположить, что тюфяки с самого начала предназначались для стрельбы преимущественно по живой силе и выделялись часто с относительно короткими коническими и цилиндрическими стволами. В ходе развития цилиндрическая система в последней четверти XV в. была потеснена дробовой, раструбной, что в свою очередь привело к исчезновению тюфяков из состава полевого осадного парка. Причины такого преобразования кроются в растущей популярности длиннствольного оружия — пищалей, лучше, чем тюфяки, приспособленных для ведения прицельного огня с закрытых позиций.

К группе ранних короткоствольных устройств, близких, очевидно, цилиндрическим тюфякам, относятся два неопубликованных, но необычайно примечательных изделия. Одно из них полностью сохранилось. Это ствол длиной 23 см, калибром 3.1 см (длина ствола в калибрах 7.4), укрепленный двумя скобами на деревянном, несомненно первоначально жердевидном прикладе длиной 130 см (табл. XXVIII). Казенная часть ствола откована на восемь граней, дульная — цилиндрическая. Запал находится на верхней грани и отстоит от оконечности на 2.5 см. Судя по тому, что оружие попало в Ивановский краеведческий музей в составе коллекции его основателя Д. Г. Бурьлина и записано в Русском отделе,⁷² надо думать, что оно происходит из какого-либо центральнорусского города или монастыря.

Сходный с первым второй железный ствол случайно найден В. Т. Воронковым в 1958 г. на дне р. Лух у одноименного города Ивановской области (рис. 41).⁷³ Его длина 24 см, калибр 2.2 см (длина—около 11

⁷⁰ Кирпичников А. Н. Описная книга пушек и пищалей..., с. 314. — Тюфяки для ядерной стрельбы, по данным XVII в., имели и более значительные для этого рода оружия показатели. Так, в Старице находились стволы длиной 155—204 см и калибром около 5 см, что соответствовало полуфунтовому снаряду (см.: Крылов И. Материалы по истории города Старицы Тверской губернии. Вып. I. Старица, 1914, с. 14). Длина старицких тюфяков предполагает, что они, возможно, были измерены вместе с приваренным к стволу хвостовым правилом. Полный учет измерений тюфяков XVI—XVII вв. не входит в нашу задачу, тем более что попытка такого рода предпринята В. Г. Федоровым (см.: Федоров В. Г. К вопросу о дате..., с. 95—96, 100—101).

⁷¹ Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия. ..., с. 28.

⁷² Каталог выставки древностей и редкостей из собрания Д. Г. Бурьлина. Иваново-Вознесенск, 1903, с. 17. — Оружие в этом каталоге упомянуто лишь суммарно. По сведениям Ивановского музея, рассматриваемый предмет входит в эту коллекцию.

⁷³ Ильин С. Н. Володина пушка. — «Рабочий край», Иваново, 1959, 28 ноя-, бря, № 280, с. 4. — С. Н. Ильин любезно прислал фотографии находки с указанием ее размеров. По сообщению председателя исполкома райсовета поселка Лух Е. Карачева от 18 февраля 1974 г., ствол, найденный В. Т. Воронковым, к сожалению, 1 утерян.

калибров), вес 4.1 кг. Ствол также был прикреплен к деревянному прикладу, о чем свидетельствуют вытащенная вместе с находкой железная скоба, а также специальный желоб для накладки крепления, расположенный в казенной части рядом с затравочным отверстием. Потерю этого оружия в реке можно, вероятно, связать с русско-татарскими боями, которые велись за г. Лух в 20—40-х годах XV в.⁷⁴

Оба описанных предмета входят в состав 10 древнейших и поэтому редчайших образцов ручного огнестрельного оружия, сохранившихся в музеях Чехословакии, ГДР, ФРГ, Швейцарии и Италии.⁷⁵ Небесполезно сопоставить технические данные этих железных изделий, относящихся примерно к 1375—1450 гг. Длина стволов обычно 17—29.5 см, калибр 2.5—3.3 см, длина ствола в калибрах 6—12, длина приклада 95—144 см, вес стволов без приклада около 4 кг, с ложами — примерно 7.5 кг. Ивановские образцы по своим измерениям уверенно входят в этот ряд, но по частичной огранке или ее отсутствию несколько отличаются от

⁷⁴ Софийская 1-я летопись под 1429 г.; Софийская 2-я летопись под 4445 г.

⁷⁵ Forrer R. Meine gotischen Handfeuerrohre. — In: Beiträge zur Geschichte der Handfeuerwaffen. Dresden, 1905, S. 25, Taf. I, A—E; Wagner E. e. a. Kroje..., VII, tab. 2, 1, 2; 3, .?; 4, 1, 2 (ср. 11, 1 и 10); Pope D. Guns. London, 1972, p. 31 (fig.).

западных цельнограненных стволов. Некоторые из иностранных образцов, кроме того, снабжены выступом для упора на бруствер и парализации отдачи. У русских экземпляров такой выступ отсутствует — это настоящие ружья, которыми в ту пору пользовались, вскидывая на плечо или зажимая приклад под мышкой.

В рассматриваемую группу на правах «малокалиберного» входит и железный ствол (рис. 42, 1) длиной 19 см, калибром 1.25 см, весом 640 г, верно датированный В. В. Арендтом началом XV в. (или несколько более ранним).⁷⁶ К стволу прикреплены три усилительных кольца, на одном из которых проделана дорожка, ведущая к затравочному отверстию (0.5 см в поперечнике). И ствол и кольца носят следы омеднения. Крепление дула с прикладом, как и в рассмотренных выше случаях, осуществлялось с помощью двух скоб. Место находки предмета не установлено. Возможно, он найден при раскопках Москвы или близких к ней городов.⁷⁷ Речь идет о самом легком среди древнейших огнестрельном оружии — предшественнике кавалерийских карабинов и пистолетов. Находка примечательна в том отношении, что свидетельствует о существовании около 1400 г. образцов, пригодных как для пехотинцев, так и для всадников.

Наименования рассмотренных конструкций подсказаны гуситской эпохой; первые известия об употреблении ручниц относятся в Польше к 1408 г., а в Чехии — к 1421—1422 гг.⁷⁸ В отечественных источниках термин «ручницы» распространяется в 70—80-х годах XVI в.⁷⁹ для обозначения длинноствольных ружей с фитильными замками, несколько ранее называвшихся ручными пищалями. О существовании ручных пищалей летописные источники XV в. прямо не сообщают. Но в Остермановском 2-м томе Лицевого свода ружья впервые показаны в событиях осады Витовтом Вильно в 1391 г. (табл. XXIX, 7), хотя поясняющий текст источника об этом молчит.⁸⁰ При изображении событий XV—начала XVI в. миниатюристы иногда рисовали длинноствольные ружья в эпизодах, где упомянуты пушки и пищали.⁸¹ Можно было думать, что художник XVI в. изображал современные ему ручные пищали. Ивановские экземпляры не оставляют, однако, сомнений в раннем использовании ручного огнестрельного оружия, очевидно практически одновременного первым артиллерийским стволам.

Как бы ни называть описанные выше три ствола — ручницами или ручными пищальями (о пищальях см. ниже, с. 90), они отодвигают далеко на восток установленную до сих пор зону употребления первых европейских ружей. Выдающееся значение этих изделий заключается еще и в том, что они значительно удревняют дату появления ручного ствольного оружия на Руси, которая теперь опускается к концу XIV—первой половине XV в., т. е. к периоду, когда это изобретение только входило в обиход в некоторых технически развитых странах Европейского континента.⁸²

⁷⁶ Arendt W. Zwei Escopettes des historischen Museums in Moskau. — ZWK, 1934, Bd. IV (13), H. 10, Fig. 1 (*верх*).

⁷⁷ В 1937 г. предмет передан из ГИМа в АИМ (№ 381245). Strykowski M. Kronika..., p. 124 (термин «ручница» впервые указан в этой хронике под 1378 г.; см.: там же, с. 56); Wagner E. e. a. Kroje..., p. 83.

⁷⁹ ААЭ, 1836, т. I, с. 367; Коялович М. Дневник..., с. 668 ел.; Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость и вооружение Кирилло-Белозерского монастыря в XVI—XVIII вв.—МИА, 1958, № 77, с. 148—149.

⁸⁰ БАН, Рукописи, отд., Остерманавский 2-й, 31.7.30, л. 1223.

⁸¹ ГПБ, Рукописи, отд., Шумиловский, F.IV.232, л. 339 об. (стояние на Угре, 1480 г.), л. 543 (осада шведами Ивангорода—1496 г.), л. 731 (поход рати к Смоленску—1512 г.).

⁸² ручное огнестрельное оружие впервые отмечено в Англии в 1386 г., в Германии—в 1388 г., в Венгрии—около 1400 г. (ср.: Hoff A. Feuerwaffen. I. Wurz-burg, 1969, S. 3).

Благодаря одной случайной находке развитие первых древнерусских ручниц обретает эволюционную последовательность. Это бронзовый ствол, обнаруженный В. В. Арендтом в одном из московских музеев, затем переданный в ГИМ, а оттуда в 1937 г. поступивший в АИМ (№ 381246; рис. 42, 3).⁸³ Его длина 21.5 см, калибр 1.3 см, вес 465 г. Оконечности изделия снабжены утолщениями, а казенная часть — боковой фигурной полкой, что предполагает фитильное воспламенение. С ложем ствол был скреплен с помощью срединной петли. Перед нами небольшое, вероятнее всего кавалерийское ружьецо. Не исключено, что подобные образцы наряду с орудиями производились московской пушечной мануфактурой. Ствол уверенно датируется последней четвертью XV в. и точно иллюстрирует так называемые *schiorpetti*, т. е. ружьеца, которыми в 1486 г., по словам Ю. Траханиота, пользовались «дети дворян».⁸⁴ Таким образом, речь идет о древнейшем восточноевропейском фитильном ружье, которое пока не имеет вещественных аналогий, но сравнимо с образцами на некоторых немецких рисунках 1460-х годов.⁸⁵

Дальнейшая эволюция ружей будет заключаться в том, что их длина достигнет не менее 25—30 калибров.⁸⁶ Этим путем возникает полномерное фитильное ружье, которое унаследует от ручниц типа ивановских граненую казенную часть и гладкое дуло.

Что касается станковых систем, то в последней четверти XIV в. стволы, обычно не превышавшие в длину 10 калибров, были дополнены средне- и длинноствольными системами, т. е. такими, относительная длина которых равнялась 17—27 и более калибров.⁸⁷ Их собирательное название - пищали. При этом речь идет об изначально трубковидном, удлинённых пропорций устройстве без каких-либо резких перепадов и утолщений. Термин «пищаль» известен в русском и других славянских языках с XI в. и обозначал дудку, свирель. Его первое упоминание в значении ствольного оружия записано и проиллюстрировано под 1399 г. (табл. XXIX,).⁸⁸ В Чехии огнестрельная *pistala* выступает в начале XV в. В ходе гуситских войн она распространяется в Германии, Италии и Польше.⁸⁹ В какой мере русские земли могут быть родиной данного общеславянского оружейного термина, ответят будущие изыскания.

Как средство нападения на города пищали названы в летописи начиная с 1408 г., а их защиты - с 1450 г.⁹⁰ В 1470-х годах это оружие, судя по тому, что его начинают перечислять сразу вслед за пушками, приобретает все более важное значение, опередив в этом отношении тюфяки. Растущее преимущество данного вида боевой техники заключалось в прицельной эффективности настильного огня, производившегося, как правило, железными ядрами.

Начиная с 1480 г. под пищальями в источниках явно подразумевается и ручное, и артиллерийское оружие.⁹¹ Тогда же влияние пищалей сказалось на выделении всадников и пехоты, вооруженных огнестрельным оружием (см. ниже, с. 93), и особого «идищального наряда», впервые

⁸³ Arendt W. Zwei Escopettes...

⁸⁴ Цит. по: Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан.—В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 655.

⁸⁵ Sixl P. Entwicklung und Gebrauch der Handfeuerwaffen. — ZWK, 1899, Bd. I, H. 11, Fig. 39.

⁸⁶ Sixl P. Entwicklung...—ZWK, 1900—1902, Bd. II, S. 409 (ср. S. 164—165).

⁸⁷ Ср.: Nowak T. Przegląd..., p. 271.

⁸⁸ Никоновская летопись под 1399 г.; БАН, Рукописи, отд., Остермановский 2-й, 37.7.30, л. 614.

⁸⁹ Wagner E. e. a. Kroje..., p. 84 (ср. tab. 3, 5).

⁹⁰ Львовская летопись под 1408 г.; Вологодско-Пермская летопись под 1450 г.

⁹¹ Специально ручные пищали упомянуты поздно—в челобитной И. Пересветова, датированной 1538 или 1539 г. (см.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 326).

упомянутого в документе 1511 г.⁹² Содержание этого наряда раскрыто в одном известии 1530 г. Это по преимуществу небольшие, иногда многоствольные орудия и крепостные ружья, названные полуторными, **семипядными**, сороковыми, затинными.⁹³

Древнейшие артиллерийские пищали, о конструкции которых можно составить точное представление, изготовлены в последней четверти XV в. Все они отлиты в московской пушечной мануфактуре и имеют подпись — «пищаль» с обозначением имени мастера и года изготовления.⁹⁴ Длина их 18—23 калибра, что приравнивает их к системам в основном средней длины (стволы свыше 31 калибра считались длинными).⁹⁵ Вытянутые пропорции ствола присущи и затинным пищалам (у западных славян они назывались гаковницами). Древнейший бронзовый образец такого рода длиной 23 калибра с деревянным правилом вместо приклада находится в коллекции ГИМ⁹⁶ и, судя по шведским и немецким аналогиям, относится к 1400—1450 гг.⁹⁷

В XVI в. великие и малые пищали составляли большинство государственного артиллерийского парка страны. Так, опись 1582 г. перечисляет пищали 28 калибров (от **Vs** гривенки до пуда), при этом 11 их разновидностей (от **A** до 6 гривенок), судя по встречаемости, видимо, были ос-

⁹² Вахрамеев И. Исторические акты ярославского Спасского монастыря. Т. I. М., 1896, с. 5—6.

⁹³ Софийская 2-я летопись под 1530 г.

⁹⁴ Лебеядская А. П. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси. — СИМАИМ, 1940, вып. I, с. 62—69.

⁹⁵ Nowak T. Przegląd..., p. 271.

⁹⁶ Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. М., 1953, табл. XXIV, 149.

⁹⁷ Hoff A. Feuerwaffen, S. 6—7, Fig. 5. — К древнейшим образцам огнестрельного оружия некоторые исследователи относят частично или полностью 29 в большинстве затинных пищалей, найденных в Устюжно-Железопольской (см.: Вилинбахов В. Б. К вопросу о датировке устюжно-железопольских пищалей.— СИМАИМ, 1959, вып. IV, с. 2Э5-ч240). Основаниями для датировки этих предметов XV—началом XVI в. послужили грубый выкв ствол, верхнее расположение затравочных отверстий, огранка, мушки и прицелы или прорезы для них, утолщения оконечностей стволов, разнообразие калибров (2.3—6.3 см). Однако эти признаки в той или иной мере присущи и некоторым хорошо датированным стволам XVI—XVII вв. Не тождественны устюжские затинные пищали и центральноевропейским гаковницам XV в. Длина первых в среднем 1.5 м, вторых—около 1 м, вес первых 32—50 кг, вторых 8—24 кг. Крепостные ружья второй половины XV в., следовательно, не были так массивны, как их более поздние наследники. Пospешность изготовления устюжских орудий можно связать с осадой города в 1609 г. польско-литовскими отрядами, когда горожане «начата пушки и пищали ковати ... не усыпающе день и ночь» (см.: Токмаков Ф. Историко-статистическое и археологическое описание г. Устюжны. М., 1897, с. 117). По крайней мере часть рассматриваемых стволов относится к произведениям «домашнего дела», действительно допускавшим множественность калибровки. Разнохарактерность устюжских стволов не является обязательным следствием их значительной разновременности. По данным первой половины XVII в., именно они составляли две трети городского наряда, включавшего шесть различных артиллерийских систем (см.: Максименков Г. А. Из истории древнерусской артиллерии. — СА, 1957, № 3, с. 80). Если в согласии с большинством исследователей признать местное происхождение рассматриваемых пищалей, то отнесение хотя бы части из них к XV в. неправдоподобно. Известно, что Устюжна приобрела значение железодельного центра (а равно и укрепилась) не ранее XVI в. (см.: Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. — МИА, 1949, «Ns 12, с. 198—199; Бахрушин С. В. Железодельные районы в Русском государстве в XVI в.—Вопросы географии, 1950, вып. 20, с. 51). Единственное для XVI в. сообщение об изготовлении в Устюжне корабельных пищалей относится к

1597 г. По данным 1567—1597 гг., среди мастеров этого города кузнецы огнестрельного оружия не упомянуты, что имело бы место, если бы в широких масштабах был налажен выпуск военной продукции (ср.: Колесников П. А. Устюжна-Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 148). В целом пищали устюжской коллекции, особенно после приведенного мною описания новых находок стволов XV в., относятся, очевидно, ко второй половине XVI—началу XVII в., и попытки отнести некоторые из них - к XV в. выглядят неубедительно.

новными.⁹⁸ Дальнейшая судьба этого орудийного парка связана с отбором наиболее рациональных конструкций. «Описная книга пушек и пищалей» 1626—1647 гг. причисляет к ним пищали 14 калибров (от V2 до гривенок), что составило 94.2% всех орудий, калибр которых был в ней указан." Таким образом, длинноствольные орудия разных веса и качеств, которые в 1399 г., как записал летописец, «в поле чисте... не действени бываху»,¹⁰⁰ в эпоху Московского государства определяли состав многотысячной городской и полковой артиллерии и использовались пехотным войском.

ПУШКАРИ, ПИЩАЛЬНИКИ, «ОГНЕННЫЕ СТРЕЛЬЦЫ»

По разнообразию конструкций, способам использования и темпам освоения огнестрельного оружия русские земли входят в число передовых в военно-техническом отношении европейских районов. Такая активность использования нового оружия сохраняется в течение всего XV в. и приводит в последней трети этого столетия к переоформлению всей материальной части. Последнее, в частности, выразилось в том, что пушки исчезают со стен городов и переходят в осадный парк. Наоборот, тюфяк в это же время становятся только средством защиты укреплений, их место в походном наряде занимают пищали, подразделяющиеся на ручные и артиллерийские. Определяющими теперь являются длинноствольные системы, оказавшиеся наиболее перспективными для прицельной дальнбойной борьбы.

Наиболее крупные сдвиги в применении огнестрельного оружия улавливаются в крепостной войне и фортификации. В контрасте с этим в течение значительной части XV в. новое оружие, по-видимому, не оказало сколько-нибудь заметного влияния ни на способы ведения полевого боя, ни на комплекс холодного и защитного вооружения (исключение, пожалуй, представляют крупные заградительные щиты и бердыши). При всем том ствольное оружие в самый первый период своего применения повлияло на выделение особых артиллерийских команд— наследниц подразделений камнеметчиков. Кроме того, судя по ржевской «хуфнице», ивановским и другим ручницам, спорадическое употребление легкого огнестрельного оружия, — возможно, поступившего в полки, — имело место уже в начале XV в. Не могло остаться бесследным и воздействие новой техники на организацию и состав войска. Это воздействие окружено неясностями и спорами, поэтому остановимся на возникновении и специализации новых для того времени формирований воинских людей, *та.* прежде всего пушкарей и пищальников.

Оба упомянутых термина фиксируются источниками, по-видимому, с запозданием— первый в 1514 г.,¹⁰¹ второй в 1500 г. Пушкари в качестве оружейной прислуги появляются в период, когда происходит разделение труда в изготовлении и использовании орудий: прежний мастер-пушечник, умевший «лить и бить» из пушек, теряет свою универсальность и отделяется от бойца-артиллериста.

Что касается пищальников, то сохранившиеся известия обрисовывают их также не ремесленниками, а людьми у наряда. Их иногда отождествляют с пехотой, вооруженной ружьями.¹⁰² Не отрицая использования пищальниками ручного огнестрельного оружия, можно утверждать, что главной их обязанностью было управление орудиями — пищальями. Этот

⁹⁸ Коялович М. Дневник..., с. 655 ел.

⁹⁹ Кирпичников А. Н. Описная книга..., с. 269.

¹⁰⁰ Никоновская летопись под 1399 г.

¹⁰¹ Устюжский летописный свод под 1514 г.

¹⁰² Сводку мнений см.: Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке. Л., 1970, с. 205--207.

род артиллерийской прислуги рекрутировали из посадского населения (только Новгород и Псков выставляли в первой половине XVI в. от 100 до 1000 таких обычно пеших бойцов). В поход пищальники привлекались в тех случаях, когда ожидался или штурм крепостей, или «бережение» речных бродов и дорог на пограничных реках. Эти служилые люди сопровождали наряд и так организовывали обстрел укреплений, чтобы «ис тоуров пушками бити».¹⁰³ Вместе с воротниками, затинщиками и сторожами пищальники несли охранную службу в городах — «быти на городе у наряда у пушок и пищалей неотступно'», а в случае нападения «не даша им (в данном случае литовцам, атаковавшим Чернигов в 1535 г., —А. К.) добре приступа^{тм}».¹⁰⁴

В 1545 г. наименование «пищальники» прилагалось к конным и пешим бойцам с ручным огнестрельным оружием: «Да у тех бы пищальников у конных и у пеших, у всякого человека было по пищали по ручной».¹⁰⁵ Здесь, очевидно, речь идет об особом формировании - первом русском постоянном войске, вооруженном преимущественно ручным огнестрельным оружием, — об «огненных стрельцах».¹⁰⁶ К обслуживанию наряда стрельцы отношения не имели и поголовно были оснащены ружьями. Использование стрельцов как вполне сложившегося воинского контингента имело место в 1552 г. при взятии Казани, когда они выступали в составе штурмующих колонн, а во время осады, находясь в окопах перед турами, «не даваше на стенах людем (казанцам,—А. К.) быти и из ворот вылазити».¹⁰⁷

Создание особых стрелецких отрядов отражало такой уровень внедрения огнестрельного оружия в обиход войска, при котором оно стало, влиять на способы ведения полевого боя. Полагали, что стрельцы являлись историческими наследниками пищальников и были учреждены в 1546—1547 гг. правительством Ивана IV.¹⁰⁸ Эти высказывания нуждаются в уточнении. Предшественниками «огненных стрельцов» были лучники (и арбалетчики). Как особая часть войск в период зрелого средневековья они, правда, перестают упоминаться, однако совершенно не исчезают. Стрелами и луками в течение всего XVI в. пользовалась дворянская конница, и сами «огнестрельные стрельцы», например, при штурме Казани владели старым и новым оружием, «яко и малые птицы на полете убиваху из ручных пищалей и из луков».¹⁰⁹ Что касается времени реорганизации стрелецкого войска, то Иван IV, расширяя его численность и функции, следовал опыту своего отца и деда. Действительно, пешие бойцы, вооруженные пороховым стрелковым оружием, упоминаются в боевых действиях на западной границе с 1485 г.¹¹⁰ Эти пехотинцы названы жолнорами (ср. польск. «zotnierz»—солдат), что в изложении «Казанской истории» передано как «огненные стрельцы».¹¹¹ Точность данного выражения удостоверяется неоднократно упоминавшейся картиной «Битва под Оршей», на которой упомянутые летописью «многие жолноры с пищалями»¹¹² изображены в виде пеших стрелков-аркебузеров

¹⁰³ Во время первого похода к Смоленску артиллерией распоряжались пищальники, которые ночью «полезоша к городу» (Псковская 1-я летопись под 1512 г.).

¹⁰⁴ ДАИ, 1846, т. I, с. 141; Никоновская летопись под 1535 г.

¹⁰⁵ ААЭ, 1836, т. I, с. 184.

¹⁰⁶ Одно из первых упоминаний стрельцов у наряда относится к 1530 г., но здесь их правильнее считать артиллеристами-пищальниками (см.: Софийская 2-я летопись под 1530 г.). Сближение некоторых понятий военной лексики устанавливается, например, по высказыванию, что ивангородские пушкари и пищальники «гораздые стрельцы», т. е. искусные артиллеристы (ДАИ, 1846, т. I, с. 144).

¹⁰⁷ Никоновская летопись под 1552 г.

¹⁰⁸ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, с. 46 сл.

¹⁰⁹ История о Казанском царстве. — ПСРЛ, 1903, т. XIX, с. 425.

¹¹⁰ Псковская 2-я летопись под 1485 г.

¹¹¹ Казанская история. М.—Л., 1954, с. 60.

¹¹² Воскресенская летопись под 1515 г.

О первом массовом выступлении наших жолноров у стен Пскова записано в Псковской 1-й летописи под 1503 г. В дальнейшем пехотинцы с огнестрельным оружием принимают активное участие в широких заградительных операциях против татар.¹¹³ При Иване IV численность этих отрядов, первоначально насчитывавших 1500 человек, была значительно увеличена и составила **ию** численности всей армии.¹¹⁴

Ручное огнестрельное оружие, наиболее эффективное у пехоты, рано оказывается и на вооружении всадников. Павел Иовий со слов толмача Д. Герасимова сообщал (в 1522 г.), что Василий III учредил отряд конных стрельцов;¹¹⁵ Франческо Тьеполо в 1560 г. вспоминает об этих воинах как конных аркебузерах,¹¹⁶ что приравнивает их к конным стрельцам-пищальникам, упомянутым, как отмечалось, в документе 1545 г. Все эти показания дополняются сообщением 1486 г. московского посла в Милане Юрия Траханиота о том, что дети дворянские широко освоили и пользовались самострелами, ручницами и пушками.¹¹⁷ В данном случае речь несомненно идет о походном, преобладающе конном войске, располагавшем главными видами огнестрельного оружия.

Весь поток сведений убеждает в том, что в последней трети XV в. ручное огнестрельное оружие начинает играть в снаряжении войска все более самостоятельную и значительную роль. Появившись практически одновременно с первыми орудиями, ручницы, видимо, рано стали применяться в полевой войне. В дальнейшем это оружие усилилось настолько, что повлияло на организацию «огнестрельных» пехотинцев и кавалеристов. Процесс соревнования старых и новых средств борьбы оказался, однако, длительным, и в течение всего XVI в. конница, оснащенная луками, стрелами и саблями, преобладала, чем и объясняется, что вплоть до начала XVII в. в полевой борьбе широко использовались традиционные доогнестрельные средства боя.¹¹⁸

Итак, пушкари, пищальники и «огненные стрельцы» существовали в первой половине XVI в. как параллельные воинские формирования.¹¹⁹ Эти новые для средневековья части войска сложились не позднее последней четверти XV в., в эпоху существенных изменений военного дела под влиянием «огнестрельного боя», и сами способствовали этим изменениям. Именно с данными формированиями связаны наиболее прогрессивные преобразования, направленные на создание сильной пехоты, конных и пеших «огненных стрельцов» и полевой артиллерии, что в конечном итоге подготовило на исходе средневековья почти полное перевооружение русской армии новой огнестрельной военной техникой.

¹¹³ Иоасафовская летопись под 1517 г.; Герберштейн С. Записки..., с. 76.

¹¹⁴ Казанская история, с. 124.—Горячим приверженцем «гораздых стрельцов огненяя стрелбы» в середине XVI в. выступал И. Пересветов, считавший, что 20000 этих людей по своей эффективности превосходят 100000 прежнего войска (см.: Зимин А. А. И. С. Пересветов..., с. 358).

¹¹⁵ Цит. по: Герберштейн С. Записки..., с. 76.

¹¹⁶ Аннинский С. А. Франческо Тьеполо. Рассуждение о делах Московии. — В кн.: Исторический архив. Т. III. М.—Л., 1940, с. 341.

¹¹⁷ Гуковский А. М. Сообщение о России московского посла в Милан, с. 655. — Перевод мною уточнен на основании следующего приводимого автором текста: «Stambuchine, balestre et schiopetti».

¹¹⁸ В начале XVI в. бывали случаи, когда русская рать терпела поражение из-за недостатка огнестрельного оружия. К числу таких чувствительных неудач относится упоминавшееся сражение 1514 г. под Оршей.

¹¹⁹ Ср. сообщение Пискаревского летописца о том, что в 1535 г. литовский король для осады Стародуба нанял «жолнор, пушкарей и пищальников» (см.: Матер, по ист. СССР. Т. II. М., 1955, с. 33).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев материал, непосредственно связанный с военным делом и вооружением Руси 1240—1525 гг. или ретроспективно относящийся к этому периоду, можно высказать некоторые общие наблюдения.

В истории русского вооружения зрелого средневековья, несмотря на тяжкие последствия монгольского завоевания, не было упадка, перерыва, деградации или прекращения военного производства. Правда, уменьшилось количество мастеров и мастерских. Спасаясь от татарской неволи, ремесленники бежали на свободные территории. Произошло географическое смещение ремесла — его представители отхлынули из районов Среднего Поднепровья и Суздальского Ополя в Галич и Холм, Псков и Новгород. Номенклатура специальностей несомненно не уменьшилась.¹ Мечники, сабельники, бронники (панцирники), щитники, лучники, стрельники, тульники, позднее — порочные мастера и пушечники обеспечивали войско собственными изделиями.

Разнообразный военный арсенал, созданный к 40-м годам XIII в. и представляющий Русь в качестве технически передовой державы своего времени, продолжал существовать и совершенствоваться в последующий период, временами даже в более ускоренном, чем раньше, темпе. Начиная со второй половины XIII в. появляются колющий меч и более изогнутая сабля, создается законченная система чешуйчатого и пластинчатого доспеха, включающая защиту не только наиболее уязвимых частей тела, но и головы, ног и рук, распространяются треугольный щит, топоры-булавы, шестоперы, самострел, шпоры со звездочкой. В течение большей части рассматриваемого периода бой на копьях со специализированным узколейзвийным наконечником остается главнейшим проявлением полевой борьбы.

Система вооружения, принятая в XIV—XV вв., во многом опиралась на результаты и опыт, достигнутые в XIII в. В то же время в период, когда под угрозой оказалось само существование народа, цена и значение всякой защиты и вооружения несомненно выросли. На Руси жадно следили, перенимали и активно вырабатывали военные новинки. С особой интенсивностью этот процесс развертывался при наиболее дальновидных руководителях — Данииле Галицком, Дмитрии Донском, Иване III. В результате русская рать по своей подготовке и оснащению была на равных (а иногда и превосходила) с восточными и западными соседями, удивляя первых и восхищая вторых своим воинским умением, экипировкой и мужеством.

Рать вооружалась образцами, технически современными своей эпохе. В наборе вооружения зрелого средневековья мы не только не встретим ничего архаического, но и обнаруживаем изделия европейского класса, характерные для цветущего и преуспевающего государства, произведения, опережающие свой век. К числу первых относились шишаки, бригадины,

¹ Ср.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 591, 597.

бердыши, щиты-павезы, крупные самостоятельные болты, короткоствольные ручные пищали; к числу вторых — шестоперы и чешуйчатые доспехи, коловоротные самострелы, щиты с желобом для руки. Даже в период острейших военных неудач юго-западные и северные русские земли во второй половине XIII в. находились в состоянии военно-технического подъема, что было связано с активизацией пехоты, средств дальнего боя, внедрением камнеметов и каменной фортификации.

Прогресс техники того времени развертывался с поразительной активностью и был тесно связан с усложнением тактики боя, рассчитанной на расчлененные построения (копье—

стяг—полк) и многоактные рукопашные схватки. В XIV в., а точнее — во второй его половине, складываются общерусская армия и система обороны из каменных крепостей на северо-западе страны и полевых порубежных заслонов в низовских землях.

В течение всего зрелого средневековья полевой бой оставался решающим для исхода всей кампании. Формы его, однако, изменились, что было связано с переходом к тактически усложненному и длительному многочасовому бою, к способным к глубокому маневру тактическим единицам, с созданием многочисленного и дисциплинированного общерусского офицерского ядра армии — дворян и детей боярских, с увеличением численности войска за счет не только горожан, но и вотчинных холопов. В войско влились инженерные и артиллерийские команды, пехотинцы с самострелами. Боец стал более универсальным, так как мог биться, используя одновременно средства дальнего и ближнего боя. Все эти изменения нарастают ко второй половине XV в. — времени, когда было свергнуто монгольское иго и образовалось единое государство.

Во второй половине XIII—XIV в., насколько можно судить по отрывочным примерам, сохраняется во многом унаследованная от домонгольского периода общеевропейская линия развития русского вооружения, что выразилось в распространении наборного доспеха, заменившего кольчугу, современных своей эпохе мечей, шестоперов, бердышей, щитов, шпор, самострелов и пушек. Монгольское нашествие не привело непосредственно к разъединению русской и западноевропейской военно-технической культуры. Такие предметы, как мечи с тяжелым набалдашником, крупномерные шпоры с колесиком, павезы, самострелы с бронебойными болтами, пушки и пищали, одно- и многобашенные укрепления, отражали общеевропейские пути развития военного дела. При оснащении скорее европейскими орудиями войны, чем восточными, достигается историческая победа на Куликовом поле.

Среди балтийских стран русские княжества оказались передовыми в отношении выработки и употребления новых форм щитов (особенно павез), пластинчатого доспеха, звездчатых шпор, шишаков. Такие предметы, как наборные доспехи, шлемы, кожаные наплечники, возможно — щиты, вывозятся в Скандинавию, Польшу, Венгрию, а также к орденским немцам, что в немалой степени способствовало сложению единообразного общебалтийского комплекса вооружения. Эта же тенденция проявилась в изготовлении камнеметов, самострелов, пушек и строительстве крепостей с башнями.

Во второй половине XIV в. в военном деле русских земель начинается особая полоса, связанная с наращиванием вооруженных сил, с интенсивным развитием укреплений и осадной техники. Появление в XII в. камнеметов и самострелов активизировало методы крепостной войны и постепенно привело к тому, что приступный бой у стен городов был заменен прямым штурмом этих стен и все более противоборствующей ему стрелковой обороной. Еще в доогнестрельное время были осуществлены эксперименты с постройкой проторегулярных трапециевидных по плану укреплений и началось возведение пограничных каменных кремлей и стен со многими каменными башнями. Самострелы и камнеметы достигли наибольшей мощи своего развития в момент появления огнестрельного оружия. Это выразилось в использовании тяжелых самострельных болтов и наиболее действенных рычажно-працевых машин с подвижным противовесом. С этими средствами в одних боевых порядках действовало первоначальное огнестрельное оружие, появившееся в русских городах совершенно одновременно с соседними странами. Общее усиление осадной техники, в дальнейшем подкрепленной новым тогда ствольным пороховым оружием, сказалось на военной архитектуре (не менее трех волн влияний). Во второй половине XIV в. переходят к регулярному строительству башен, во второй четверти XV в. разворачиваются отдельные перестройки и утолщения стен и, по-видимому, не позже 90-х годов XV в. формируется фортификация, полностью приспособленная к огнестрельному бою.

По усвоению и использованию различных конструкций огнестрельного оружия русские земли входили в состав развитых в этом отношении европейских стран. Усовершенствование оружия происходило в рамках короткоствольной (пушки, тюфяки, хуфницы, ручницы) и длинноствольной (пищали) систем. Начиная со второй половины XV в. средне- и длинноствольные образцы, наиболее удобные для прицельной стенобитной стрельбы, развивались опережающими темпами, что открыло возможность существенного влияния ствольного порохового оружия не только на осадную, но и на полевую войну.

В середине XV в. в военном, в том числе осадном, деле наступает пора крутых перемен, в полную силу сказавшихся в последней трети этого столетия. О значительных темпах данного процесса можно судить по тому, что камнеметы были вытеснены пушками еще в течение первой половины XV в., а самострелы — ручным огнестрельным оружием в конце упомянутого столетия. В последней трети XV в. огнестрельное оружие оказалось в состоянии пробить каменные, стены городов и нашло применение в поле, повлияв на выделение специализированных отрядов артиллеристов-пищальников и пехотинцев — «огненных стрельцов». Небольшие ружья — предшественники карабинов и пистолетов — проникают на вооружение конницы. В этот период государство обратилось к массовому типовому литью орудий, что в короткий срок позволило создать регламентированный по тактико-техническим данным, единый для всей страны артиллерийский парк. Отсутствие скорострельности и другие недостатки тормозили использование ручного огнестрельного оружия всадниками и в открытом поле. Вследствие этого традиционное холодное оружие ближнего и дальнего боя сохранило полную силу в эпоху, когда пушки пробивали каменные стены и изменили весь ход военно-инженерного дела.

Унаследованная от XI—XII вв. система войны на два фронта получает в XIII—XV вв. многообразное развитие. Это проявилось в вооружении новгородско-псковской «кованой» рати, более специфическом и более тяжелом, чем у низовских полков. Соответственно такому разграничению существовали две географически условные зоны применения пластинчатого и кольчатого доспеха, мечей и сабель, пехотных павез и круглых кавалерийских щитов, самострелов и луков, шпор и плетей, каменных укреплений и полевых застав. Разделение орудий войны, рассчитанных для борьбы с европейским и азиатским противником, никогда не было абсолютным. Пехота северных городов шла на последний бой в Донское поле, а московские всадники со своими стягами двигались в Заволочье. Имели место использование тяжелых «поставных» щитов, шпор с колесиком, самострелов, пушек и пищалей в антитатарской борьбе и сабель и луков на ливонском рубеже, строительство кремлей в Московском и Суздальско-Нижегородском княжествах и маневренные конные бои со шведами и немцами на северо-западных границах.

Диалектически точно эта главнейшая особенность русского военного дела была выражена Ю. Крижаничем в его трактате «Политика» (1663—1666 гг.): «В способах ратного дела мы (русские, — *А. К.*) занимаем среднее место между скифами (подразумеваются турки и татары, — *А. К.*) и немцами. Скифы особенно сильны только легким, немцы только тяжелым вооружением. Мы же удобно пользуемся и тем и другим и с достаточным успехом можем подражать обоим упомянутым народам, хотя и не сравняться с ними. Скифов мы превосходим вооружением тяжелым, а легким близко к ним подходим; с немцами же совершенно наоборот. А поэтому против обоих мы должны употреблять обоюдо родное вооружение и создавать преимущество нашего положения».² Эти слова, сказанные современником тех далеких событий, блестяще передают суть своеобразия средневекового русского военного искусства. Полагаем, что рассмотренное нами «вооружение обоюдо родное» (не только IX—XII, но и XIII—XV вв.) всецело соответствует боевой практике своей эпохи. Своеобразие русского военного убора под влиянием противоречивых обстоятельств и войн на два фронта начало складываться в раннесредневековый период. Но только в первой

половине XV в. этот убор за некоторым исключением (войско Новгорода и Пскова) стал существенно отличаться от западноевропейского, что нашло выражение в распространении облегченного доспеха, использовании лука и стрел, шлемов с еловцами, сабель.

При всех различиях направлений обороны в русских городах независимо от их местоположения выделялись общерусские по своим формам и универсальные в отношении сферы применения изделия, такие как копья, рогатины, сулицы, топоры, шестоперы, шлемы, луки и самострелы, камнеметы, позднее — пушки и пищали. В военном ремесле отмечается растущая тенденция к единообразию, что выразилось в серийном производстве шлемов, чешуйчатых доспехов, кольчужных панцирей, копий, самострельных болтов, щитов, наконец, литых бронзовых пищалей.

Военные победы монголов не означали превосходства их боевой техники, на деле довольно примитивной и скудной. Практически не смогли они подняться до овладения самострелами и огнестрельным оружием и после завоевательных походов середины XIII в. почти перестали пользоваться осадной техникой. Однако в течение всего рассматриваемого периода татарская опасность была главной и вызвала к жизни многообразный по методам отпор. Против монголов выгодно использовалось все, что противоречило их боевой выучке: самострелы и пушки, копьевые удары и метание сулиц, противоборство слитными построениями, охранительные заслоны, борьба с городскими стенами, пехотные вылазки. Если же с татарами сражались способами **легкоконной** борьбы, основанной на массивном применении лука, стрел, сабель и внезапного маневра, то это вовсе не означало заимствования монгольского снаряжения и тактики боя. Методы борьбы с подвижными степняками и выделка легкого оружия установились на Руси с XI в. Несомненно, что этот «обычай» был широко принят в низовской рати, иначе было бы трудно противостоять азиатскому противнику.

Перевооружение по татарскому образцу было первой реакцией военных вождей в середине XIII в. В дальнейшем рать подчиненная татарам страны вернулась к «русскому бою», русскому военному «обычаю», что, как это на первый взгляд ни удивительно, не замедлило оказать свое воздействие на самих победителей. Столкнувшись с упорным сопротивлением и понеся первые поражения, монголы переняли европейский бой на копьях и систему построения по полкам, а позже стали выторговывать у Москвы панцири, шлемы, топоры, узды и седла.

Некоторое монгольское влияние отрицать нельзя, но оно сопровождалось явно негативными результатами, так как речь шла о насильственном

² Безсонов П. Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Ч. II. М., 1860, с. 168.

ном подрыве военного производства и физическом уничтожении населения целых областей. Угон ремесленников и разрушение их мастерских привели к сокращению объема готовой продукции и тормозили темп нововведений. Из-за сохранения татарской угрозы на Руси не был принят рыцарский доспех и дороги оружейного, особенно доспешного, мастерства на западе и востоке Европы заметно разошлись. Тяжелоконный рыцарь представлял бы удобную мишень для татарского лучника. Естественно поэтому, что в целях успешного противоборства русские оружейники пошли по пути изготовления более мобильных боевых и защитных средств, хотя при необходимости могли оснастить «кованую рать», направляющуюся на немецкий рубеж. Для выполнения последней цели псковское и новгородское войско, очевидно, располагало тяжелыми двуручными мечами, крупномерными шпорами, не говоря об обычных для всех удельных столиц камнеметах, самострелах, позднее огнестрельном оружии. Что касается более легкого снаряжения

низовских полков, то скорее не при посредстве монголов, а им вопреки смогли воины того времени познакомиться с такими предметами ближневосточного военного быта, как шишаки, кольчато-пластинчатые доспехи, тюфяки. Можно только удивляться, с какой быстротой Русь, отрезанная от Черного моря, Кавказа и Балкан, получала и осваивала персидское и турецкое оружие, подчас опережая в этом отношении своего основного противника.

Так называемый монгольский период в истории русского военного искусства был сконструирован дореволюционными оружиеведами в пору, когда практически отсутствовали археологические находки XIV—XV вв. Раздавались, правда, и трезвые голоса о том, что «заимствованное от Востока вооружение не должно изгонять собою древнего собственно русского, но служило только к дополнению и усовершенствованию последнего».³ Однако корифеи оружиеведения, загипнотизированные свидетельствами о монгольских победах, составили словарь восточных наименований орудий (войны, употреблявшихся в XVI—XVII вв.⁴ Не вдаваясь в этимологический разбор этих, кстати сказать, чаще всего не монгольских, а иранских или турецких названий, замечу, что они имеют лишь косвенное отношение к рассматриваемому периоду. В источниках XIV—XV вв. отмечены три новых термина — «байдана бесерменская», шишак, тюфяк, — но они, как выяснили языковеды, очевидно, арабского и турецкого происхождения. Им противостоят не менее шести местных новых слов — шестопер, панцирь, бердыш, пушка, пищаль и костер, — связанных частью с европейскими языками. Характерно, что среди находок не опознано ни одного специфически монгольского предмета вооружения. Не фигурируют подобные средства и в русской лексике XIV—XV вв.⁵ Термин «куяк», как отмечалось, не первоначальный и употреблялся лишь с XVI в. Вообще иноязычные военные включения в языке пред- и раннемосковского периода были единичными. Номенклатура вооружения, равно как и весь строй военного дела, в русских землях XIII—XV вв. во многом сохраняли свою независимость и не были сломлены ни восточными, эта тем более западными привнесениями.

Лишь с конца XV в. в русской коннице было принято много восточного снаряжения, что нашло отражение в манере сабельного боя и высокой седловке. Приток в войско восточных элементов связан с начавшейся

³ Банзаров Д. О восточных названиях некоторых старинных русских вооружений.—Собр. соч. М., 1955, с. 164.

⁴ Бранденбург Н. Е. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение. — В кн.: Оружейный сборник. СПб., 1871, № 1—4. — Выделение монгольского вооружения приводило к курьезам. В результате описки писца Оружейной палаты Московского кремля индийские могольские шлемы XVI в. стали именоваться монгольскими (см.: Пятышева Н. В. Восточные шлемы с масками в Оружейной палате Московского кремля. — СА, 1968, № 3, с. 2:28 сл.).

⁵ Сороколетов Ф. П. История воинской лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970, с. 250 ел.

борьбой с Крымским ханством и растущим участием в московском войске живущих у южной границы татар. Интенсивное проявление восточных войсковых особенностей не коснулось пехоты и по сравнению с предшествующими двумя столетиями носило, можно сказать, запоздалый характер, так как происходило в период создания единого государства. Речь идет о новом периоде русской военной истории, когда было свергнуто монгольское иго и в контрасте с ориентализацией конницы происходило все более массовое использование огнестрельного оружия и окончательно сформировалась соответствовавшая ему фортификация.

Русское военное дело зрелого средневековья прошло тяжелейший в его истории путь, отмеченный страданиями, борьбой и поразительной жизнестойкостью. Этот путь можно разделить на несколько частей.

1240—1350 гг. были периодом залечивания ран и собирания сил. Максимально сокращается территория страны, но на севере и юго-западе организуется отпор монгольским

и другим захватчикам. Остановлена шведская, немецкая и частично венгерско-польская агрессия. Военные порядки приспособляются к нововведениям в полководении и осадном деле. Наступает примечательное в европейском масштабе оживление пехоты. В войско открыт широкий доступ горожан и смердов. Камнеметы, лук и самострел существенно влияют на тактику боя. Патриотический подъем всех общественных групп приводит к осознанию грозящей опасности и ускоренной выработке оружия. В военном деле сохраняется разносторонняя обогащающая связь с соседями, что препятствует его ориентализации или порабощению со стороны в тот момент более сильного противника. Строительство и защита укреплений поднимаются на уровень дальновидных стратегических задач. В городах создаются арсеналы и накапливается боевая, в том числе и дальнобойная техника, что компенсирует недостаток живой силы. В тактике и вооружении войска сохраняется «русский обычай», при этом действенность его возрастает по мере ослабления главного врага — монголов.

1350—1400 гг. характерны мощным расцветом военной техники и переходом от обороны к наступлению. Этот период практически совпадает с деятельностью князя Дмитрия Ивановича Донского (1359—1389 гг.), когда в Москве «почали ставити город камен... (в 1367 г.,— А. К.) и князи руськыи начаша приводи^{тм} в свою волю».⁶ К борьбе с Золотой Ордой добавляется сдерживание Литовского государства. Укрепляется представление о едином военном руководстве и полковой дисциплине, и в практику входят общерусские мобилизации. Москва создает крупную общерусскую армию, и во всеоружии преимущественно европейских приемов и боевых средств достигается великая победа над татарами в генеральной битве средневековья, происшедшей на Куликовом поле. Силы монголов еще не сломлены, но навсегда развеян миф о их непобедимости. Дальнейшие временные поражения уже не меняют ни общей обстановки, ни тем более общерусской патриотической воинской идеологии. В войске, как и в предшествующее время, участвуют демократические низы. Пехота наряду с конницей действует в полевых битвах. В Москве и других городах осваивают огнестрельное оружие, едва оно достигает Восточной Европы. Русская рать использует против ордынцев тактику упреждающих полевых заслонов па Оке и рейды в глубь вражеской территории. Необычайно рано и быстро принимаются новинки полевой военной техники общеевропейского класса — щиты-тарчи, шишаки, пушки, ручницы. Переход к строительству многобашенных укреплений сопровождается усилением всей осадной техники. Осознается необходимость широкого строительства каменных укреплений. В отношении приемов и средств крепостной войны татары безнадежно отстают от своих русских данников.

⁶ Рогожский летописец под 6875 г.

1400—1480 гг. были годами накопления сил ^{та}. нанесения решающего удара, что завершилось свержением монгольского ига: «И тогда великая наша Русская земля освободися от ярма и покорения бусурманского и начат обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагатыся».⁷ Победная «весна» совпала с крутой ломкой традиционной системы вооружения и тактики боя. С созданием единого государства укрепляется принцип поместного комплектования войска и создается полурегулярный общерусский офицерский корпус. Место княжеских дружин и городских ополчений занимают несущие сезонную службу дети боярские и их слуги. Закат феодально раздробленной Руси сопровождается решительным продвижением огнестрельного оружия. Его влияние распространяется сначала в системе крепостной, а затем и полевой войны. Вместо копейщиков действует сабельная кавалерия, в лице артиллеристов и «огненных стрельцов» создаются новые для средневековья формирования. Начинается освобождение отторгнутых территорий. Небывалое разнообразие

военных задач диктуется громадной протяженностью новоорганизованных фронтов, обращенных не только против восточного, но и западного противника. Государство стремится сократить некоторый технический разрыв, возникший между востоком и западом Европы. Строительство пушечной мануфактуры и крепостей, полностью приспособленных к огнестрельному бою, отмечает военный аспект реализации этого плана. Существенные перемены второй половины XV в. в первую очередь охватили все военно-инженерное дело. Что касалось традиционного холодного вооружения, то Московская держава практически без заметных изменений унаследовала копья, рогатины, шлемы, кюяки, панцири, щиты, булавы, кистени, шестоперы, сабли, луки и стрелы. Эти средства в течение 50— 200 лет сохраняются на вооружении московского войска и **будут** употребляться наряду с огнестрельным оружием.

Итак, XIII—XV вв. явились периодом сбережения и развития блестящих технических достижений домонгольской Руси. Военные традиции великой европейской страны сохранились и были приумножены в период, когда под угрозой было поставлено само существование народа. В тяжелейших обстоятельствах вырабатывались и использовались разнообразные современные своей эпохе орудия войны и усовершенствовалось войско. Все это происходило в условиях поистине титанической борьбы на несколько фронтов и в конечном итоге способствовало политическим целям преодоления феодальной раздробленности и создания единого государства. В этом заключается великая историческая заслуга многих поколений русских мастеров и воинов, защитивших существование своей Родины и спасших ее независимость.

⁷ Казанская история. М.—Л., 1954, с. 57.